

И.К. Голещихин

Это было недавно...

Издание второе, исправленное

Томск, 2017

ББК 84(2p)6
Г60

Голещихин И.К.

Г60 «Это было недавно...». Издание 2-е. – Томск: изд-во «Иван Федоров», 2017. – 212 с.

В книге описаны встречи с людьми, которых мне посчастливилось знать. Люди эти оставили о себе добрые воспоминания в моём сердце. Судьбы их были нелёгкими, иногда трагичными. На долю моих знакомых выпали тяжёлые времена: крах привычного уклада жизни, революционная сумятица, неразбериха гражданской войны.

В этой круговерти приверженцы «белого движения» с оружием в руках кричали: «Мы спасём Россию!» Им вторили вооружённые «красные»: «Мы – спасители России!» И тем, и другим понять бы, что в такой войне, когда обезумевшие от злобы братья идут друг на друга, победителей не бывает! Кровь, пролитая напрасно, пагубно сказалась на дальнейшей судьбе всех россиян. Зло не побеждается злом...

ББК 84(2p)6

© И.К. Голещихин, 2017

Данное сочинение написано
Голещихиным Иваном Константиновичем –
уроженцем деревни Пристань
Каргасокского района Томской области
(1939 г.р.)

Прощание с деревней Пристань

Было это 14 июля 1958 года. Проснулись мы в этот день раньше обычного. В нашей семье не принято было просто так валяться в кровати, тем более, когда уже взошло солнце. Бодро встали, умывшись, освободились от тревожного сна, оделись. Сегодня нам предстоит покинуть родную деревню Пристань. У нас было несколько часов до отъезда. В это утро всё было как всегда, но по-другому. Невольно мой взгляд задерживался на самом привычном. Тоскливо смотрел я на русскую печь, давно не беленную известью. Возле печи оставался никому не нужный теперь кухонный инвентарь: ухват, лопата, заячья лапа, служившая щёткой для смёта пыли и золы. Тут же на кухонном столе оставался старинный самовар, в углу – сундук, служивший нашему роду много лет.

Перед выходом из дома задёрнули выпцветшие от многократной стирки простенькие занавески на окнах, перекрестились и вышли из дома. Мы покидали родину, где оставалась часть нашей жизни. А там, впереди, за каждым новым поворотом, нас ждала новая неизвестная жизнь, называемая будущим. Почти шестьдесят лет минуло с той поры, а наш маленький домик с занавешенными окнами встаёт передо мной. Как будто и сейчас стоит он, не тронутый временем, среди летнего бурьяна.

До отправления оставалось немного времени. Не зная, чем себя занять, я зачем-то взял в руки косу и стал косить возле стайки крапиву. Поставил косу под навес, обошёл домишко кругом. Горестно, беспокойно, несвободно было

в молодой груди. Не хотелось расставаться со своей милой, благодатной, чистой родиной. В этой деревне я родился, прожил до восемнадцати лет, многому научился. Это было то место, где наши предки много сил и здоровья отдали, чтобы нам, подрастающим, всё пошло на пользу и в научение. Казалось, что рядом звучат их голоса...

Навсегда рушился уклад нашей жизни, рушились традиции. Всеми, что так дорого моему сердцу, по-видимому, приходил конец, а на смену ему неотвратимо спешила неизвестность. На первый взгляд, казалось бы, вот она, новая жизнь! Радуйся! Цивилизация! Учёба! Новые люди! Но что-то уж очень тревожило это всё новое, незнакомое, непознанное! В голову лезли разные грустные думы. Покидаем мы этот милый край с безвинной природой, с пением птиц, с ароматом луговых цветов, речной воды, прибрежной зелени.

Мы расстаёмся с деревней, где нет даже электричества, радио, телефона. Но, рождённые на природе, мы привыкли к естественному свету, к свету божественной благодати. Оставляем то место, где мама вырастила нас в минувшую беспощадную войну. Шестерых детей! Не дала пропасть. Но за все трудности ей пришлось расплачиваться своим здоровьем. Здоровье подорвано лихолетьем коллективизации, работой в колхозе во время войны и в послевоенные годы. Нечеловеческий труд превратил некогда здоровую и красивую женщину в существо, физически и морально надорванное, уставшее и просто равнодушное к своему будущему, без надежды на завтрашний день.

Прошлой зимой нас, парней, рождённых в 1939 году, вызывали в Каргасокский военкомат на призывную комис-

сию. Результаты моей физической подготовки были положительные: и ходьба, и бег на лыжах, и стрельба из винтовки. Я знал, что годен к военной службе и буду призван в армию, когда подойдет срок. Это было время, когда в каждой российской семье рождались и росли здоровые и красивые ребята. Это были выносливые парни, по своим физическим данным готовые спортсмены. Могу привести много случаев, когда молодые ребята и девушки без систематических тренировок показывали отличные результаты физической подготовки, равные результатам профессиональных спортсменов. А нынче государство вкладывает огромные средства, чтобы вырастить несколько тысяч спортсменов-чемпионов. Крепче духом и телом были мои сверстники...

Побывав на сборах, организованных военкоматом, я стал морально готовиться к службе в армии. Нужно было также позаботиться о маме, о её дальнейшем проживании. С приближением лета мы с мамой решили продать всю нашу живность: корову, телят, овец и кур. У нас была отличная охотничья собака, потомственная сибирская лайка по кличке Белок. Ей было около двух лет. Говорить об этом четвероногом друге можно много. Прошла моя жизнь, а его помню до сих пор, помню его глаза, даже радостное преданное дыхание... Отдал я Белка односельчанину. Он предлагал мне небольшие деньги за собаку, но я не взял. Как-то не укладывалась в голове эта купеческая операция: взять деньги за друга и положить в карман! Это, по меньшей мере, походило на предательство.

К моменту нашей подготовки к отъезду и без того маленькая наша деревенька заметно сократилась числу жителей. В ту зиму проживало и трудилось в колхозе сто

десять человек. Люди под всяким предлогом, а чаще и без объяснения причины, покидали заветные места.

Вот наступил и наш черёд. Мы с мамой вынесли приготовленные вещи за ворота, в лодку их помогли перенести наши соседи. Провожать нас вышли все жители деревни от мала до велика. Слезы, дружеские похлопывания по спинам, прощальные слова, сказанные напоследок, врезались в память и бередили душу. Прощай навсегда, бесхитростная жизнь, прожитая открыто, честно! Мы с мамой, прежде чем войти в лодку, обернулись, низко, до земли поклонились родной деревне, всему православному люду, собравшемуся на берегу.

Мама, опустив лицо и пряча от односельчан взгляд, шагнула в лодку, расположилась на сиденье посередине. Губы её были поджаты, глаза уткнулись в днище лодки. Ни словечка, ни слезы. Многолетняя привычка переносить трудности молча дала о себе знать.

Разместились в лодке и мы: я и провожавшие нас односельчанки. Лида Старикова, женщина совсем молодая, сноровистая, сильная, уселась в корме за рулевого. Мы с девушкой Алей сели за вёсла. Аля Шельгорн, с которой мы гребли, совсем недавно сидела со мной за одной партой в школе. Она была из семьи сосланных в 1941 году с Волги немцев.

Лодка взяла направление к селу Усть-Тым, где была пристань для парохода. Он должен был прибыть снизу через три часа. Мы направили нашу лодку сначала по Тыму, а потом вышли на просторы Оби. Стоял солнечный июньский день. Дуновения ветерка даже не чувствовалось, на поверхности воды – сплошная гладь.

Мы с Алей сидели на одной скамейке и дружно работали гребями, придавая ход лодке. Аля была на один год младше меня. Учились мы в одной школе. Ничего особенного я в ней не отмечал: девчонка, как девчонка. А сейчас как-то сразу, в один момент, я обратил на неё внимание. Красивые светлые волосы, белое лицо с голубыми глазами, крупная телом, с полными руками. И нежный приятный запах расцветающей юности...

Июнь – пора цветения шиповника. У нас эти ягодные кустарники росли в большом количестве и разнообразным числом их сортов. Во время цветения шиповник издаёт необыкновенный аромат. Ветки колючие – опасно подойти! А сам куст весь в райских цветах, в бледно и ярко-розовых букетах. Не розы, но очень напоминающие своей природой садовые розы.

Так вот и Аля Шельгорн, расцветшая в свои семнадцать лет, вобрала в себя в эту девичью пору всю свежесть природы. Быстрые и в тоже время серьёзные мысли мелькали в юной голове. Полнота созревшего тела, имеющего запах раннего летнего утра, сочеталась с трепетностью и природной осторожностью, как цветущий шиповник. Коснись, тронь его небрежно – осыплется, и не восстановишь.

Эта скромную красоту юной девушки особо подчёркивала красота окружающей нас природы. Невольно залюбовался я этой картиной. Полноводная река Обь широко разлилась, постепенно захватывая берега. Густые заросли черёмухи купали свои белые соцветья в водной глади. Терпкий запах белых пушистых хлопьев обволакивал нас, сказочный вид прибрежных черёмуховых водопадов радовал глаз.

Мы сидели рядом, зачарованные окружающей красотой, и гребли без усталости, с азартом. Аля и я самую малость не касались друг друга, но своими молодыми телами чувствовали наэлектризованное поле вокруг нас. Не произнося ни слова, ощущали особое, не известное ранее состояние, которое захватывало нас...

Но вот уже показалось вдали село Усть-Тым. Наша лодка, наконец, подошла к пристани. Все выбрались на берег и стали прощаться. В общем-то, сибиряки – народ неунывающий, тонкий безобидный юмор всегда сопровождал нас в повседневной жизни, а тут – как воды в рот набрали. Лида Старикова после неловкой паузы произнесла: «Матвеевна! Прощай, дорогая ты наша! Вспоминай нас иногда!» Стали прощаться, обнялись. Кто-то уткнулся в мою грудь, неловко чмокнул меня в плечо. «Ты, Ванюшка, тоже прощай! Не забывай свою деревню, где ты родился и вырос!» Ещё раз обнялись. Наши односельчанки быстро сели в лодку, оттолкнулись от берега и направили её в сторону нашей деревни. Долго ещё я видел, как на прощание машет платочком Аля. Глаза мои наполнились слезами. Сквозь них, как в тумане, виднелись голубое высокое небо, родной берег...

Возле самой воды на берегу Оби устроились мы, чтобы переждать время до прибытия парохода. Люди, собравшиеся в поездку до Томска, всё подходили и подходили. Набралось человек пятнадцать. Скоро послышался шум работающих колёс, и вдали прозвучал первый протяжный гудок парохода. Скользя по водной глади, двигался он со стороны остяцкой деревни Колгуяк. Раздался второй протяжный гудок. На бортах судна уже чётко обо-

значилось его название «Карл Маркс». При полном приближении к пристани пароход издал третий призывный гудок. В то время был такой порядок: при прибытии и отправлении подавались три гудка. Они были предупредительные, чтобы люди не опаздывали, но и не суетились.

До места назначения нам предстояло путешествие в течение трёх с половиной суток. Белый двухпалубный пароход плыл посреди полноводной тогда реки Оби, рассекая водную гладь, равномерно шлёпая колёсами и оставляя позади одну пристань за другой.

Пароход «Карл Маркс» был старого исполнения. Думаю, что судно было построено в начале XX-го века. Бывало, когда поднимался по удобной роскошной лестнице на верхнюю палубу, то видел, что на каждой ступеньке было выбито старое название парохода. В конце слова-наименования чётко просматривалась буква «Ъ». Эти надписи, увековеченные в металле, были сильно потёрты подошвами многочисленных пассажиров. Прочсть их было невозможно, поэтому память моя не сохранила старого названия парохода. Но любовно выполненные и покрытые жёлтым металлом поручни боковых лестниц выдавали бывшее богатое убранство старого судна. Отделка дверей, кают для пассажиров, кубриков членов команды была выполнена с большим художественным вкусом. Опрятно убранные помещения второй палубы парохода впечатляли пассажиров, делая их путешествие приятным, запоминающимся.

Сбавляя скорость у очередной пристани, пароход издавал гудок, пришвартовывался, провожал выходящих пассажиров, встречал новых. Команда работала слаженно, без

суеты, осмысленно и достойно. В то время добраться до города можно было только рекой, на пароходе. Это был единственный и удобный транспорт. Стоимость билета по тем послевоенным беднейшим временам была сносная.

Мы относились к пассажирам, ехавшим четвертым классом. Устроившись на нижней палубе над машинным отделением на железном полу, мы были довольны своим положением. Было тепло от работающих двигателей и достаточно уютно.

Периодически здоровые парни-матросы тяжёлыми верёвочными швабрами мыли пол. Делали они это очень часто. То тут, то там раздавались громкие окрики матросов: «Эй ты, деревня! Колхозник несчастный! Подбери ноги! Сундук свой переставь!» Чувствовали они себя искушёнными жизнью людьми, пренебрежительно одёргивали нас. Что нам оставалось? Только слушать и подчиняться. Матросы продвигались по палубе, всё кругом блестело, а минут через сорок опять покрывалось слоем сажи.

Устроившись, мы обнаружили, что недалеко от нас в стене был вмонтирован бак с кипячёной водой. Доставали мы продукты из чемоданов и котомок. Подставляли кружки под кран с кипятком. Так с водичкой завтракали и обедали. Сахара у нас не было за неимением денег. Зато рыбы копчёной и малосольной было в достатке. Были хлеб и пироги, испечённые мамой в дорогу, была большая крынка, наполненная икрой. Всю жизнь вспоминаю я это путешествие: шипение на все голоса локомотива, тёплый, иногда даже горячий пол и кран с нескончаемым кипятком.

И спалось в поездке хорошо. Надо сказать, что сон мой всегда был глубоким и здоровым. Стоило только при-

лечь, как сказочные сны подступали ко мне немедленно и окутывали. А когда, повзрослев, перед тем, как уснуть, настраивал сам себя на сон в полчаса или час, то просыпался всегда в точно назначенное время. Нервная система была без нарушений. Лишней информации не было в голове, а только забота о работе. А эта забота и здоровая, и приятная. Любить труд, выполнять любую работу с интересом, даже с некоторой радостью – это Божий дар...

К началу четвёртых суток плавания по могучей реке Обь пароход наш «Карл Маркс» подошёл к селу Победа Шегарского района. В этом селе жил мой старший брат Клавдиян. Он уже давно жил в Победе, работал в лесничестве объездчиком, занимался охраной и обслуживанием лесов. Брат встретил нас с мамой на пристани. Так закончилось наше путешествие. Начиналась новая жизнь.

Село Победа

Пароход «Карл Маркс» приближался к пристани села Победа. День был солнечный, безветренный. Куда ни кинь взгляд, повсюду простиралась бесконечная водная гладь. От тихого невозмутимого течения Оби веяло спокойствием и прохладой. На берегу этой могучей реки и стояло село Победа. Здесь и поселились мы с мамой в доме брата Клавдияна.

Вскоре я осмотрелся, обошёл всё село пешком, познакомился с новым для меня местом проживания. Село Победа было небольшим, растянулось оно по берегу реки Обь. Протяжённость села была чуть более километра. Крепкие дома селян своими огородами упирались в саму реку, поэтому в конце огородов хозяева оставляли свои моторные лодки, привязав их к заборным столбам.

На окраине села начинался великолепный сосновый бор. От дуновения пробежавшего ветерка молодые ярко-зелёные сосёнки ласково покачивали своими мохнатыми лапками, приветствуя каждого входящего в бор. Дышалось в сосновом бору легко, а близость реки делала воздух в нём прозрачно-свежим, ароматным. Был сосновый бор чистым, ухоженным. Порядок в лесу поддерживали всем селом. Кругом идеальная чистота. Упавшие ветки, сучья постоянно убирали. Отношение к природе в те годы было рассудительным и внимательным. А бор баловал селян изобилием ягод и грибов. Был он настоящей живой кладовой для людей и животных. Подрастающий молодняк украшал бор, делал его живым, радостным и вселяющим надежду на будущее.

Особое место в жизни обитателей села Победа занимала река Обь. Богатая всевозможной рыбой, широкая, могучая, полноводная река давала людям и пропитание, и работу. Через реку с раннего утра до позднего вечера ходил паром. Маленький катер тянул за собой небольшую баржу, перевоза на ней с одного берега на другой людей, автомашины, конные повозки, автобусы. Через село Победа проходила в те годы дорога, соединяющая северные районы области с городом Томском. Дорога, сохранившая ещё память о гужевых обозах, имела много опасных поворотов и спусков. Была она посыпана гравием. По дороге передвигались автомашины и небольшие пассажирские автобусы – «пазики». Сиденья в них были покрыты выдавшим виды дерматином, а металлические части в салоне – ржавчиной. Рессоры этих автобусов были в таком плачевном состоянии, что пассажиры старались дорогой больше стоять, чем ехать сидя.

На противоположном берегу располагалось старинное село Шегарка, в старину носившее имя Богородское. Здесь жили потомки древнего народа – карагазы. Дома в этом селе были уже старыми, убогими. Крыши некоторых домов были покрыты многочисленными заплатами из шифера, толи и других подручных материалов. Местами дома даже покрылись мхом, во всём их облиции видны были разрушительные действия беспощадного времени. Местность рядом с Шегаркой была низменная, болотистая, водянистая. Здесь было много речек, истоков, озёр. Несметное количество рыбы и дичи водилось на этих водоёмах. А вдоль их берегов росли ягодные кустарники: смородина и черёмуха.

А в селе Победа брат Клавдиян развернул строительство нового дома. Поселились мы с мамой в старом доме брата. Я стал помогать ему. Вместе мы скоро завершили строительство нового дома, построили скотный двор. Клавдиян держал в личном хозяйстве дойную корову и лошадь. Дом брата находился метрах в ста пятидесяти от реки Обь. Брат ещё мальчишкой во время войны был в колхозе рыбаком, имел большую тягу к рыбалке. Вот здесь, на новом месте, в Шегарском районе такая практика ему пригодилась. Он, как умелый специалист рыбного промысла, быстро наладил перемёты. Поздним вечером ставил на реке ловушку и добывал не меньше ведра стерляди каждую ночь. Надо сказать, что места на Оби от села Киреевска до устья Томи были в те годы очень богаты рыбными запасами. Особенно хорошо ловилась стерлядь у берега вблизи сельского предприятия «Заготзерно» и возле деревушки Оськино.

Вскоре я сообщил Клавдияну, что через несколько месяцев уйду служить в армию, а маму оставляю на его попечение. В Шегарском военкомате я встал на военный учёт и устроился на работу в «Заготзерно». Это было современное электрифицированное и механизированное большое предприятие. Зерно на предприятие поступало большими партиями, его доставляли машинами и баржами по реке. Зерно здесь сортировали, сушили, перерабатывали. Производство было очень пыльное. Работа, требующая большого количества рабочих, кипела здесь день и ночь, летом и зимой. Меня определили в бригаду слесарей и электриков. Два раза в месяц нам выплачивали зарплату. Для меня это была приятная новость, потому что в колхо-

зе мы никогда деньги не получали, ведь в России крепостное право практически никогда не отменялось. В Сибири крепостное право не было таким жёстким при царской власти, но укрепилось оно при образовании колхозов: жители деревень стали бесправными крепостными. Сейчас это всё закончилось, потому как прекратились эксперименты над деревней. А сельское хозяйство в современной России прекратило своё существование, остались лишь малые его очаги.

Так вот, проработал я на предприятии «Заготзерно» почти пять месяцев до самого призыва в армию. Однажды механик дал мне указание помогать пожилому слесарю в монтаже больших весов. Эти весы служили для взвешивания гружённых зерном автомашин, были очень точные, но поизносились и сломались. Слесарь-наладчик, звали его Иван Фёдорович, был участником Великой Отечественной войны и оказался человеком умелым, но малоразговорчивым.

Весы в разобранном виде представляли собой кучу деталей огромной массы, каждая в несколько тонн. Иван Фёдорович долго разглядывал чертежи, размышлял молча над предстоящей работой и давал мне точные указания: это взять, тут нажать, какой инструмент применить, что подвинуть, как прикрутить. Так мало-помалу, медленно, но верно продвигалась вперёд наша работа. Работал Иван Фёдорович без суеты, со знанием дела, продуманно крепил деталь за деталью. Ко мне обращался коротко, а иногда просто кивком головы давал понять, что следовало делать. Отдыхали мы редко. Но вот однажды во время короткой передышки наставник мой разговорился. Поведал он мне,

что в войну был разведчиком, но в конце войны при обстоятельствах, о которых он мне не рассказал, попал в плен. Какое он понёс наказание за немецкий плен, о том он даже не обмолвился. Разговор наш начался ни с того ни с сего. Иван Фёдорович прекрасно знал, что я стою на пороге призыва в армию, а совместная работа сблизила нас. Да и, видимо, фронтовику пришлось желание высказаться.

Вот о чём поведал мне старый разведчик. В конце войны территория концентрационного лагеря оказалась в руках союзных войск. Американские офицеры, спустя десять дней после взятия лагеря, совершили обход бараков с советскими пленными. Делегация, возглавляемая лицом в штатском, не спеша переходила из одного помещения в другое. С пленными говорили на русском языке. Было сказано, что эта ночь – последняя в немецком лагере. Завтра эту территорию займут советские войска. Пленным был предложен выбор: остаться на американской территории или сдаться в руки солдат советской армии. На решение было дана ночь. Утром следующего дня, по словам бывшего фронтовика, когда в лагере появились русские солдаты, из семисот наших пленных их встречала только половина. Остальные ушли, исчезли.

Иван Фёдорович вернулся в село через много лет после окончания войны...

Монтаж весов мы с моим наставником скоро закончили, и снова пошли через них большегрузные автомашины, наполненные зерном. А я продолжал работать на предприятии.

После трудового дня и в выходные я часто ходил в лес за грибами. В хвойных перелесках много росло разных

грибов: рыжиков, волнушек, маслят. Километрах в трёх от нашего дома был кедровник. Узнав туда дорогу, я отправлялся шишковать. Место, где росли кедр, было очень заболочено. Однажды придя в кедр, облюбовал я кедрку. Она росла необычно: из одного корня сразу три ствола. Солнце было ещё высоко. Стоя рядом с кедром, я размышлял, с какой стороны на неё влезать. В этот момент к кедрке подлетела стая казарок, или кедровок. У сибиряков один предмет иногда имеет несколько названий: тайга – урман, чёрная сторона, казарка – кедровка... Птиц было так много, мне казалось, что даже солнце почернело! Они начали кружить над макушками кедр. Кружили птицы, как будто хоровод водили. Своими крыльями они создавали поток воздуха, отчего макушки дерева качались, и шишки, обильно висевшие на ветках, стали градом падать на землю. Птицы, как вертолёт, сделали круг в одну сторону, потом одновременно развернулись и совершили круг в другую сторону. Стоял я, завороженный такой необычной сценой, потом чуть пошевелился. Казарки, заметив меня, улетели. Набрал я целый мешок отборной шишки и пошёл домой. Шёл и размышлял, как много интересного хранит в себе лес! Вот у кедровок свои повадки, свои приёмы добывать пищу на каждый день и делать запас. После воздушной карусели они рассовывали шишки по пустым дуплам в деревьях, расщелинам между пнями. На протяжении всей зимы регулярно проверяли они свои запасы, эти схроны. Главное, что этим запасом птицы почти никогда не пользовались, но берегли на всякий голодный случай. Вот и я перед уходом в армию снабдил семью брата на всю зиму кедровым орехом, завалил им чердак только что по-

строенного дома. Ничего, что я сам не воспользовался этим запасом – будет всё, как у кедровок...

Однажды в выходной день решил я перебраться на другой берег Оби и поставить сеть. Было это в начале октября. Погода стояла безветренная, тихая, солнечная. Лодка моя была маленькая, уютная, сделанная с любовью хорошим мастером. Передвигалась двумя гребями. Поставил я две сети частой ячеи в приглянувшейся заводи.

Поплыл назад. И тут случилось что-то с моей лодкой и со мной. Что происходило, никак я не мог сообразить! Правой гребью я грёб свободно и легко, а левая – ни с места, как будто за неё кто-то держался! Лодка стояла на месте! Я оторопел. Не сводил глаз с левой гребни. И в этот момент над веслом, как в сказке, появилась рыба огромного размера! Да это же осётр! Сначала передо мной плавно промелькнула голова, потом туловище и, наконец, хвост. Рыбища перевалила через весло и спокойно продолжала своё движение мимо моей лодки вниз по Оби. Я же не мог даже пошевелиться, долго ещё приходил в себя под впечатлением от увиденного. Рыбища была, на мой взгляд, полтора метра длиной и весом килограммов тридцать! Подумалось мне тогда: «Это осётр так попрощался со мной перед моим уходом в армию!» Разве забудешь такое чудо!

Эта допризывная пора подарила мне много интересных встреч. Были и забавные случаи. Однажды я стал свидетелем чрезвычайного происшествия. В выходной день я решил побывать на пристани, на берегу Оби. Подвыпивший паромщик, Афанасий Тогушаков, передвигаясь по трапу с берега на стоявшую на воде баржу, оступился и свалился в реку. Кто знает теперь, трап ли был плохо закреп-

лён, штормило ли очень паромщика, но он оказался в опасности! И вот через секунду после его падения из воды показалась усатая голова. Рядом плавала форменная фуражка с кокардой. Стоявшие на берегу и барже люди забегали, засуетились, стараясь чем-то помочь бедняге: «Держись, Афоня!» В воду полетели спасательные круги, ведь все знали, что Афанасий не умел плавать. Да и лет ему много уже! Войну прошёл. «Держись, мы сейчас!» – кричали ему мужики, бросаясь к воде.

А утопающий, как только удавалось вынырнуть, что-то кричал. Люди слышали его слова: «Родная река примет!» По всему видно, прощался сибиряк с жизнью! Но тут кто-то из крепких мужиков ловко подцепил несчастного багром за форменное галифе и вытащил из воды. Спасли старика! Потом ещё долго гуляла по селу поговорка: «Родная река примет!»

А времени до службы оставалось немного. В Победе был большой сельский клуб, куда я часто ходил посмотреть кинофильмы. Встреч с девушками я сознательно избегал. Знал, что в самое ближайшее время предстоит уйти служить на три года в армию. Уйду из дома туда, откуда по своей воле не возвращаются, поэтому проявить чувство любви или сделать вид, что такое чувство пришло ко мне, и обнадёжить девушку я не мог. Это было бы нечестно. Днём я работал в «Заготзерне», а вечером был загружен заботами в хозяйстве брата.

Так незаметно наступила поздняя осень. После большого советского праздника седьмого ноября пришла мне из военкомата повестка. Двадцатого ноября я должен был прибыть в Томск. А двадцать второго ноября нас, ново-

бранцев, отправляли на поезде от вокзала «Томск II» до места службы. Меня провожала мама. Мы стояли с ней на перроне в толпе моих сослуживцев и их родственников, и она всё время поглаживала меня по спине. Слез у неё не было, поистратила она их в прошлом. Но мама тихо и нежно просила не то меня, не то Бога: «Ты поговори, Ваня, с командиром, может, он отпустит тебя домой? Ты посмотри на себя, какой ты худенький да маленький! Скажи, что всегда недомогаешь, не дорос ещё до солдата!» Эти мамини слова исходили из её надорванного сердца. Говорила она совсем тихо, но слова бередили мою душу, касались её и застревали там занозой. Не мог я сейчас послушаться своей мамы. Тут прозвучал нещадный гудок паровоза. Наставала минута прощания. Мы крепко обняли друг друга. Ещё больше сгорбилась моя мама, заморгала потухшими глазами, дрогнуло морщинистое её лицо. Я поправил вещмешок и заторопился к своему вагону. На ступеньке я оглянулся: единственная дорогая моему сердцу женщина тихо стояла в толпе народа...

О, Господи Всесильный и Премудрый! Дай в своём откровении хотя бы частично понять смысл жизни... Бедная наша и славная Россия, пора бы твоим неприятелям знать наши рубежи-границы и легкомысленно так не нарушать их. Помнить им надо, что границы эти святы! И если мы ведём нравственную православную жизнь, то у нас всегда будет Защитник, Тот, что живёт в домах нерукотворных... Мы, православные люди, никогда не жили в богатстве, а жили, как воины Христа. Наша земля была для нас бастионом. А предки наши от рождения до спочивания вели здоровую православную жизнь, как бы находясь всег-

да на передовой этого бастиона, любили, берегли, охраняли его. Теперь и мне, сибирскому пареньку, Ивану Голещихину, пришло время взойти на этот бастион. Там отцы-командиры торжественно вручат мне оружие, доверенное народом, поручат беречь и охранять родную страну...

Со своим командиром, прибывшим из части за нами, сибирскими ребятами, мы познакомились на призывном пункте. Это был старший сержант сверхсрочной службы Репкин, мужчина среднего роста, крепкого телосложения, широкоплечий и совершенно лысый. Фронтовик, воевал весь последний год войны. Был легко ранен. Имел боевые награды.

В дороге он много рассказывал о войне, об армии. Однажды, глядя в окно на мелькающие там сибирские деревушки, сняв с головы свою фуражку с голубым околышем, сержант Репкин с грустью произнёс: «Какое ветхое жильё! На русском западе, где война прошла туда и обратно, всё сожгла и пропахала на двухметровую глубину, уже всё восстановлено. И жизнь там куда лучше!» Помолчав, добавил: «И это края, где никогда не было войны!» Обидно было слышать и видеть это. Славные сибирские солдаты почти все полегли на полях сражений, а их край, каким был в плачевном состоянии, таким и остался до сих пор.

Вот и сейчас, спустя много десятилетий, прохожу я по старым улицам Томска, улице Октябрьской, Школьному переулку, Войлочной заимке, вижу дряхлые полу-сгнившие строения и понимаю, как прав был фронтовик, старший сержант Репкин. Где же наша честь, сибирское трудолюбие?

В ту пору, когда увозил меня поезд на службу, мне было восемнадцать лет, а сейчас – под восемьдесят. Боюсь, что, когда мои внуки доживут до зрелых лет, те же мысли посетят их...

А поезд наш двигался всё вперёд и вперёд. День за днём мчался он по рельсам, оглашая окрестности надрывными паровозными гудками. Мы ехали на запад, где недавно прошла война, где, прежде чем отдать свой прах земле, русские солдаты обильно орошали её своей горячей кровью. Нас везли, чтобы мы, молодые, заняли позиции на российских границах, на этих славных бастионах...

В армии

Шёл декабрь 1958 года. После долгого путешествия по необъятной нашей державе мы приближались к месту своего назначения. С железнодорожного вокзала до нашей части нас, новобранцев, везли на автомашинах. Сразу же направили нас в баню, где мы отмылись после долгой дороги, прошли полную санитарную обработку. Нам выдали воинское обмундирование. На сон оставалось два часа. Рано утром командир нашего отделения, ефрейтор Кунин, построил нас и объявил, что мы строем идём на командный пункт (КП).

Здесь произошло наше знакомство с командиром части, полковником авиации Тарнопольским. Это был офицер с седой головой, смуглой кожей, высокий и стройный. Остановился он напротив нас посередине шеренги. На вид ему было около сорока пяти лет. От пяток до макушки просматривалась в нём многолетняя военная выправка. Заложив руки за спину, он стал медленно прохаживаться перед строем, рассматривая нас своими умными серьёзными глазами. А мы, новобранцы, вчерашние колхозники, а сегодня солдаты первого дня службы великому Советскому государству, затаив дыхание, во все глаза смотрели на своего командира, под началом которого нам предстояло служить три года. Полковник Тарнопольский поздоровался и представился нам.

Чётко, ясно, выговаривая каждое слово, он начал свою речь: «Мне, военному, как и многим моим соотечественникам, выпало пройти всю войну в действующей армии.

Всё, что пережила моя страна за годы войны, я пережил вместе с ней, – говорил полковник, а сам прохаживался вдоль нашего строя. – За всё послевоенное время в нашу часть ни разу не приходило пополнение из Сибири»

Наш командир приостановился и с особым чувством продолжил, обращаясь к нам: «И вот сегодня я рад приветствовать вас, сибиряков, на славной белорусской земле! Страшная Великая Отечественная война прошла по ней своими кровавыми шагами. Много отступала и теряла наша армия. Но, когда в 1942 году на фронтах появились дальневосточные и сибирские дивизии, положение стало меняться. Не раз в ходе боевых операций мне приходилось бывать рядом с сибиряками, – прервал своё движение вдоль нашего строя полковник Тарнопольский, как будто припоминая кого-то. – Я хорошо узнал этих славных людей. Не ведая страха, обвязав себя гранатами, бросались сибирские воины под гусеницы фашистских танков, как на брачное ложе, ни на секунду не сомневаясь в правильности своего решения: погибнуть, но остановить врага! Думаю, что вы будете достойны памяти своих отцов, будете честно служить своему Отечеству!»

Он тряхнул своей седой головой и обратился к нам уже менее торжественно, но деловито:

– А теперь давайте знакомиться. Представьтесь, сообщите, откуда вы прибыли, назовите свою специальность и образование.

Нас из Томской области было десять человек. Первым в строю стоял самый высокий и крупный парень:

– Иванов Леонид. Я из села Ювала Кожевниковского района. Образование семь классов. Работал комбайнером.

Фотография во время службы в армии

За Ивановым следовало несколько человек. Очередь дошла до меня. Что я мог сказать о своей колхозной жизни? Кто я: охотник или рыбак, плотник или ездовой? Взял да и сказал:

– Голещихин Иван. Село Победа. Образование семь классов. Работал электриком.

По очереди высказались все. Полковник Тарнопольский кивал головой, приговаривая: «Хорошо!» – и подходил к следующему новобранцу. Так, выслушивая каждого, он, наконец, дошёл до замыкающего строй солдата.

– Рядовой Пётр Сороков. Кожевниковский район. Образование четыре класса. Специальность – бакенщик. Пётр был необычайно широкоплечим, но росточка небольшого, около метра шестидесяти сантиметров. Командир с интересом рассматривал необычную фигуру солдата. Подошёл к Петру вплотную и обратился к нему со словами:

– Я не понял, рядовой Сороков, кем Вы работали?

– Бакенщиком, товарищ полковник, – простодушно ответил Пётр.

Ему не хватало слов от волнения и, широко жестикулируя, Пётр, стал объяснять командиру, как он в любую погоду садился в лодку и плыл по реке, зажигая фонари бакенов, чтобы речные суда шли без помех.

– Так значит, Вы были смотрителем маяков?

– Так точно, товарищ полковник!

– Ясно. Ну, что ж, знакомство закончено!

Полковник прошёлся чётким шагом назад, встав перед строем, деловито сообщил: «Вам очень повезло! Вы будете служить в технической части, обеспечивающей полёты боевых самолётов. Это элитная часть. Наш аэродром

особого назначения. Вы будете обслуживать бомбардировщики и истребители, так называемую дальнюю авиацию. Поздравляю вас с началом службы. Надеюсь, что совсем скоро у вас появится гордость за принадлежность к военно-воздушным силам страны, уважение к вашей воинской службе и форме!» Вот таким запомнился мне наш командир на всю жизнь ...

И начались солдатские будни. Утром подъём, вечером – отбой. Утром, в полдень и вечером – в солдатскую столовую. Днём – на учебные занятия и строевую подготовку. Да всё четким шагом, строем да с лихой песней. Каждую среду водили в баню. Обули. Одели. Сержант и старшина строго следили, чтобы форма и сапоги у солдат были по размеру, чтобы ногу не натёр кто-нибудь случайно, чтобы солдаты всё в столовой съедали, что давали, чтобы постоянно чувствовали себя бодрыми. В воскресные дни было несколько часов для личных дел солдат. Можно было написать домой письма, почитать газеты и книги в библиотеке. Так за три года службы я перечитал все сказки мира. Но особенно мне нравилось смотреть кинофильмы в гарнизонном кинотеатре. Все кинокартины: «Чапаев», «Будённый», «Кубанские казаки» и другие – я знал наизусть, потому что смотрел их каждое воскресенье.

Жизнь в военном городке шла своим чередом. Прекрасные условия для солдат в гарнизоне, жизнь строго по расписанию, освоение военной специальности, новые знания, знакомство с интересными людьми, общение с сослуживцами, моими сверстниками, всегда хорошее настроение, да и просто молодость – всё это делало службу в армии интересной, лишённой обещанных трудностей. Иногда в

голове мелькала мысль: «А когда же они наступят, трудности, тяготы армейской жизни?» А они никак не наступали, или мы их просто не замечали.

Наша часть находилась недалеко от Минска, столицы Белоруссии. Рядом располагался военный аэродром. Через день шли плановые полёты, учения. Уже в начале 1959 года, спустя месяц после нашего прибытия в часть, нам дали увольнение. Какое это прекрасное слово для солдата – «увольнение»! Целый день свободы! В Минске! И вот мы уже гуляем по главному проспекту города, такому красивому и широченному. Рассматриваем выстроенные после войны новые здания. Прогуливаемся по великолепному парку с множеством аттракционов. Рядом с парком, недалеко от главного проспекта, на пьедестале, сверкающем лаком, установлен настоящий советский танк. Легендарный танк «Т-34» предстал теперь перед всеми навечно памятником непобедимости советского оружия и воинской славы. А рядом, вдоль проспекта, ещё видны следы разрушительной войны: повреждённые снарядами жилые здания, полуразвалившиеся производственные сооружения. Нам, молодым сибирякам, не испытавшим на себе ужасы бомбёжек, было страшно смотреть на эти здания-призраки. Щемило молодые сердца. По рассказам местных жителей в столице многострадальной республики Белоруссии целыми после войны остались всего два здания: Дом правительства и здание, где во время оккупации находилось гестапо. После войны в нём располагалась военная комендатура Минского гарнизона.

Но молодость брала своё. Мы прекрасно отдохнули в этот день, набрались новых впечатлений, много увидели и

узнали. Кончилась увольнительная, вечером мы вернулись в часть, и солдатская жизнь потекла по привычному для нас руслу.

Весной, когда в рощах распевали свои шальные песни пичуги-соловьи, нас подняли по тревоге. Совершали мы марш-броски до десяти километров в сутки. Маршрут наш был проложен вдоль белорусских деревень. Двигались мы в то время, когда местные жители ещё спали. Я обратил внимание, что домишки их были собраны на скорую руку, кое-как. Даже окна их были на разном уровне от земли. Много горя принесла прошагавшая дважды по этой земле своими кровавыми шагами война. Сколько страданий выпало на долю белорусского народа! Медленно заживали на этой земле раны. Но вокруг жалких лачужек, вопреки всем бедам, буйным цветом цвели вишни и черешни. Красавицы-яблони покрылись нежно-розовым пухом. Всё в благоухающей пене, такой густой, что и домов-то не разглядеть, виднелись только крыши и печные трубы.

Но дороги вдоль деревень были уже в прекрасном состоянии, надёжные, ровные, как будто по линейке проведены. Вдоль дорог тянулись великолепного вида общественные сады, восстановленные после войны, очень опрятные и дающие хороший урожай фруктов.

Полюбились мне природа земли белорусской: и радующие глаз бескрайние поля, и невиданные мною ранее сады, и огромные массивы хвойного леса. А между этими садами, полями, деревнями, лесами бесчисленное множество водоёмов! Озёра, истоки, искусственные запруды, речки. А по их берегам, скрываясь в зелени фруктовых деревьев, расположились большие и малые деревни, живопис-

ные заимки и хутора. А ещё – заброшенные усадьбы польских панов. Поразили они меня своей красотой. Была у меня возможность полюбоваться былым великолепием творений природы и рук человеческих: беседками для отдыха посреди искусственных фигурных прудов, ажурного литых резными перилами мостов через речки и истоки, белокаменными, когда-то великолепными, доживающими свой век дворцами польской знати. В сравнении с нашим колхозным бытом всё это казалось просто сказочной красотой!

Вспоминается мне и огромное озеро с множеством островов, на которых располагались колхозные сады. Эти сады охранял колхозный сторож, который был приставлен не столько для работы, сколько для штата. Здесь же на острове трудилась колхозная рыболовецкая бригада. Рыбаки ставили сети, забрасывали неводы и на протяжении многих лет ловили для колхозников рыбу. Увидев их работу, вспомнил я обские просторы и нашу сибирскую рыбалку. Трудно было прервать сибирскую нить, которой я был крепко привязан к своей родной стороне, очень захотелось домой. Иногда в свободное от учений время я уходил прогуляться по лесу. Тут и там в местном лесу попадались заросшие дёрном траншеи, выкопанные во время обороны этих мест белорусскими воинами, встречались обвалившиеся блиндажи. Очень хотелось подольше побыть в лесу, но я вдруг осознал, что ненароком могу наступить на неразорвавшуюся мину. Вот и пришлось мне бросить эту затею.

На протяжении наших учений нам, солдатам, часто приходилось общаться с местным населением. Полюбился

мне простой белорусский народ. Белорусы открыты в общении, бесхитростны, наделены огромным трудолюбием и пытливым умом. Прошедшая война проверила на крепость этот бесстрашный народ. Беззаветно любя свой край, как дитя любит свою мать, они защищали его, не считаясь ни с какими трудностями. А после войны восстанавливали страну, несмотря на трудности. Вот в таком замечательном краю мне пришлось служить в армии.

Но картина солдатской жизни была бы скучной, если бы не приключения, которые происходили с нами на протяжении всех трёх лет службы. Хочу особо вспомнить о своём боевом товарище, простом, бесхитростном, готовом всегда проявить свою доброту, моём земляке, Петре Сорокове. Встретились мы случайно в начале второго года службы, когда всех нас разбросало по разным радиолокационным точкам, но продукты мы получали на общем гарнизонном складе. Вот там и увиделись мы с товарищем в очередной раз. Пётр нёс в вещмешке полученный только что запас продуктов.

– Как дела, земляк? Как служится? – спросил я Петра, очень обрадованный встречей.

– Да всё хорошо! Всем доволен! – ответил мой товарищ. – Вот взял продукты. Всё выдали честно, только вот осьмушку махорки (25 граммов) не додали!

Очень уж любил курить табак мой земляк!

Разные встретились мне во время службы люди. Обо всех моих однополчанах остались у меня только приятные воспоминания. Ведь все мы были молоды, не избалованы судьбой. Молодая кровь кипела ключом. Горазды были на выдумки и приключения. Надо сказать, что солдат всегда

остаётся солдатом во все времена: чуточку смекалки, чуточку хитрости – и поставленная задача выполнена.

Были и курьёзные случаи. Так перед самым Новым годом объявили построение части. Слово взял замполит: «Товарищи солдаты!» – сказал он с явной тревогой в голосе. «Прошлой ночью в части совершено преступление, равного которому не было уже много лет. Рядовой Емельянов! Три шага вперёд! Встаньте лицом к своим боевым товарищам!» Рядовой Емельянов встал перед строем, а мы в недоумении смотрели на него и гадали, что же такого опасного мог совершить наш сослуживец? А тот стоял перед строем, высокий, стройный красавец, опрятно одетый, сапоги начищены, пуговицы блестят. Всё, как положено! Только из-под шапки выбивается волнистый чуб чёрного цвета. Рядовой Емельянов – потомственный казак, был призван с Дона несколькими годами раньше нас. Осенью исполнилось четыре года, а сейчас шёл пятый год его службы! Причина этому была такова: постоянные нарушения воинской дисциплины влекли за собой наказание, гауптвахту, потом опять нарушение – и снова гауптвахта. Таким образом, увеличивался срок его службы. Родные уже перестали запрашивать командование части, когда же ожидать сына домой? «Когда-нибудь да отпустят!» – не унывал удалой казак.

Что же он такого натворил в очередной раз? Оказалось, что наш красавец возвращался из очередной самоволки в казарму. Деревянные казармы наши стояли рядком, под окнами всех казарм росли раскидистые берёзы. В одном из зданий, похожих на казарму, располагался гарнизонный госпиталь. Уставший после хорошо проведённого

вечера солдат аккуратно, по привычке бесшумно взобрался на дерево, открыл форточку и пробрался внутрь казармы. В помещении он на цыпочках добрался до свободной кровати, разделся, аккуратно сложил своё обмундирование и завалился в свою, как ему казалось, кровать. Но уснул-то рядовой Емельянов не в казарме, а в госпитальной палате! Рано утром, обходя палаты, дежурная медсестра и обнаружила нового «больного»! Поднялся шум, гам, а потревоженный горе-солдат спросонья никак не мог сообразить, в чём дело? На место происшествия прибыл дежурный врач и допросил неудачника. Приключения его опять закончились пятнадцатую сутками ареста. Вот такое «преступление, которому нет равных»!

А ещё служил в нашей части солдат Александр, цыган по национальности, симпатичный такой, с чёрными кудрями, невысокого роста. Был он рядовым нашего призыва. Своими непосредственными повадками, колоритным характером он очень выделялся среди нас. По специальности он был водителем. Удостоверение на право управления автомобилем берёт Александр, как зеницу ока, надёжнее, чем вверенное ему боевое оружие – автомат! Мы часто шутили над ним: «Александр, ты после службы, на гражданке, точно будешь личным шофёром у вашего цыганского барона!» И он шутил над нами, но по-своему, по-цыгански: у кого-то коробок спичек умыкнул незаметно, у другого зазевавшегося сослуживца спрятал автомат. Начиная переполох, шум! В конце концов, оружие находили, и обнаруживалось, что проделки эти – дело рук Александра. Уличённый в содеянном проступке, он, маленького роста, с длинными руками, с невинной улыбкой на лице, искренне

бил себя в грудь и просил, чуть не плача, о пощаде: «Простите меня, ради Бога! Вам меня не понять, но я должен проходить тренировку! Это моя жизнь! В таборе я без этого просто не смогу! Я это в последний раз!» Тряхнёт своими чёрными кудрями, оглядит всех честными открытыми глазами, а сам доволен, как ребёнок! Таким он казался в это время милым и безобидным, что хотелось сразу же простить его поступок и даже поблагодарить за науку.

Была в нашей части хозяйственная служба, при которой числилось несколько упитанных послушных лошадей. И вот наш цыган Александро проторил туда дорожку. Когда выдавалась свободная минутка у солдата, бежал он к лошадям, ласкал их, гладил ладонями, рассматривал у них зубы, тщательно чистил лошадей щёткой, разговаривал с ними, целовал. Проверял их общее состояние, настроение, следил за аппетитом. Александро, бывало, часто усевшись на свою любимую лошадь Зарю, любил пошутить поцыгански, покуролесить.

Так, бывало, врывался он на всём скаку через центральный вход на танцевальную площадку в сквере. Танцующие пары врассыпную! Крик, гам, визг! А цыган, потомок кочевого народа, сидел на лошади, как влитой, ловко лавировал между людьми. Азарт его передавался и лошади. Заря с горящими диким блеском глазами высоко поднимала голову с лохматой гривой, вздыбливала хвост, развешивающийся в разные стороны, широко разевала пасть, оскалывая зубы. Лошадь входила в роль, только ей понятную, искрой пробегала по её крови вспыхнувшая генетическая память о просторах степей, далёких диких первобытных временах. Неукротимая сила овладевала животным. Но

ловкий седок надёжно сдерживал её порыв. А вокруг лошади и наездника взбудораженная публика в панике металась по танцплощадке, загороженной высокой металлической сеткой! Духовой оркестр, расположенный на возвышенной дощатой площадке, видимо от испуга, играл громче, чем обычно.

В разгар этого представления на танцплощадку ворвались солдаты дежурного патруля с повязками на руках. Молодой лейтенант во главе патруля судорожно пытался достать из кобуры пистолет, но у него ничего не получалось. Дежурные, наконец, подбежали к всаднику, схватили за ноги и стащили с лошади. На танцплощадке рёв, крики, стоны, визг, сравнимые с положением людей на «Титанике» во время его крушения, когда он в сопровождении музыки и освещённый яркими огнями, уходил под воду. Вскоре нарушитель, наездник-цыган полуметрового роста, был повержен и доставлен в комендатуру. Так прошёл ещё один забавный день для солдата срочной службы цыгана Александро, а последующие пятнадцать суток он провёл под арестом, наводя и без того идеальный порядок на улицах гарнизонного городка. Таким был один из моих однополчан.

В нашей части служили ребята разных наций. Конечно, нам молодым парням, интересно было изучать боевые машины, самолёты разных моделей. Но от всей души сейчас хочется говорить не о самолётах и аэродромах, а о них, о дорогих моему сердцу однополчанах, сослуживцах, молодых парнях, собранных в один коллектив. Служили в нашей части ребята из самого сердца Советского Союза: из Брянской и Липецкой областей. Представление о Сибири у

них было самое туманное, приблизительное. Сибирь, Томская область представлялись им далёким дремучим таёжным краем, где бродили спокойные могучие медведи, которые заглядывали в окна жителей сибирских деревень и городов. Мне часто приходилось опровергать эти их фантазии о жизни в Сибири. Они искренне удивлялись, что и в этом суровом краю можно жить. Откуда-то ребята слышали сибирское слово «пимы». Скорее всего, в обиходе выходцев из Центральной России это слово появилось во время войны, когда на защиту Москвы встали сибиряки в большом количестве. Солдаты сибирских дивизий были обуты в валенки, а по-другому в «пимы». Так и приклеилось это слово к нам, сибирякам. Часто выходцы из деревень Брянщины или Липецкой области в шутливой форме приветствовали нас:

– Здорово были, сибирские пимы!

– И вам не хворать, лапти липецкие! – не моргнув глазом, отвечали мы, и все расходились в разные стороны, довольные собой.

Отдельно хочется вспомнить и офицеров, служивших в нашей части. Третья часть из них имела за плечами опыт войны. На страшных военных дорогах получили они увечья, видимые и невидимые раны. Во время войны они получили свои офицерские звания, а теперь ходили в часть, как на работу. О былых сражениях они рассказывали мало. Лишь в день рождения нашей части надевали эти офицеры боевые ордена. С гордостью надевали они их и в День Победы. Официально в те годы День Победы не отмечался, но Бог – судья нашим верховным правителям. В этот день при своих орденах особенно празднично выглядел наш

любимый командир части. Во всём гарнизоне среди офицеров и солдат царило особое приподнятое настроение. В центре военного городка на площади устраивалась высокая дощатая трибуна. Мимо украшенной трибуны, на которой стояли наши командиры, шли мы, солдаты и сержанты нашей части, батальонами, с песней, чеканя каждый шаг. Так было в великий для нашей страны праздник.

А в будние дни в свободное время наши боевые офицеры сидели на скамейке, курили и вели тихий неторопливый разговор. За всё время службы я ни разу не слышал от них ругательских и злых слов. Никогда они не позволяли себе вести разговор, с кем бы то ни было, на повышенных тонах. Видимо, время, проведённое на войне, научило их ценить жизнь и понимать её смысл. От них часто можно было услышать такое обращение: «Подойди ко мне, сынок. Сделай так, сынок» Боевые офицеры, окружавшие нас, понимали особенно глубоко и твёрдо то, о чём мы даже не догадывались.

Незаметно пролетели девять месяцев «учебки», и мы были распределены каждый в свой экипаж по специальности. Я попал на радиолокатор. Наш экипаж состоял из пяти человек: два сослуживца были украинцами, два – евреями, и я – сибиряк. Жили мы в помещении, в котором располагалась сама станция, имелась кухня и спальня для экипажа. Мы быстро подружились, сработались, действовали слаженно и деловито.

Во время боевых учений к нам на радиолокатор приезжали группами офицеры: лётчики, штурманы – для своевременной корректировки действий. Иногда до десяти человек прибывало к нам на станцию. Особенно запом-

нился мне майор Каневский, боевой офицер. Среди офицеров он выделялся своей целеустремлённостью, серьёзным отношением к поставленной задаче. Не любил он делать перекуры и слушать анекдоты, как это часто случается в компаниях молодых офицеров. Большую часть времени майор Каневский проводил с нами, солдатами, обучая нас тонкостям военной специальности.

Во время больших учений на военный аэродром под Минском слетались до семисот самолётов за ночь. Полная заправка одного бомбардировщика горючим составляла тридцать восемь тонн. Помнится, один из офицеров высказался по этому поводу: «Если бы не такие огромные расходы на армию, то все мы питались бы белыми булочками бесплатно. Но Родину надо охранять!»

Вот было нам работы в ходе учебных вылетов! Не считаясь со временем, мы с интересом познавали военную науку, старались чётко выполнять поставленные перед нами боевые задачи и требования офицеров. Они нас, солдат, хвалили за успехи, подбадривали в нужный момент.

Надо сказать, что благоприятные взаимоотношения и бодрое расположение духа людей в солдатской и офицерской форме особо влияют на решение поставленных перед ними задач. От слаженности их действий во многом зависит успех в обороноспособности нашей армии, надёжность охраны рубежей нашей огромной страны. Мы, солдаты срочной службы, очень чётко это понимали. Никогда понимание стоящей перед нами ответственной задачи не покидало нас.

Сержант Петренко

Быстро бежали солдатские деньки. Жизнь на радиолокационной станции шла своим чередом: размеренная, строго по распорядку – в будни, и тревожная – во время боевых учений. И всё же были у солдата часы отдыха.

Наш военный объект, радиолокатор, располагался в нескольких сотнях метров от проселочной дороги, за которой тянулась полоска пахотной земли. Как человек, выросший в деревне и соскучившийся по работе на земле, я из крестьянского любопытства стал присматриваться к тому, как обрабатывали местные колхозники пашню. Некоторые моменты в их работе меня удивляли и интересовали очень. Оказалось, что они чередовали посевы: в один год засеивали поля пшеницей, а на другой год сеяли рожь! Зачем и почему? Задался я этим вопросом и поделился своими соображениями с начальником нашей радиолокационной станции, старшим сержантом. Звали его Николай Петрович Петренко.

Был сержант Петренко лет на пять старше меня. Родился на Украине, в сельской местности. Отслужил он четыре года и демобилизовался. Через год бывший солдат вернулся в свою часть, настойчиво и искренне просил командование принять его на сверхсрочную службу. Время было послевоенное. Украина была разрушена до основания. Жить на «гражданке» было невыносимо сложно. Профессии, которая могла бы прокормить бывшего солдата, не было. А к армии он уже привык, да и тянуло молодого человека к военной службе. Командир части, хорошо

понимая трудную ситуацию, в которой оказался демобилизованный Петренко, сжалился и принял его на службу в звании старшего сержанта. Решение командира молодой человек воспринял со слезами на глазах и низко, до самой земли, поклонился он своему благодетелю, в душе благодаря Бога. Никогда за всю службу не подвёл он своего командира. С прилежанием и серьёзностью относился он к своей работе. Таким я узнал и запомнил Николая Петровича во время своей трёхлетней службы.

– А я знаю теперь, как отличить по внешним признакам рожь от пшеницы, – то ли себе, то ли товарищу сержанту сказал я.

Потом, как бы убеждая и себя, стал подробно объяснять, в чём состоит разница этих растений. Всё это время товарищ сержант, уроженец славной республики Украина, терпеливо слушал моё «научное» сообщение и внимательно так рассматривал то колосья, то меня.

– А ты, Ваня, откуда призывался, где жил раньше?

– Из Нарымского края я, из Сибири.

– Так, значит, ты жил в сельской местности, – гудел своим басом удивлённый сержант с явно выраженными украинскими особенностями в речи. – Тогда почему не знаешь такие хлебные культуры, как рожь и пшеница?

– Так, товарищ сержант, вырос-то я на берегу сибирской реки Обь. Каждую весну в половодье она разливалась так, что надолго затопляла все луга, огороды. Стояла вода иногда больше месяца, поэтому в нашем краю никогда не сеяли хлеб.

Долго смотрел на меня мой милый начальник хохляцкого рода и, наконец, произнёс:

– Ваня, а чем же вы питались?

– Рыбой и мясом, – ответил я. – Этого добра у нас было в изобилии. А муку нам привозили в магазин, и хозяйки сами пекли из неё хлеб.

Так душу всколыхнул мне товарищ Петренко, что мне особенно остро вспомнились родные края, мама и родственники. Ведь позади уже полтора года разлуки с ними и моей службы в армии.

А товарищ сержант с тех пор стал присматриваться ко мне. Вот однажды во время отдыха всё же не выдержал: «Вань, – подступился он ко мне, переплетая русские слова с украинскими, – ну расскажи про вашу жизнь в Сибири!»

А меня долго и упрашивать не надо было: истосковался я по своей малой родине, а так хоть тоску свою загоню подальше.

И стал я рассказывать про наше чалдонское житьё-бытьё: и про охоту на уток и глухарей, про обласок, про разные охотничьи и рыболовные снасти и ловушки, про длительные переходы во время охоты по тайге, по лугам.

Так, бывало, в сентябре-октябре сидишь у костра, ночи уже прохладные, тёмно-голубое небо всё в несчётных звёздах. И не страшно одному в глухой тайге у костра, так как опасаться особо было некого: человек человека не боялся, а против зверей есть надёжный друг – собака.

Был со мной такой случай. Оказался как-то весенним днём на берегу небольшого озера. Недалеко плавали утки-кряквы. У самого берега разыскивал пропитание крупный селезень. Решил я подойти к нему поближе. Крадусь, как и следует бывалому охотнику, с подветренной сторо-

ны, чтобы шум и запах человека ветер относил в сторону от птицы. Так, осторожно, применяя все правила охоты, подошёл к селезню очень близко, метра два – и вот он, красавец! Уже ясно слышу, как он плещется в воде за реденькими кустиками. Хоть голыми руками его бери! Только бы не заметил! Пригнулся я ещё ниже, выбираю момент. Но как быстро выпрямиться, не вспугнув добычу? Как развернуть в сторону птицы ружьё? Нет такой возможности! Любое движение рядом с птицей может вспугнуть её! Надо действовать точно и стремительно, решение принимать мгновенно! Извернулся я, с положения лёжа резко встал на ноги, вскинул ружьё... Селезень взлетел и упал, сражённый моим метким выстрелом. Но упал он в весеннюю холодную воду. Моя собачка-лаечка быстро принесла мне добычу.

– Вот так, Николай Петрович, – сказал я своему командиру, поднимаясь с табурета, – не случайно я рассказал тебе про этот случай на охоте. Мы, сибиряки – дети природы. Вся жизнь наша была связана с ней, матушкой, всю жизнь мы находились в неравной борьбе со стихией, могучим зверем, сложностями, всю жизнь в движении, в преодолении трудностей. Мы от рождения должны были быть наблюдательными, решительными, выносливыми. Сама природа сибирская делала нас готовыми, прирождёнными воинами, выковывала она в нас такие черты характера, которые особенно проявлялись в тяжёлой схватке с врагом. А когда такими солдатами руководили в боях умные, отчаянные командиры, тогда воины-сибиряки становились непобедимыми.

Закончил я свой рассказ, отвёл душу воспоминаниями и отправился в баню, так как это всё происходило в среду, а среда была у нас банным днём.

Через несколько дней подошёл ко мне Николай Петрович. Приблизился вплотную, теснее обычного, и заговорил со мной так взволнованно, что украинский акцент был особенно заметен в его речи:

– Вань, будь так добр, не ходи в этот раз в баню!

– ???

– Пусть все идут, а ты останься. Расскажи мне опять про Сибирь, как вы там жили. Понимаешь?

Я пообещал своему старшему товарищу, что через два дня снова проведу для него вечер воспоминаний о нашем традиционном многовековом сибирском укладе жизни.

В следующую среду, когда ребята нашего экипажа отправились в гарнизон в баню, мы с Николаем Петровичем уселись за столом друг против друга, и я начал свой рассказ: «Сибиряку-охотнику, когда он выходит за околицу своей деревни, надо быть предельно внимательным. Ничего не пропускает он мимо ушей, мимо глаз, все его чувства должны сливаться с природой воедино. Всё запоминает, всё отмечает, определяет приметы, которых очень много хранится в запасниках памяти охотника: какова влажность воздуха, откуда дует ветер, какая погода будет завтра. Хороший охотник, к тому же, всеми своими чувствами, кожей своей чувствует хозяина тайги. Присутствие медведя возбуждает охотника, он неведомым образом воспринимает силу взгляда зверя»

Товарищ сержант невольно поёжился от таких моих слов, но продолжал внимательно слушать.

– А теперь, Николай Петрович, я хочу рассказать тебе, какие замечательные блюда можно быстро приготовить, – а сам аж сглотнул слюну, так давно я не пробовал привычной пищи. – Так вот слушай. Любую рыбу, которая есть в реке Обь или в озёрах нашего Нарымского края, можно варить таким способом. Только что выловленную рыбу нужно очистить от чешуи, промыть и положить в сковородку, налив немного воды. Потом поставить её на горячую печь. Поварить немного, и рыба готова. Ешь на здоровье!

Но особенно вкусна шурпа по-остяцки. Очищенную картошку надо порезать толстыми ломтями, выложить слоем на сковородку, а сверху накрыть её слоем свежей стерляди, желательнее потолще. Так несколько слоёв. А сверху посыпать перцем и зелёным луком. Поставить блюдо на горячую печь, пусть хорошенько покипит. Перед окончанием варки залить в рыбу немного цельного молока. Ох, и вкуснятина получается!

– Хватит, хватит, Ваня! – Взмолился Николай Петрович. – А то в столовую сразу захотелось!

Разговор наш закончился. Только с той поры я часто ходил в баню через раз.

А время службы шло, демобилизация приближалась. «Вот отслужу, – думал я, – и скажу: «Прощай, райский уголок, Белоруссия!» Уеду домой, в Нарымский край, в комариное царство!» Чаше прежнего приходилось мне задумываться о том, что ждёт меня на «гражданке». Помощи я ни от кого не ждал. Я, молодой, здоровый, трудолюбия хватает: хвала предкам! Не падай духом, славь Бога – и всё будет успешно!

Сёстры писали мне, что поступили на заочное отделение в техникум, жили в Томске, в маленькой комнате на двоих. Но я не мог их беспокоить, ничего у них не просил. Лишь бы выжить, а работы на мой век хватит. И вот, поразмыслив, что на первое время мне потребуется хоть немного денег, я стал думать, как бы где заработать? И кое-что придумал.

Дело в том, что в Белоруссии деревни располагаются очень близко одна от другой, и свободных угодий для сенокоса почти не было. Крестьяне бережно скашивали траву на каждом свободном клочке: в садах, на полянках, разных неудобиях. А на территории радиолокационной станции было просторно, и трава росла обильно. Солдатам периодически приходилось скашивать траву, чтобы территория станции имела опрятный вид. Тут меня и осенило! А чем же это не покос? Ближайшая деревня была в полутора километрах от станции. Я сходил в свободное время туда, познакомился с мужиком, которого заинтересовало моё предложение приобрести сено за небольшую сумму. Теперь поздними вечерами, когда солнце заходило за горизонт и на землю обильно опускалась роса, я приступал к сенокосу. И по утрам, как только просыпались птицы, а трава была придавлена сочной росой, я бодро вставал и продолжал свою работу. Радостно свистела остро наточенная литовка в моих руках. От скошенной травы шёл дивный аромат! Он напоминал мне сенокосную пору в далёкой родной стороне. Днём травка под горячими солнечными лучами подсыхала и становилась благоухающим сеном. Аккуратно, всё до последней сенинки, сгребал я граблями готовое сено. Росли вокруг радиолокационной станции внушительные

копны. Лето в Белоруссии длиннее, чем в Сибири, поэтому на своём минипокосе траву я скашивал три раза. И трижды в течение лета в сгустившихся сумерках поздними вечерами неожиданно передо мной возникала большая подвода, запряжённая тёмной лошастью. Колёса подводы были обильно смазаны солидолом, чтобы телега не скрипела при движении, а копыта лошади, чтобы не было слышно их топота, были обмотаны тряпицами. Ведь кругом военные объекты, выставлены часовые. Вот такие хитрые приёмы применял колхозник-белорус! Всё предусмотрено было у старого партизана!

За каждую увезённую копну мне платили двадцать пять рублей. Так я подкопил немного денег на будущую послеармейскую жизнь. При демобилизации военное командование выплатило нам небольшую сумму. Таким образом, у меня имелось восемьсот рублей.

Приказ о демобилизации пришёл в начале осени 1961 года. Душа рвалась к будущей новой жизни, но в то же время грусть давила сладкой истомой. Придётся расставаться с друзьями, с командирами, с которыми служили три года, делили всё пополам. При прощании Николай Петрович, хоть это и было не по уставу, принёс две бутылки сухого вина. Мы выпили с ним, тепло обнялись, посоветовали, что не увидимся уже никогда в этой жизни, заверили друг друга, что сохраним тёплые добрые чувства на расстоянии.

На последнем воинском построении нашего полка наш любимый командир части, полковник авиации Тарнопольский, произнес искреннюю речь, обратился к каждому по фамилии, пожал каждому руку и поблагодарил за

службу Родине-матери. После этого он взял под козырёк, отдавая честь нам.

Сердце защемило у меня. В этот момент я понял, почему слова полковника так запали в душу. В словах нашего командира не было ни слова фальши, ни малейшего признака неправды. Мне подумалось, что вот так же обстоит дело и в каждой семье. Главное, что должен вынести человек из семьи – это то, что нельзя говорить неправду и вести себя соответствующим образом. Когда старики честны, они передают эту честность и детям, и внукам. Чтобы быть мудрым, надо и жить мудро!

А в нашей жизни что происходит? Если человек, наделённый большой властью, говорит неправду, то и его подчинённые начинают говорить неправду. Синоптик сообщает не уточнённые сведения о погоде, экономист завышает объёмы экономики, заведующий магазином кладёт деньги не туда, куда надо. И так по всей стране дурят друг другу головы.

В ранней молодости я слышал поговорку от одного сибирского мусульманина: если всем встать на одну сторону движущегося корабля, то он перевернётся. Так и в жизни нашей, если большинство людей будет жить так, чтобы только увеличивать содержимое своих карманов, то система потеряет равновесие, управляемость и перевернётся. Люди окажутся в пучине бед и начнут искать острова надежды...

Торжественно вынесли боевое знамя нашей части. Радостно заиграл духовой оркестр. Звучал марш, а потом – «Прощание славянки». Дрогнули наши сердца. Невольно

вспомнились наши отцы, ушедшие на фронт и не вернувшиеся назад. Вечная им память и слава на небесах!

Недолго мы прощались с нашим гарнизоном. После получения документов мы погрузились в бортовую автомашину и отправились к железнодорожному вокзалу. Вот и всё! Прощай, славная республика Белоруссия! Прощайте, милые жители гостеприимных белорусских городов и деревень! Вот и отслужили мы в армии, отдали долг Родине. За три года мы повзрослели, возмужали и изменились внутренне. Этому способствовали наши мудрые наставники. Оставайтесь и вы, наши боевые командиры, испытанные жизнью! Простите нас за наши мелкие нарушения и проступки. Спасибо вам и низкий поклон!

Теперь мы, сибиряки, отслужившие в армии, в полном составе, как и прибыли в часть, в количестве десяти человек, возвращаемся в свою любимую Сибирь. Мы мчимся на поезде на восток по самой большой и богатой стране мира. Совсем не лишне ещё раз напомнить себе, что наша Родина действительно очень богата, особенно её сибирские кладовые. Велика она и своими размерами. Великая страна!

Но по-настоящему великой она будет называться тогда, когда в нашей стране и богатые, и бедные – все будут одинаково, не на бумаге, а на деле защищены законом. Великой она будет тогда, когда всегда будет помнить о простых, самых рядовых её гражданах. Эти её граждане должны быть обеспечены постоянной работой и достойным заработком. Сейчас все происходящие вокруг нас военные действия мы называем «горячими точками». При возникновении таких «горячих точек» всегда в первую очередь

востребованы сыновья этих самых простых людей, настоящих патриотов своей страны. Ведь так?

Когда Господь по своему промыслу обустроивал нашу планету, созданная Им окружающая людей природа была действительно сказочной красоты: разнообразные растения, птицы и рыбы, животные и несметные природные богатства. Но самое большое богатство – это люди! Люди, с радостью, профессионально выполняющие свои обязанности на производстве. Эти простые люди растят крепких и красивых детей, воспитывают их в доброте и высокой нравственности. Много по всей российской земле таких примеров. На них держится наше государство. И за воспитание прекрасного молодого поколения государству не зазорно было бы платить таким своим гражданам чистым золотом!

И вот мы, демобилизованные солдаты, молодые, задорные, полные сил и прекрасных планов, возвращались домой, ехали поездом по нашей российской земле. Наш поезд перевалил уже Уральские горы. Повеяло родным воздухом. На перронах к нам спешили сердобольные женщины с мисками, наполненными горячей варёной картошкой, посыпанной пахучим зелёным укропом. За малые копейки предлагали сладкую переспелую черёмуху. Эти женщины были так заботливы и так напоминали нам наших заждавшихся матерей!

Поезд мчался всё быстрее и быстрее. Вот за окнами замелькали унылые пейзажи Барабинских степей. А через сутки прекрасные виды пригородных селений Томска. Всё! Тёплым сентябрьским утром я вернулся из армии! Я дома...

Матьянга

В давние времена деревушка Матьянга находилась в четырёх километрах от села Колпашево. Окружённая величественными лесами и многочисленными водоёмами, деревушка эта стояла на выгодном пути всевозможных кочевых племён и аборигенов. Многовековые кедровые леса хранили в своих кладовых немереное количество спелой крупной шишки. Живописные эти кедровники укрывали от человеческого взора и другие несметные богатства: промыслового зверя и птицу, разнообразную лесную ягоду и грибы. На открытых полянах – разноцветный ковёр из душистых таёжных трав. Озёра, речки и ручьи были наполнены многочисленной рыбой. По лесным тропам неторопливо расхаживал хозяин этого царства – медведь. Крупным животным, птицам и рыбе хватало места и пищи. Они жили своим привычным миром.

Хватало лесных богатств и людям. Их, постоянно проживающих в этих местах, было немного. На протяжении всего лета манил местных жителей солнечный бор. С берестяными туесами отправлялись они туда по своим нуждам: набрать спелую сочную бордовую бруснику, сделать запас болотной морошки или клюквы, набрать нежной от спелости черники, не пожалеть времени для сбора грибов, которые можно было засушить и не знать горя с пропитанием долгой зимой. А ещё июльским днём можно было набрать на берегу небольшого озера спелой чёрной смородины, засушить её, разместив на крыше своего немудрёного жилья. Радовала их смородина, спелая, крупная, раз-

мером с цыганский глаз. А озеро, рядом с которым росли смородиновые кусты, кипело, пузырилось, гудело от избытка рыбы. Неожиданно из воды выпрыгивал молодой карась и совершал полёт над прекрасными озёрными видами. Гуляй, карась, дойдёт и до тебя очередь!

Летняя заготовка даров кедрового и соснового леса шла полным ходом. Не обращали люди внимания на жару и надоедливые полчища таёжного гнуса, и летние хлопоты окупались с лихвой. Запас продуктов жители таёжной деревушки делали разумно, брали от природы только самое необходимое.

А в наше стремительное время, в век беспощадной эксплуатации полезных ископаемых, в век применения самой совершенной техники, мы безжалостно меняем саму природу, её законы, её равновесие. Равновесие природы – дело очень тонкое. Никакие многомиллионные вложения не смогут помочь в деле спасения природы, восстановления её первоначального вида. Она ведь – живой организм, как человек! Вот, к примеру, если при каких-то трагических обстоятельствах человек получил раны, не совместимые с жизнью, то никакой медицинский светила не сможет его вернуть к жизни. Так и с природой. От здоровья природы зависит наше здоровье и наша мудрость...

В те давние времена пища людей была натуральной, чистой, здоровой. Здоровым и крепким было и население сибирской деревни. Во время работы, охоты, рыбалки или на временном стане, когда подходило время, рожали женщины детей.

В этой таёжной деревушке, Матьянге, родилась мама моей мамы, моя бабушка. Звали её Анной. Часто расска-

зывала бабушка Аня мне, своему внуку, о том, как жили её родители в старину. Так её мама, моя прабабушка, не по своей воле оказалась в Сибири, а вынуждена была сбежать сюда из одной губернии Центральной России, спасая собственную жизнь. А случилось вот что.

Совсем юной девушкой моя будущая прабабушка работала по хозяйству у одного помещика. Поместье его располагалось в двухстах километрах от Москвы и называлось оно – село Сиреневое. Помещичье хозяйство было огромным. Посреди усадьбы был выстроен красивый большой дом, почти дворец. Он был окружён многочисленными прудами причудливых форм. Посреди прудов, в буйной зелени специально высаженных деревьев, были устроены рукотворные острова с множеством красивых резных мостиков и великолепных ажурных беседок.

Помещик имел отличную конюшню, где содержалось до полусотни чистокровных скакунов. Породистые скакуны стоили больших денег и были куплены за границей. Конюшня, построенная для них по специальному иностранному проекту, имеющая подогрев, очень аккуратная и благоустроенная, представляла собой богатое сооружение. Очень гордился барин своими скакунами!

Многочисленная прислуга обслуживала помещичье хозяйство. В услужении ему находились крестьяне нескольких ближайших деревень. На помещика трудился хорошо обученный, вышколенный штат прислуги: лакеи, горничные, садовники, конюхи, мальчики на побегушках, кучеры.

По заведённому порядку в своём имении несколько раз в год, летом и зимой, барин устраивал праздники. Именитых людей, столичных аристократов приглашали на

эти большие приёмы. Их размещали в приготовленных для них, роскошно убранных комнатах.

В программу праздника входило много разных развлечений. Днём хозяин устраивал для гостей многокилометровые заезды, скачки на лошадях. С наступлением сумерек на высоких столбах зажигали множество керосиновых фонарей. Вся громадная усадьба была освещена, как днём, становилась торжественной и праздничной. Всюду царило веселье и радость. Шутки, смех, остроты, улыбки веселящейся публики. Важные гости медленно прогуливались по вымощенным дорожкам. В центре усадьбы, недалеко от помещичьего дома, находился величественный фонтан. Рядом с фонтаном возвышалось колесо обозрения. А чуть в стороне – русские качели. В глубине сада на подмостках расположился духовой оркестр. Музыканты были людьми служивыми, в военной форме, в фуражках с голубыми околышами. Прекрасные звуки музыки разносились далеко по всем закоулкам сада. Под ноги публики с высоких кустов сыпалась переспелая вишня. Шампанское, поставляемое барину из благочинной Франции целыми обозами, текло рекой. То тут, то там раздавались хлопки вскрываемых бутылок. А закускам и горячим блюдам не было числа. Возбуждённая французская речь, дорогие заграничные одежды, заморские духи кружили, пьянили головы и без вина.

А по ярко освещённой глади воды искусственных водоёмов передвигались нарядные лодки и лодочки. Ими управляли чубатые парни, крепостные барина, в нарядных рубашках и до блеска начищенных сапогах. Они бережно перевозили именитых пассажиров, ловко лавируя между ост-

ровками. Прогулка по ночному пруду заканчивалась выходом на берег островка, отдыхом в одной из уютных беседок, где звучала гитара, по округе разносились мелодии романсов, а расторопные лакеи преподносили дорогое вино.

Большие лодки, которыми управляли до восьми гребцов, были наполнены гостями знатных родов. В одной из таких лодок располагался цыганский хор. Молодые и старые цыгане, все с гитарами, были одеты в яркие голубые и сиреневые рубахи с широкими рукавами. Голенища хромовых цыганских сапог начищены до такого блеска, что зайчики сверкали от такой шикарности. Рядом мудрые старухи-цыганки не спеша хоронили в своих широченных юбках вечные кочевые табачные трубки. Тут же молодые цыганки с ребяташками, не прерывая своего задорного танца, образовывали полукруг, живой, разноцветный. Пели все голосисто, порой надрывно и жалобно так, что слезы вышибало у слушателей, а иногда в такт музыке приглушённо, слегка пританцовывая. То вдруг рывком взбрасывали свои руки вверх, к небу и забивались в вечной неумирающей «Цыганочке», взбивая обнаженными ногами свои многослойные разноцветные юбки. И все вместе: и молодые ребята, и красавицы-девчата, и старые мудрые их мамы с выразительным движением глаз – все, как одна заведённая игрушка, завертелись, закружились в вихре стремительного танца. И вот впереди оказался старый цыган, необыкновенно красивый. Как будто невзначай выдвинул он вперёд ногу, двинул ею туда-сюда. Мгновенно поднял руки и резко опустил их в хлопке, повернул со значением лохматую седую голову, обвёл всё племя взглядом, крикнул, свистнул, зарыдал и в такт музыке стал

сыпать беспрерывно горячими ладонями по себе, по груди, по голенищам. Среди ошалевших слушателей охи да вздохи! Нет никого, кто бы был равнодушен! Всех захватил танец! В конце концов, старый цыган вывернул такое коленце, что и описать трудно. И тут весь цыганский табор замер, остановил всякое движение. Что это было!? Как будто что-то сдерживаемое многими годами сразу выплеснулось, сняло со всех дрёму, обожгло от макушки до кончиков пальцев ног! Трогательный, хватающий за душу звон «Цыганочки» ещё несколько раз эхом отозвался далеко за селом Сиреневым, потом упал, растворился в ночном тумане. Молчало несколько секунд ошеломлённое знатное общество, потрясённое живой цыганской музыкой и, наконец, разразилось мощными возгласами: «Бис! Бис! Bravo!» Долго ещё звучали раскатистые песни над селом. Певчие птицы, соловьи, обитающие в этой местности, за всю ночь ни разу не решились начать свою трель, умолкли. До утра продолжалось веселье и забавы в помещичьей усадьбе. И думалось всем в это время, что вокруг и нет другой жизни. Таким цветущим, радующим взгляд букетом казалось всё вокруг.

Но была у таких барских праздников и другая сторона. Не всем праздник был в радость. Речь, конечно же, не о великосветских персонах, а о крепостных подданных помещика. Дело в том, что своих слуг за какие-то провинности барин не спешил наказывать сразу, а оставлял наказание на время, которое было определено им самим. Ни один проступок не был оставлен без наказания. Время такого наказания часто совпадало с проведением праздников. Если проступок совершал молодой парень, в наказание ему

предлагалось на виду у честной публики войти в клетку к дикому медведю, сидящему на цепи. А молодая девушка, сделавшая что-то, по мнению барина, преступное, должна была привести в порядок апартаменты гостя хозяина. Такие поручения часто заканчивались моральным увечьем для молодой цветущей крестьянской девушки. Барские наказания были суровы!

Моя прабабушка и попала однажды в немилость к своему барину. А провинилась она так: на хозяйском дворе девушка бросила палку и, не рассчитав силы, нечаянно задела ею курицу. Курица упала замертво. Такое страшное злодейство совершила юная крестьянка. Зная, что наказания ей не миновать, она решилась на отчаянный поступок. Убежала молодая девушка в далёкую Сибирь! Было ей тогда шестнадцать лет от роду. Как ей это удалось – одному Богу известно. После тяжких лишений и полных опасностей скитаний оказалась моя прародительница в деревне Матьянга, что рядом с селом Колпашево, на реке Оби.

Деревня Матьянга тогда была небольшим населённым пунктом. Тихая, чистая, вся утопающая в зелени деревенька. Наряжали её райскими цветами кустарники и разнотравье. Пьянящий запах можжевельника кружил голову так, что дышать становилось трудно. Лето в том году выдалось благодатное! Надо заметить, что Господь по поведению людей и животных даёт соответствующее лето. Провинятся земные твари – и лето холодное, дождливое, с частыми северными ветрами.

По опушке лесочка, недалеко от деревни, потеряв бдительность, лосиха прогуливалась со своим лосёнком. А на берег озера вышла уже совсем не молодая мама-мед-

ведица. Надо научить своих медвежат жизненно необходимым приёмам охоты и рыбалки. Медведица время от времени поднимала свою лапу и резко опускала её на заднюю часть своего дитяти, используя один из приёмов медвежьего воспитания. Насытившись, медвежья семья шла к воде на берег безымянного озера. Потом выбрали залитую солнцем поляну, улеглись вверх животами и уснули в цветах разнотравья.

На расстоянии одного километра текла полноводная красавица Обь. Воды её скрывали несметное количество рыбы осетровых пород, муксуна, нельмы. Неспешно несла она много тысячелетий свои воды по береговым пескам, плёсам.

А рядом с этой первозданной красотой трудились люди, считая себя полноправными хозяевами мироздания. Хотелось жить и радоваться такому тесному единению человека и природы, были бы только широко распахнуты душевные очи, чтобы замечать всё прекрасное вокруг! Ласково принимала деревушка каждого живущего в ней человека, каждому доставалось тихой любви и заботы. Ведь многим пришлось пройти трудный путь. Всех принимала сибирская земля: и беглых крепостных крестьян, а иногда, и бывших разбойников, решивших покончить со своей греховной жизнью в центральных губерниях России, покаяться и начать жизнь заново, затерявшись в бескрайних просторах Сибири-матушки. Сживались они с местным населением, всей душой принимали суровую красоту сибирской природы. Люди здесь жили без суеты, размеренно, не зная давления властей и законов. Жили в соответствии со сло-

жившимся старым укладом, который ещё деды и прадеды установили. Жили благочестиво, по заповедям Божиим.

Думала наша беглянка, что оказавшись на чужбине, столкнётся с многочисленными трудностями, будет тосковать по родимым местам. Но, понемногу оглядевшись и узнав сибирский уклад жизни изнутри, поняла, что теперь-то стала она по-настоящему свободной. Всей душой приняла молодая девушка Сибирь, её природу и людей.

Прошло два года с того момента, как появилась она в Матьянге. Трудолюбивая, спокойная, добрая девушка приглянулась молодому сибирскому парню по фамилии Бобылёв. Посватался он, как и полагалось, и вскоре сыграли свадьбу. В трудах и заботах шло время. Разрастался род Бобылёвых числом и крепко стоял на ногах. Один за другим стали появляться на свет Божий дети. Одной из них была девочка Аня, моя будущая бабушка. Славились дети Бобылёвых на селе своим трудолюбием и немногословием, честностью и добропорядочностью, росли крепкими и здоровыми. Когда пришло время, Анну посватал Матвей Терентьев, сын старосты из села Колпашево. Зажиточная славная семья Терентьевых с радостью приняла скромную совестливую труженицу Аню Бобылёву. В лучших сибирских традициях отгремела, отшумела весёлая свадьба. Матвей Афиногенович Терентьев, хоть и был характера несдержанного, суетливого, горячего, но хозяином был рачительным, человеком трудолюбивым, отцом заботливым. В семье, где царили мир и согласие, было десять детей. В 1910 году в этой семье родилась девочка Мария, моя будущая мама.

Жизнь семьи Терентьевых выпала на начало двадцатого века. Над всем этим тихим и размеренным укладом жизни человека и природы скоро повеяло, засмердело чем-то нравственно беспокойным, страшным. Сначала война с Японией отозвалась тревожным эхом над Сибирью, но прошла краем в далёкой стороне. А потом как развернулась, разыгралась одна беда за другой! Две великие мировые войны, а между ними революция с насильственным изменением всей налаженной жизни людей! Навязанная крестьянам коллективизация, как плугом прошла по судьбам людей: одну половину – в колхоз, другую – для острастки в лагерь, на перевоспитание. За коллективизацией – нескончаемые промышленные стройки. Вхождение в новую цивилизацию быстрыми темпами за короткий исторический промежуток времени так изменило жизнь россиян, так перевернуло, что, порой, даже страшно становится: думается, а с нами ли всё это было?

Нам некоторое время назад упорно твердили, что мы должны догнать и перегнать Америку, позже – что настоящая жизнь, это жизнь по европейским образцам. И не вспоминаем мы почему-то, что наши далёкие предки питались репой и капустой и были здоровы. Мы же сейчас употребляем в пищу продукты, доставленные нам из-за границы в красивых обёртках, но опасные для организма человека. Ведь не напрасно у современных детей уже в школьном возрасте встречаются массово такие болезни, о которых не знали старики прежних поколений. Причина одна – современный человек разорвал все связи с родной природой, перестал считать её доброй матушкой, кормилицей, а стал относиться к ней не иначе, как к «окружаю-

щей среде!» Много тысячелетий маленькая птичка – скворец питается одними дождевыми червями, и ещё будет существовать до скончания веков, не страшась никаких «санкций». А человек?

Другая причина наших бед – неукротимая погоня за деньгами! Переводятся в современном мире люди, не подверженные губительному влиянию доллара, растлевающему душу обогащению. По этому случаю вспоминается мне, как во время войны мы получили от отца письмотреугольник с фронта. В него была вложена солдатская получка – три рубля. Папа писал: «Милая Маша, может, эти деньги хоть как-то помогут тебе и ребятам» А нас было шестеро на руках у мамы. Мы деньги до этого момента никогда не видели. Передаём их из рук в руки друг другу, рассматриваем, как картинки. А в голове одна мысль: «Надо же! Такая ценная бумажка, а никому не нужная!» А потом ещё раз я увидел деньги в 1947 году, когда в нашей стране была первая послевоенная денежная реформа. Нашёлся в нашем доме один рубль, сохранился он потому, что купить на него нечего было. Мы, голодные ребяташки, рассматривали его и удивлялись: очертаниями рубль напоминал собой красивый пряник. Почему пряник? Да, потому что ни о чём другом, кроме еды, во время войны и после её завершения мы не могли думать! Вот так...

Этой же весной приезжала к нам в гости бабушка Анна из Колпашева. Приехала она, чтобы повидаться с нами, своими внуками, и поддержать свою дочь, Машу, столько пережившую к тому времени. А переживаниям тем конца края не было видно! Бабушку я запомнил молчаливой и внимательной, несуетливой. Нас она называла ласковыми

именами, подолгу смотрела на нас и вздыхала. Бабушка Аня тихо разговаривала с мамой и оглядывала наше скромное жилище, в котором, кроме стола и давно небелёной печи, стояли две кровати с лохмотьями, заменяющими нам одеяла. Бабушка привезла в гостинец несколько килограммов кедровых орехов, купила в деревенской лавке пряников, ведь она тоже с трудом смогла собрать деньги на поездку, какие уж тут гостинцы! К тому времени у нас уже закончилась картошка. Вся надежда была на нашу одно-рогую корову Муську. Вот таким увидела бабушка Аня наше житьё-бытьё.

Такой запомнилась мне на всю жизнь моя бабушка. Через несколько дней она уехала на пароходе в Колпашево. А спустя два года её не стало. Уже взрослым я побывал на могилах бабушки Анны и деда Матвея.

Господи! Подай этим людям благодатное место в Твоих небесных обителях! Вечная им память...

Охота в Причулымье

После службы в армии я приехал в город Томск. На Черемошниках, на улице Обской, в доме №5 началась моя городская жизнь. Дом этот, дощатого исполнения, был построен по финскому проекту сразу после войны. Как и многое жильё того времени, он представлял собой одноэтажный барак с длинным коридором и общей на всех кухней. На все квартиры один дощатый туалет рядом с домом. В комнате размером в шестнадцать квадратных метров проживали две мои сестры, теперь поселился и я. Спать мне приходилось на полу. Слышимость в наших квартирах была такая, что при желании можно было слышать, о чём говорили не только в соседних, но в следующих за ними комнатах.

По обе стороны общего коридора были расположены шестнадцать однокомнатных квартир. Утрами в местах общего пользования скапливались очереди: очередь на кухню, очередь к рукомойнику, очередь в туалет. И так каждый день – однообразно, монотонно. Бесконечный скрип дверей, нескончаемый стук каблуков, громыхание кирзовых сапог по коридору, надрывный кашель мужиков с похмеля. Из кухни доносились запахи подогретого супа, кислой капусты или сбежавшего молока. Вечером картина повторялась.

Соседи по всяким причинам и без них часто устраивали праздники с распитием водки. День получки или аванса, встреча гостей, мало-мальски значительные семейные даты начинались с малого возлияния и переходили в

шумные гулянья, которые часто заканчивались скандалами. Бывало, слышишь такую перекличку соседей:

– Лёха, а ты почему со мной не здороваешься?

– Да, нет, Витёк! Я каждое утро, когда иду в сортир, с тобой здороваюсь! И со всеми так!

Вот такие нравы и условия жизни были в нашем доме. Да ко всему прочему дом наш стоял под горой Каштак. На Каштаке в ту пору располагался аэродром со всеми необходимыми службами, радиостанциями. Гул самолётов стоял над нашим домом целый день.

Но выбирать мне было не из чего. Крыша над головой есть – и хорошо. Работать я сначала устроился на завод электриком. Набрался практического опыта, но в работе требовались знания, и задумался я об учёбе. Со временем определился в выборе и подал документы в Томский электромеханический техникум на заочное отделение. Время, данное Богом, зря не проводил: много работал, а также достаточно времени уделял учёбе. Без отрыва от работы закончил успешно техникум.

По совету своего товарища я устроился в «Энергетику сельского хозяйства». Работа моя была связана с постоянными командировками и переездами из одного населённого пункта в другой. Постоянно встречался и знакомился с новыми людьми. Так что, теперь я надолго покидал наш густонаселённый дом со всеми его «красотами».

Вместе с электромонтажной бригадой мне пришлось трудиться в Асиновском районе. Нам предстояло выполнять работы по электрификации деревень Ново-Кусково и Казанка. Из-за отсутствия техники ямы под столбы для высоковольтной линии мы копали вручную. Но бригада у

нас была отличная. Каждый старался не подвести товарищей и своего мастера, работали дружно и слаженно. Мастером у нас был человек опытный, участник больших комсомольских строек. Под его руководством мы справились с нужным объёмом по электрификации сёл, после чего нашу работу принимала представительная комиссия. После проверки готовности линии к эксплуатации подали в сёла электроэнергию от государственной электростанции. Теперь в деревнях появилось постоянное энергоснабжение. Радости местных жителей не было конца!

Надо сказать, что наша работа проходила в местах, где родился и жил писатель Георгий Марков. Даже места, урочища, которые он описывал в романах и повестях, встречались здесь живыми свидетелями давно ушедшего времени. Когда у меня выдавались свободные дни, я бродил по этим заповедным местам с ружьём и собакой.

В деревне Казанка я жил у деда Якова, которому было больше девяноста лет. Он был женат во второй раз. Жена его, тётя Вера, была намного моложе его. Дом моего хозяина стоял на пригорке. Обзор из всех окон хороший во все стороны, куда ни глянь. Брёвна в срубе дома хоть и почернели от давности постройки, но всем видом выдавали свою крепость. Резные наличники на окнах и ворота усадьбы, давно не знавшие краски, потрескались и почернели от времени.

Хозяева дома жили дружно, в завидном согласии. Хотя и разговаривали между собой мало, во всём понимали друг друга с полуслова, а чаще и без слов. Было у них небольшое хозяйство. Держали они корову с большим удоём, берегли её и дорожили ею. Не пройдут мимо, чтобы не на-

звать свою кормилицу по имени Вечёрка. Умная ласковая корова отвечала им по-своему.

В доме, как и положено у самостоятельных людей, чистота и порядок. Всё скромно, но обстоятельно. На окнах занавески. В углу, на кухне – большая русская печь. Телевизор имелся у хозяев, да они его при мне ни разу не включали, он был накрыт вышитой салфеткой. В простенке между окнами под стеклом в рамочке было много фотографий. Рядом с ними – радио, которое хозяева любили послушать. В красном углу стояли две иконы: одна – Спаса, другая – Матери Богородицы. Молились часто, не напоказ. На духовные темы с упоминанием Создателя почти не говорили, потому что душой понимали, что Любоумдрствовать о Боге можно не с каждым.

Дед Яков хозяйство вёл разумно. Под навесом находился всякий инвентарь для сельскохозяйственных работ. В сенокосную пору дед сам мастерски отбивал литовку и принимался по неудобиям косить траву. Любую работу он делал с удовольствием, не спеша. За большим огородом держал старик пасеку в восемь пчелиных семей. Мог бы он, может, и больше держать пчёл, да не хотел смущать односельчан-колхозников большой пасекой, осторожничал, чтобы не сказали о нём: «Да, Яков ничего ещё, справляется!» А мёд всегда стоял у него на столе. Любил дед Яков угощать мёдом своих гостей, односельчан. В этот момент, казалось, расцветал он от такого благого дела!

С виду, дед как дед, во всей своей простоте. Но если присмотреться к нему повнимательней, то увидишь скрытый ум, недосказанные мысли.

Ещё ребёнком привезли его родители в Сибирь из далёкой Казанской губернии. К началу революции было ему около пятидесяти лет. Как-то так вышло, что прошла гроза над его головой: ни с белыми он, ни с красными. Что с дедом Яковом было на самом деле, никто не узнает теперь, да и не нам судить.

Любил дед Яков заниматься баней. Стояла баня на задах усадьбы, возле маленького ручья шириной не более двух метров. Топилась эта баня по-чёрному. Дед носил воду из ручья, старательно топил печь до нужного жара. Дед не любил, чтобы ему кто-нибудь помогал в этом деле. Присядет у журчащего ручья под кустом красной калины, задумается. Замелькают мысли о прошлой своей жизни. Посидит, повздыхает – и за дело. Когда баня была совсем готова, звал старик меня попариться. Радостно было июльским вечером после жаркого пара пробежаться нагим по цветущей пахучей траве, утопая по колено в ней, упасть и забыться в родниковом шёпоте ручья!

Иногда после хорошей бани дед Яков любил посидеть вечером на лавочке возле печи. Так однажды он разговаривался, а мы с тётёй Верой его слушаем:

«Давно это было. Мне в ту пору шёл девятый год, – начал свой рассказ старик. – Пошли мы с тятёй на заимку. Стояла она на берегу большого озера в глухой тайге. Дело было летом. Вывела нас дорога на залитую солнцем полянку. Только мы ступили на неё, как вдруг, будто из-под земли, из леса вышел человек и оказался от нас на расстоянии двух шагов. На нём рубаха-косоворотка, длинная до колен, верхние пуговицы расстёгнуты и видна шея. А шея у того человека красная, краснее калины. Волосы на голо-

ве, как копна. Лицо закрыто бородой во всю грудь. Улыбнулся он нам. А зубы у него оказались крепкими, белыми, белее снега. Подошёл незнакомец поближе к отцу, они о чём-то зашептались. А я в сторонке с интересом рассматриваю этого странного, неизвестно зачем обитающего в лесу человека. Пошептались они немного. Пока мы с отцом отдыхали, человек этот отошёл в сторону, лёг навзничь, свободно раскинув в стороны руки, и уставился широко раскрытыми глазами в бездонное голубое небо. Затем вдруг легко встал на ноги, как-то ласково глянул на меня медвежьими глазами и подмигнул мне.

– Михаил, – обратился он к моему тятю. – А я звёзды днём вижу и могу их считать. А ты видишь?

– Нет, – ответил тятя в недоумении.

Не промолвив больше ни слова и не попрощавшись с нами, лесной человек ушёл тихими бесшумными шагами в лесную чащу. Ни одна ветка не шевельнулась от его касания».

Старик взглянул на меня и тётю Веру, увидел, что мы заинтересованы его рассказом, продолжил: «Прошло несколько лет после нашей странной встречи, и отец, наконец, поведал мне историю о том лесном человеке, который так поразил меня. Но предупредил: «Ты, Яша, слушай, да помалкивай, никому о нём не рассказывай».

Света отца судьба с этим человеком пять лет назад. Один известный в наших краях купец познакомил его с лесным человеком и велел держать с ним связь. Встречи их, скрытые от посторонних глаз, были редкими, раза четыре в год. Жил этот человек в самом глухом таёжном уголке, рядом с незамерзающим родником. Никто не знал

туда дороги. Давненько прижился здесь, в Сибири, пришелец неизвестного рода-племени из далёкой России. Много трудных испытаний было за его плечами. Тяжким грузом грехов болен был этот человек. Но не нам его судить. Каждый в своё время за всё ответит при встрече с Творцом.

Со своим расчётом пригрел купец бродягу, скрывая его от посторонних глаз. Человек этот, оставшийся в одиночестве, навсегда отдалившийся от общества, много работал. На месте своего обитания отшельник своими руками оборудовал скрытые кладовые, схороны, даже глубоко под землёй, в ущелье соорудил он ледяное хранилище. Построил в нескольких местах избышки. Разными сибирскими дарами промышлял лесной человек, добывал самую дорогую пушнину, а также, видимо, золотишко. Только одному человеку попадало это добро в руки – купцу. Сам-то купец держал язык за зубами в своих же интересах. В свою очередь, через моего отца снабжал удачливого промысловика продуктами: солью, крупой, мукой. Доставлял охотнику в лес дробь, пули, порох, спички, кое-какой инструмент.

Жизнь в одиночестве, в дикой природе, близкой к Господу, должно быть, изменила мятущуюся душу бывшего разбойника. Сибирская первозданная природа всколыхнула в его сердце самые лучшие струны, помогла прийти к покаянию в своих злых делах, раскрыла скрытые возможности души переродившегося человека. Вот такую быль поведал мне однажды старый Яков.

В следующий раз, после бани, располагаясь поудобнее на своей низенькой лавочке, он начал другую историю.

Дело было в начале двадцатого века. Один солдат, отслужив действительную службу, возвращался домой. Дело было зимой, перед самым Новым годом. До своего села добирался он как придётся: где-то на попутной лошади подвезёт кто, где-то просто пешком идёт. Так на перекладных добрался солдатик до села Ново-Кусково. Остановился передохнуть у своих знакомых. Хозяева настаивали, чтобы служивый остался ночевать у них, скоротать ночь в тепле: «Ты, парень, не горячился бы, ведь ночь на дворе. Морозы нынче лютые. Да и волков развелось не меряно».

Но не тут-то было! Спешил парень. Не чаял скорее увидаться со своими родными. До его родного села Казанка оставалось совсем немного. Ни уговоры, ни доводы не дошли до сердца служивого. Надел он свою солдатскую шинель, поправил сбоку шашку, попрощался и вышел в звёздную ночь на трескучий мороз. В царское время уволенному в запас воину, честно и доблестно проявившему себя во время службы, оружие вручалось, как награда.

Вышел на дорогу демобилизованный солдат. Торопила душа, ноги не чувствовали под собой дороги, плотно укутанной конскими санными, повозками. Как на крыльях летел солдат в свою деревню, в родительский дом.

Деревья, прикрытые пушистым снежным кружевом, стояли вдоль дороги как бы в дрёме. Иногда от трескучего мороза при полном безветрии раздавался вдруг стук в лесу. Быстро передавался этот звук от дерева к дереву по всей округе тайги. Будто какая-то сверхъестественная сила в одно мгновение гнала страх вдоль зимней дороги, пугая случайного путника. Позади уже несколько километров

пути. Но вот перед пешеходом появились первые явные признаки присутствия рядом коварных обитателей сибирской тайги – волков! Эти серые разбойники, умные, безжалостные хищники с рождения научены к кровавой охоте. Научены они, как выслеживать, как подходить на безопасное расстояние, не обнаруживая себя, как окружать добычу, не давая ей ни малейшего шанса выжить. С низко опущенными головами, со сверкающими налитыми кровью глазами идут эти хищники в атаку, не давая возможности отступить, не зная пощады к выбранной жертве. Последние прыжки... И разразилась кровавая схватка!

Забрезжило серое декабрьское утро. Опустился снежный туман – иней на скованную морозом зимнюю дорогу. С той и другой стороны дороги раздался скрип полозьев. В санях сидели люди, слышался тихий неспешный разговор ездовых. Но вот перед ними страшное место трагедии. Вылезли возчики с нагретых в санях мест, осторожно подошли к месту ночной битвы. Округлились в ужасе глаза у мужиков, руки сами собой тянулись ко лбу нанести крестное знамение. Страшная картина убийства человека вставала во всей своей откровенной правде. Алые пятна обильно пролитой крови, разбросанные по сторонам человеческие кости. Вокруг клочья одежды, обуви. Рядом – шашка в ножнах. Всё увиденное говорило о том, что человек, убитый зверьём, был военным. Не находя слов от ужаса, чувствуя себя беспомощными, поспешили ездоки в Ново-Кусково сообщить приставу о случившейся на дороге трагедии. Проехав меньше километра, увидели они ещё одну картину бойни. На зимней дороге обнаружили возчики восемь

окоченевших волчьих трупов. Все она были зарублены острым оружием.

Следственная группа, снаряжённая в связи с дорожной трагедией, установила, что шедший к родному дому боевой солдат не зря был награждён именным холодным оружием. Выстоял он в жестокой схватке с серыми хищниками. Выхватил солдат из ножен свою боевую шашку и дал отпор беспощадной, не знающей жалости дикой своре по всем правилам военного искусства. Ни один взмах шашкой не был ложным, точно достигал он своей цели: живых хищников становилось меньше. Восемь тел осталось лежать на морозной дороге, а остальные, потупив огненные глаза, поджав хвосты, отступили.

Отлегло от сердца солдата. Вытер он горячий пот со лба. Вставил боец кончик шашки в ножны, по-боевому толкнул её до самого упора, и, ускоряя шаг, двинулся в сторону дома. Постепенно стал приходить в себя. Не пройдя и километра, он снова встретился с волчьей стаей. Свора хищников, ведомая матёрым волком, сжимала кольцо вокруг пешехода. С каждой минутой живой круг становился всё ближе. Когда наступил решающий момент, схватился парень за свою боевую шашку, рванул её из ножен! Но не тут-то было! Сабля осталась на месте! Дрогнуло сердце бывалого солдата. Прежде чем опустить оружие в ножны, не протёр он, как положено, жало шашки ветошью! На сильном морозе примёрзла шашка, смоченная волчьей кровью, к ножнам! Будто была приклеена она самым сильным современным клеем! В трёх шагах от солдата сверкнули глаза жожака. В следующую секунду бросилась вся стая на свою жертву. А тот из всех сил лупил животных

ножнами, пока не упал, сражённый острыми клыками жадных до крови волков.

Комиссия собрала останки и шашку погибшего, привезла их в Ново-Кусково. Через несколько дней установили имя трагически ушедшего из жизни человека. Стало точно известно, чей он сын, чей брат. Вот она, суeta наша вечная! Поспешил человек. А какая беда вышла!

Много разных историй оказалось в запасниках деда Якова. Беседы наши стали постоянными. Старик приветливо встречал меня с работы, выпрашивал, как движутся дела с подключением к электричеству отдельных домов, фермы. Сидя за столом во время обеда или ужина с дедом Яковым и тётёй Верой, мы вели неторопливый немудрёный разговор. На столе, как всегда, целая чашка свежего мёда, крынка молока, свежеиспечённый в русской печке хлеб. Шёл уже 1962 год. В космосе побывал первый человек – Юрий Гагарин, кругом шли большие и малые стройки, электричество пришло в самые отдалённые деревни. А здесь, в доме деда Якова, казалось, время остановилось. Всё дышало патриархальной стариной, размеренной и неспешной.

Сибирские деревни тех лет, особо поредевшие мужским населением, тем не менее, крепи. На их улицах разгуливала свободно разная живность: рогатая, пернатая, хрюкающая и бляющая. На деревенских озёрах и искусственных прудах гоготали гуси, которых держали в каждом дворе. По вечерам деревенское стадо возвращалось с пастбища домой, и по всей деревне раздавалось зычное коровье мычание. Люди хлопотали в своих дворах по хозяйственным делам.

Вроде бы та же деревня, что и раньше. Но уже не та! Не блеснёт золотом крест на куполе деревенской церквушки, не зазвенит, не отзовётся эхом за околицей призывный колокол. Чаше увидишь красное полотнище над деревенским клубом, который когда-то был той самой церквушкой. И транспарант того же цвета через всю улицу.

Но грустить деревня не давала. Приближалась осенняя пора. Наша работа подошла к концу. Бригада наша была переброшена в другой район, а меня отправили в отпуск. Тут я и подошёл к деду Якову со своей просьбой:

– Дед Яша, я бы хотел отпуск свой провести у вас на охоте. Разрешите?

– Скажу я тебе вот что, Ванюша. Я ведь по молодости охотился много, исходил своими ногами всю округу, сколько приключений пережил – не меряно, не считано. И тонул, бывало, и медведем ломаный был, и замерзал. Как жизнь охотничья кружила, уже и забывать стал.

Знал я, что дед всегда так себя вёл, если разговор касался его прошлой жизни. Скажет несколько незначительных слов без особой подробности и замолчит. Видел я, что ушёл в воспоминания старый сибиряк. Не стал беспокоить его.

А мысли деда Якова были далеко... Во время создания в деревне Казанке колхоза, отвёл Яков в общий табун свою лошадку, а также передал в общественную пасеку пять ульев. Многие годы проработал незаметно в колхозе, терпеливо выжидая, когда эта выдуманная кем-то волна деления людей на своих и чужих, на красных и белых схлынет, рассосётся. На работу Яков ходил исправно. Ухаживал за лошадьми. Со временем стал он заметно прихрамывать

на одну ногу, часто жаловался на боль в паху. Постепенно из-за его увечья колхозное руководство отступило от Якова с общественными работами. Списали его ввиду болезни. Вскоре умерла его жена, с которой пережито было много разных дней: и счастливых, и тревожных. Погоревал-погоревал Яков, но жить один не стал. Присмотрел себе хозяйку из кержацкого рода. Вера была женщиной здоровой, лицом румяной, работающей, проворной, чистоплотной. Такие редко встречаются. Всё спорится в её руках, за какое дело ни возьмётся. В доме опрятно, в скотном дворе и на огороде – добрый порядок. А дед по дому трудился, на пасеке работал. Ходить стал ровно, но боль в паху временами возвращалась, особенно обострялась она, когда приходила почтальонка или колхозный счетовод наведывался, или председатель колхоза вызывал по каким-то делам. Колхоз теперь крепко стоял на ногах. Много пахотных земель имел, строил новые планы...

Хотел дед Яков встать и сходить на пасеку, но вдруг остановился и обратился ко мне:

«Ваня, если тебя тянет на охоту, скажу я тебе, где можно по-настоящему поохотиться. Места эти называются Казанские луга. Идти туда пешком километров семнадцать. Там живёт мой знакомый. Можно сказать, друг. – А сам в это время перекрестился перед образами. – Только будешь подходить к нему осторожно, без лишних слов. Человек он в годах немалых. Когда познакомишься с ним, не суетись, лишнего не мели. Скажешь, что живу со второй. Привет передай. Примет он тебя, если покажешь себя настоящим охотником. Всё».

Хоть немного слов сказал мой хозяин, но я всё понял. Стал готовиться к предстоящей охоте. Я планировал поохотиться на пернатую дичь и мелкого зверька. Для этого нужны были ловушки. Все работы по изготовлению ловушек следовало было выполнить вручную. На это ушло три недели.

В конце сентября я отправился в дорогу. Со мной была собака – помесь с лайкой, но тягу к охоте имела добрую. На моём плече висело ружьё, за плечами – вещевой мешок с охотничьей ловушкой и провизией: тушёнкой в банках, сгущённым молоком. Я быстрым шагом вышел из деревни. Дед Яков в подробностях рассказал мне все основные приметы дороги, которые мне обязательно должны были встретиться. Вскоре я добрался до заимки дяди Паши, так звали человека, у которого я должен был остановиться. Дорога моя пролегла по краю пахотных полей, а на берёзовых опушках обитало много тетеревов. Табуны их были огромными: до 150-200 птиц. Потом дорога завела меня в настоящую тайгу, где росли кедры вперемишку с елью. Дальше встретилось заболоченное место, по которому была устроена гать. Это такая дорога через болотистые места, которая вымощена срубленными осинами и другими подходящими деревьями. Срубленные деревья кладут поперёк дороги, брёвнышко к брёвнышку для того, чтобы могли проезжать повозки или малогабаритные машины. Дорога такая была длинной, почти три километра. Гать закончилась, и я вышел на луга. Это и были те луга, которые дед Яков назвал Казанскими. Самые настоящие заливные луга Причулымья! Покосная страда закончилась, и повсюду на открытых местах и веретях стояли стога заготовленного

сена. Озёра по всем лугам длинные и круглые, а на них несметное количество диких уток.

Дорога привела меня к большому озеру, которое называлось Чердаты, вдоль которого тянулась длинная тропинка. Я чувствовал, что скоро буду на месте. За всё время моего путешествия я ни разу не выстрелил. С самого детства я был приучен стрелять только в самой крайней необходимости. Стрелять просто, ради забавы, по приглянувшейся цели у нас было не принято и категорически осуждалось.

Мой путь продолжался вдоль длинного и узкого, сильно заросшего травой ручья. Внимательно изучив окрестности его на признаки жизни, я остался доволен своими наблюдениями. По всем приметам я понял, насколько активна жизнь промыслового зверька. Такое удачное открытие придало мне силы и бодрости, и я энергично зашагал к намеченной цели. Озеро Чердаты было широким, и глубина его, должно быть, была значительной, так как вода в некоторых местах имела оттенок синевы. Озеро закончилось, и вдали показалась река Чулым.

Вот, наконец, показался дом с надворными постройками. Окна в доме небольшого размера. Крыша покрыта тёсом. Все вокруг по-хозяйски, аккуратно. Топор воткнут в чурку, насажен на топорище, сделанное хорошим мастером. Оглобли стоящей рядом телеги подняты кверху и стянуты чересседельником. Навоз от лошади и двух коров, которые были неподалёку, уложен в аккуратную кучу. Видно, что хозяин придерживается старых порядков.

Так стою, наблюдаю, не делая лишних движений. А сам замечаю, что в это время в доме за мной кто-то тоже

наблюдает, изучает, но не выходит. В стороне от дома, около бани, что стоит за черёмуховыми кустами, мелькают проворные гибкие руки. Значит, девушка. Развешивает выстиранное бельё. Многое ещё я заметил вокруг и записал в свою память до мельчайших подробностей.

Наконец, входная дверь в доме заскрипела. На крыльцо вышел хозяин дома. Это его голова мелькала в окне. Был он среднего роста. Волосы его были чёрными с проседью, давно не стриженные. Особо бросилось в глаза морщинистое лицо. Я понял, что передо мной стоит человек, много переживший, немало лет проведший в местах, где бывают не по своей воле. Тяжёлые думы глубокими бороздами легли на его лицо.

Я первым поздоровался и объяснил своё появление в этих местах так:

— Зовут меня Иваном. Я временно проживаю в деревне Казанка, стою на квартире у деда Якова, который тебе, дядя Паша, шлёт привет. Родился и вырос я на севере Томской области, по своему характеру охотник и рыбак. Вот прибыл на луга поохотиться. Примешь меня на квартиру, хотя бы на месяц?

— Пока поживи, — промолвил хозяин, подумав немного. Потом строго добавил:

— Только не вздумай что!

В это время к нам подошла его дочка, как я узнал потом, звали её Анной. Стройная, красивая девушка, как и положено в её молодые годы. Поздоровалась, окинула меня беглым взглядом, слегка улыбнулась. Потом быстрыми лёгкими шагами она прошла в дом и занялась делами по хозяйству.

В сопровождении хозяина я прошёл в дом, сел на лавку. Не вступая со мной в разговор, дядя Паша сразу сел поближе к окну и принялся за работу, стал приводить в порядок самоловные снасти. Неторопливо перебрал стальные крючки, смазал их жиром. Видимо, рыбалка для дяди Паши была сейчас основной заботой. Река Чулым текла совсем рядом, в какой-то полусотне шагов.

Вечером на моторной лодке из села Батурино приехала жена дяди Паши, тётя Валя. Привезла кое-что из сельского магазина. Дочери Анне она подала подарок – красивый платок. В отличие от своего мужа, тётя Валя со мной общалась, с интересом расспрашивала. Вечером хозяева пригласили меня к ужину. Я сообщил, что завтра утром планирую идти на охоту.

Ранним утром следующего дня я взял ружьё, свистнул собаке и отправился к озеру. День был хороший, солнечный, дуновение ветерка лёгким, почти летним. Весь день я провёл в поисках мест обитания промыслового зверька. Нашёл много нор ондатры и норки. Перед возвращением к своим новым хозяевам я подстрелил большую утку. Такой взнос я делал каждый день, пока жил у них в доме. Меня ждали к ужину, за стол не садились. На столе в тарелках была налита уха из стерляди, в сковороде стояла жареная картошка и в кружках – парное молоко.

Потекли мои охотничьи будни. Целые дни я охотился на лугах. Приходилось много ходить день за днём. Возвращался поздно, ведь дни стали короче. Шкурки зверька приходилось обрабатывать далеко за полночь. На сон оставалось совсем мало времени. Охота моя была удачной. С рассветом я уже старался выходить из дома.

Дядя Паша со мной по-прежнему общался мало. Но я чувствовал, что он присматривается ко мне внимательно. А тётя Валя и Анна были очень рады поговорить со мной и находили любые темы для разговоров: о домашних делах, обо мне, о моих родственниках, о городской жизни. Особенно моему возвращению с охоты радовалась Аня. Каждый вечер меня дожидался вкусный ужин.

Со временем и дядя Паша стал ко мне добрее, как говорится, отпустил вожжи. Хозяйские собаки на меня уже не лаяли, как раньше, а больше ласкались. Мир приходил в наше маленькое общество и становился нашим постоянным приобретением.

Аня очень преобразилась за последнее время. Движения её по дому стали резвее, радостнее. Она не ходила, а порхала. Во всём её поведении чувствовалось новое сердечное наполнение. Дядя Паша теперь стал приветливо здороваться со мной по утрам, перебрасываться несколькими фразами. Чем больше оттаивала душа дяди Паши, тем больше я узнавал об этой семье. Постепенно я понял, почему мой хозяин был таким суровым и молчаливым. Жизнь-то его не баловала. По причине отказа вступить в колхоз был он наказан двадцатью пятью годами заключения в один из северных лагерей страны. Через восемнадцать лет он вернулся домой.

Дядя Паша по своей крови был из ясачных чулымских остяков. С детства привыкший к рыбалке и охоте, он к одиночеству относился спокойно, общения с членами семьи ему было достаточно. Таков был сложившийся веками уклад жизни его предков.

Вернувшись из мест заключения, он обошёл стороной деревни, обосновался подальше от людей. На берегу старого Чулыма построил дом. Ближайшее село Казанка было от него в семнадцать километрах, а Батурино – в тридцати. Спустя время Павел женился. Стали один за другим рождаться дети.

В скором времени дядя Паша устроился по договору на предприятие «Гослов» рыбаком. От дома до своего рабочего места – реки Чулым – пятьдесят шагов. На предприятие по условиям договора он должен был поставлять определённое количество разной рыбы: стерляди, язя, щуки, налима. За одну ночь вылавливал дядя Паша килограммов по 25-30 стерляди. Часть улова он сдавал на предприятие. А за один килограмм стерляди рыбак получал один рубль двадцать копеек. Так дядя Паша трудился, кормил семью. И с предприятием рассчитывался, и домашних прокормить мог, так как был удачливым умелым рыбаком.

Однажды после возвращения с охоты застал я семью дяди Паши в особом настроении. Оказалось, что сегодня удача особо улыбнулась старому рыбаку: в сенах обложенный сырой травой лежал осётр. Был он весом килограммов тридцать. По нашим, обским меркам, осётр был средненький. Но довольны очень были дядя Паша и его жена, сноровисто расфасовывали вынутую чёрную икру, сушили её вокруг добычи.

Подходил к концу месяц моего проживания в его доме. Ненароком, как бы просто из любопытства, стал дядя Паша меня расспрашивать о моих дальнейших планах, о жизни в Томске. Что я мог ему ответить тогда? Ведь я сам тогда не имел ни кола, ни двора, был постоянным коман-

дировочным. Зарабатывал, чтобы хоть как-то позднее устроить дальнейшую свою жизнь.

Жизнь на заимке продолжалась. Свободного времени у меня становилось всё меньше, поэтому с Аней мы общались всё реже. Иногда, бывало это в банные дни, когда я возвращался пораньше, оказывались мы, как бы невзначай рядом. Аня всё пыталась мне чем-то помочь, угодить. И каждый раз поблизости оказывался Анин тятя. Потом уж я понял, что появления дяди Паши были не случайны. Он оберегал так нас, молодых юношу и девушку, от возможности сделать неосторожные шаги под влиянием зова природы.

Но как можно было объяснить отцу и дочери, что такие шаги не входили в мои ближайшие планы? По совести я ничего не мог обещать юной девушке, если не имел серьёзных намерений. А просто воспользоваться её добрым отношением ко мне я, тем более, никогда бы себе не позволил. На подлые поступки я не был способен. По моему твёрдому убеждению, вступать в серьёзные отношения, жениться, брать на себя такую ответственность я должен был раз и на всю жизнь. Но в то время я об этом даже не помышлял.

Незадолго до окончания моего отпуска дядя Паша однажды взял нас с Аней на рыбалку. Поздним вечером в деревянной лодке с небольшим неводом мы отправились по реке Чулым. Рыбачили мы на противоположном берегу. Ночь была светлая, звёздная. На реке – гладь, вода, как стеклянная. Дядя Паша рулит в корме, а мы с Аней забрасываем невод из лодки. В каждой тоне по ведру рыбы. За ночь наловили мешок щук, язей, налимов.

А позднее подошёл дядя Паша ко мне и тихо так проговорил:

– Ваня, оставайся жить у нас. Ты же видишь, какое хозяйство мы имеем. Много живности во дворе. Ты будешь заниматься рыбалкой, охотой, сколько душе угодно. Не пропадёшь. Я знаю, где в каких местах недалеко от нашего дома водятся лоси. В округе любой ягоды, сколько душе угодно. Всю жизнь можно жить, как предки наши жили.

Поблагодарил я от души милого этого человека за такое предложение, за сердечную привязанность ко мне. Но обещать напрасно ничего не мог.

Утром следующего дня я прощался с полюбившимися мне хозяевами этого гостеприимного дома. На протяжении всей моей жизни расставания мне давались нелегко. Вот и тогда минуты прощания бередили мне сердце, волновали душу. Дядя Паша обнял меня, прижал к груди и, с трудом сдерживая слёзы, выдавил: «Не забывай нас».

Я уходил от его дома в сторону озера Чердаты. Впереди бежала моя собачка. А я брел за ней и всё думал: не о Томске, не о будущем, не о своей удачной охоте, а о людях, живущих на берегу Чулыма, ставших мне почти родными...

Мулла Ахмед из Чёрной Речки

Через полгода нашу бригаду электромонтажников перевели на работу в деревню Чёрная Речка Томского района. Оставили мы живописный Асиновский район, попрощались с чудесными местами, где жил и творил большой писатель Георгий Марков.

Работа нам предстояла большая. Во многих татарских деревнях мы должны были провести электричество. Наша бригада состояла из трёх человек. Оказавшись в Чёрной Речке, мы первым делом решили найти себе квартиру для проживания на период нашей работы. Зашли в уютный старинный дом. Татарская семья была в сборе: очень пожилой хозяин, его жена и дочка лет двадцати. Хозяин выслушал нашу просьбу и ответил коротко: «На постой возьму одного парня», – и указал на меня. – «А вы, ребята, поищите квартиру в другом месте»

Мои товарищи ушли. Я остался, стал знакомиться с хозяином дома. Он оказался человеком общительным, приветливым. Как выяснилось, исполнилось ему уже восемьдесят два года. Речь мужчины была неторопливой, чувствовалась в нем природная мудрость. Лицо часто озарялось улыбкой, и в этот момент оно как будто светилось. Звали хозяина Ахмедом. Он познакомил меня с членами своей семьи: женой Сарой и дочерью Фаиной, не в меру скромной и умной.

Тут же мы оговорили оплату за моё проживание – тридцать рублей в месяц. Она устроила и меня, и хозяина. Мы сразу же забыли о деньгах, так как были интересны

друг другу. Постоялец в моём лице вызвал оживление в тихой жизни этой милой семьи.

Добрыми были они, по всем признакам это было видно. Сара – хозяйка дома, была приветливой, мягкой по характеру и отличной кулинаркой. С большим искусством она готовила национальные татарские кушанья. Супы, беляши и выпечка готовились постоянно, и русская печь не успевала остывать. Плиточный чай и конфеты всегда были на столе. Впервые в жизни я пробовал блюда по татарским рецептам и оценил особенности национальной кухни. Угощения всегда были щедрыми и обильными.

Относились ко мне в семье старого Ахмеда очень трогательно, заботливо, внимательно. Мы, электромонтажники, очень много работали, а в зимнее время очень промерзали на сибирском морозе, на сквозных ветрах. Приду вечером я с работы усталый, продрогший, а Ахмед мне говорит:

– Ваня, я для тебя баню истопил. Сходи, освежись, сними усталость. Я, – говорит, – не парюсь, а для тебя веник приготовил.

С удовольствием я спешил в жарко натопленную баньку, отогретый уже таким человеческим теплом и заботой. Специально для меня Ахмед топил баню в среду, а для семьи – в пятницу, так что я мог мыться два раза в неделю. Так на протяжении полугода это милое семейство заботилось обо мне, как о родном.

Меня интересовало и умиляло в этих людях всё: как они трудились, как отдыхали, с какой серьёзностью подходили к вопросам питания. А как тонко они шутили! Речь

обитателей этого милого дома была украшена шутками-прибаутками, добрым незлобивым юмором.

Частенько рассказывал мне хозяин о своей молодости. Долгими зимними вечерами старый Ахмед предавался воспоминаниям. Был Ахмед четырнадцатилетним парнем, когда отец отдал его в услужение к богатому человеку из Киреевска. Богач держал молодого работника в строгости и послушании. Тот много и упорно работал, выполнял поручения с любовью и усердием. Молодой человек целыми днями ухаживал за животными: чистил, следил, чтобы они были накормлены и напоены. Хозяин отмечал старание парнишки-татарина, в душе благодарил Господа, что послал такого исполнительного работника. А когда готовились трапезничать, хозяин усаживал Ахмеда поближе к себе. Праздничные и воскресные дни Ахмед проводил по своему усмотрению, одевался в красивую одежду и шикарные хромовые сапоги, что подарил ему хозяин. Спустя год в Киреевск приехал отец Ахмеда повидаться с сыном. Посмотрел родитель на работу Ахмеда, на условия его жизни и остался всем очень доволен. Об одном всё же попросил киреевского богача: «Только не окрестите моего сына, не вовлеките его в свою веру» А хозяин вывел из конюшни жеребца благородных кровей и отдал отцу Ахмеда живую плату за работу. Стоимость этого жеребца была очень высокой, как у новой автомашины-иномарки в наши дни. Это были воспоминания старого Ахмеда о его юных годах.

А сейчас любил седой татарин подолгу сидеть на низенькой лавочке под окном. С ним тут же присаживалась тихая Сара. Так сидели они летними вечерами, молча, смотрели на заходящие солнечные лучи и незаметно вздыхали.

Просветлённые лица их сияли, отливали какой-то чистой белизной. О чём они думали? Торопиться было некуда...

Так было и в дни их национальных торжеств. Просто, ненавязчиво приглашали они меня за праздничное застолье, чтобы и я мог разделить с ними их радость. А после трапезы выходили за ворота и поздравляли своих односельчан, сидя на любимой лавочке.

Летними вечерами мы с Фаем, дочкой старого Ахмеда, часто ходили купаться на реку Томь. Фая плавала плохо, я учил её держаться на воде. Это было смешным, забавным занятием. Вдоволь накупавшись, наигравшись в тёплой летней воде, мы с весёлым смехом и разговорами возвращались домой. У калитки нас ожидал мудрый Ахмед, звал нас угоститься свежесваренным вкусным чаем. Как мне было тепло и уютно в этом доме!

Хозяин дома был глубоко верующим человеком. По своему вероисповеданию он был мусульманином. Мало того, старый Ахмед был муллой. Мечети, где бы верующие могли совершать религиозные обряды, просто не было. Старую мечеть давно закрыли, а построить новую никто бы не позволил. Службы проходили скрыто в конце недели в местной школе. Очень уважали односельчане своего муллу. Шли они к нему за советом, за добрым словом. Всем готов был помочь Ахмед.

Но однажды, вернувшись с работы, я застал всё семейство встревоженным. Старый Ахмед рассказал мне о своей беде только после того, как убедился, что я хорошо поужинал. Он поведал мне, что в татарских селениях есть особая традиция: каждая семья держит на откорм двух лошадей, молодую и старую. Приобрёл лошадок старый

Ахмед и содержал их в своём хозяйстве. Так вот в этот день молодая лошадь была похищена. Поиски ни к чему не привели. Огорчил моих домочадцев не сам факт пропажи. Им нанесён был моральный урон: ведь ничего, кроме добра, население деревни от уважаемого Ахмеда не получало. Но недолго горевали мои хозяева по поводу кражи. Вскоре этот случай был стёрт из их памяти. В милой татарской семье, как и у всего этого народа, не принято было предаваться долгим переживаниям.

Надо сказать, что жители деревни Чёрная Речка очень любили прокатиться в город Томск на своих упряжках, благо, он располагался в семи километрах. Здесь у многих учились дети, получали высшее образование. Вечерами старики-татары, «заседая» на лавочках у своих ворот, часто рассказывали мне об этих поездках, о своих внуках и кровных родственниках, которыми очень гордились. Особенно радовались они богатырской силе своих сыновей и внуков. Рассказывали старики, что была такая забава у татарских парней: бросать двухпудовые гири через забор!

И к учёбе ребята из татарских семей были очень способны. Много выходцев из татарских деревень впоследствии прославили город Томск, принесли ему огромную пользу.

Не остались в стороне жители Чёрной Речки, когда пришла на нашу землю война. Здоровые, полные сил и решимости татарские ребята уходили на фронт. Мало кто вернулся назад. Вечная им память!

А наша работа шла быстро. Мы в короткие сроки электрифицировали несколько татарских деревень. Местные жители от души помогали нам в работе, принимали

посильное участие. Жили татары по своему укладу, по своим обычаям. За время работы в уютных татарских деревнях мы многое узнали из их жизни, с уважением относились ко всему, что местным жителям было дорого. Особенно забавными были их шутки, не обидные, беззлобные, добрые.

Вспоминается интересный случай, который произошёл со мной в одной татарской деревне. Однажды ко мне за помощью обратился старый татарин. Пришёл он ко мне в дом, где я квартировал, и со всей серьёзностью пытался объяснить суть трудного для него дела. Хозяин дома Ахмед находился тут же, за столом, напротив. Человек, которому потребовалась моя помощь, как выяснилось, выполнял в колхозе разовые поручения. В то время, когда у него возникли проблемы, он занимался заполнением табеля своего выхода на работу. Но читать и писать незадачливый колхозник не умел. Было ему не много не мало восемьдесят лет. Подал мне учётчик тетрадь не исписанную, а всю изрисованную. Так на рисунке была изображена телега без лошади, а под телегой лежит человек, нарисованный синим карандашом. Рядом изображён стоящий человек, только нарисован он красным цветом. Дед толкует мне:

– Синим карандашом я нарисовал себя, а красным – бригадира, потому как он имеет принадлежность к коммунистической партии.

Перелистали мы с дедом всю его изрисованную тетрадь.

– Дед, да у тебя тут всё отмечено: в какой день, какую кто работу выполнял!

— Ты, мил человек, и помоги мне записать, сколько я получу трудодней за месяц моей работы.

Разобрались мы с его иероглифами, записали все виды работ, которые он выполнил. Остался доволен дед моей помощью, поблагодарил меня и ушёл.

После его ухода старый Ахмед немного рассказал о своём госте-художнике. Родился и вырос он в Чёрной Речке. Но когда в стране начались смута, перевороты, стали сортировать людей на своих и чужих, тогда был он арестован и осуждён по пятьдесят восьмой статье. В Архангельской области занимался лесоповалом. Родные и земляки уже перестали и думать о нём, да глава нашего государства раскрутил культ личности другого грозного вождя, и вернулся мужик на свою малую родину. Вот теперь глубоким стариком и трудился он в колхозе, зарабатывая себе хлеб. Благодарил Аллаха за то, что многолетним трудом помогал снижению себестоимости лесозаготовительной продукции, так необходимой стране. Ещё благодарил и славил судьбу за то, что остался жив и мог ещё работать. Страна строилась, развивалась, расцветала...

Вот и мы, как могли, работали много, приносили пользу своей стране, электрическим светом освещали деревни одну за другой. Пройдёт ещё много лет, когда на нашу многострадальную Российскую землю прольётся свет Божественной благодати, ровно столько, сколько мы её сможем принять...

Прошло много лет. Уже взрослыми стали мои внуки. Собрался я и съездил в деревню Чёрная Речка. Несмотря на пролетевшие десятилетия, здесь ещё нашлись люди, которые помнили меня и моих товарищей. Побывал я в доме,

в котором квартировал когда-то в молодости. Никого из прежних жильцов не застал.

Мои старые знакомые рассказали мне о своём земляке, мулле Ахмеде. Жил он на этой земле долго. Ушёл из жизни на сто пятом году. Получилось так, что не удалось мне встретиться с муллой Ахмедом в таком его почтенном возрасте. Но как радостно стало в моей душе, когда я узнал, что земляки помнили его и чтили светлую память о нём. Вспомним и мы его, уважаемого человека, муллу Ахмеда из татарской деревни Чёрная Речка, добрым словом. Ведь ещё великий богослов утверждал: «Господь зрит и на людей иной веры».

Житель села Былино

Весна в том году выдалась дружная, тёплая. Раньше времени прилетели предвестники весны, скворцы. В середине апреля с шумом и грохотом вскрылась река Томь и понесла свои быстрые воды в северные края Томской области.

А прошедшая зима была очень суровая. Нашей бригаде электромонтажников приходилось много работать на опорах воздушной линии. Часто проводом мы повреждали себе руки, по ним текла кровь, перевязок мы почти не делали. Были мы молодыми, горячими, беспечно относились к своему здоровью.

Ближе к весне меня начали мучить зубные боли, видимо, в кровь попала инфекция через открытые раны на руках. Боли с каждым днём усиливались, становились нестерпимыми. Дело дошло до того, что я уже с трудом открывал рот. Не мог принимать пищу, с трудом разговаривал. Мои товарищи оценили обстановку и просто заставили меня обратиться к врачам. На машине «Скорая помощь» меня с работы доставили в городскую больницу №1, которая находилась на улице Красноармейской. Сразу же я был направлен в операционную, где хирурги оказали мне необходимую помощь. Стали меня, как и остальных, называть больным. Моё состояние улучшилось, но оказалось не совсем простым, поэтому я стал серьёзно прислушиваться к советам врачей, все назначенные процедуры выполнять безотлагательно.

Через несколько дней пребывание в больнице мне показалось скучнейшим делом, и я стал прогуливаться по этажу, на котором находилась моя палата. Позже я познакомился с хозяйственным персоналом отделения и стал выполнять их несложные поручения.

Однажды в нашу палату привезли мужчину в тяжёлом состоянии. На вид ему было лет пятьдесят. В лесу он сильно наколол ногу. Прошло немало времени, а рана не заживала. Состояние ноги становилось опасным, начиналась гангрена. В разговор с соседями по палате он вступал неохотно. Мужчину так беспокоили боли, что он не мог спать ночами. Больной тихо стонал, пытался изо всех сил терпеть боль, но не мог, и стон переходил в крик. Нам, лежащим с ним рядом, нечем было помочь своему бедняге. Такая удручающая ситуация продолжалась несколько дней. Мужчина стал просить врачей, чтобы ему чаще ставили обезболивающее. Эти просьбы не всегда удовлетворялись. Передвигался наш сосед при помощи костылей.

Как-то раз после перевязки вернулся он из процедурного кабинета в подавленном состоянии. Мужчина лёг на свою кровать, отвернулся к стене, ни с кем не разговаривал, а только временами стонал и тяжелее вздыхал.

Мало-помалу, к вечеру он разговорился. Рассказал наш сосед, что осмотр ноги делал главный хирург больницы Титов и, по выражению бедняги, приговорил его. Слова хирурга резанули душу больного до самой глубины. Ведь нашего соседа, звали его Иван Мандраков, был чистокровным остяком. Вся жизнь остяка начинается на природе и заканчивается там же. Главный хирург, осмотрев его рану, сделал вывод:

– Ногу нужно ампутировать чуть повыше колена. Так спасём твою жизнь.

– Мне такая жизнь ни к чему! Как я буду существовать? – Подумав, он решительно добавил:

– Доберусь до дома, сниму ружьё со стены, и всё будет кончено!

Вот такой разговор, как оказалось, состоялся утром в процедурном кабинете.

Я, как человек впечатлительный, слушал Ивана и верил каждому слову. Тронуло меня несчастье охотника за сердце. Как ему помочь? Что сказать в утешение? Как поступить в этом случае? Как облегчить душевное страдание человека?

После ужина подозвал меня Иван к своей кровати: «Ваня, проводи меня к дежурной медсестре. У неё на столе стоит телефонный аппарат. Я попрошу разрешения позвонить одному человеку. Твоё дело, Ваня, набрать номер телефона, я ведь не умею обращаться с ним. На другом конце провода обязательно услышат меня».

Так мы и сделали. Поздним вечером, когда больница успокоилась, мы с Иваном Мандраковым стояли у телефона.

В переговоры с медсестрой вступил Иван. Она сначала ни за что не соглашалась, но потом вошла в его бедственное положение, сжалилась над ним, сняла с телефона трубку и передала больному. Я набрал названный Иваном номер. Не прошло и минуты, как в телефонной трубке раздался приятный голос молодой женщины. Поприветствовали собеседники друг друга, в их разговоре чувствовалась радость от неожиданного общения. Иван Семёнович от волнения перешёл на свой акцент:

– Да, паря, вот такие дела. Шибко плохие! Буду ли жить?

– Не волнуйся, Иван, успокойся, прежде времени не расстраивайся. Я поняла, где ты находишься. Завтра жди меня. До завтра. Дай нам, Господи, разума и светлого утра!

От всей души поблагодарил Иван меня и медсестру и, немного повеселевший, направился в палату.

– Ты думаешь, наверное, кто эта женщина и почему она так равнодушна к моей судьбе? Знаешь, кто она?

– Нет, конечно! А кто эта женщина?

– Сейчас, Ваня, я расскажу тебе о ней. Женщина, с которой я разговаривал только что, – дочь покойного профессора Савиных!

– Вот это да!

Утром следующего дня к нам в палату вошла женщина лет тридцати пяти. В руках она держала авоську с продуктами. Дочь профессора Савиных и Иван Мандраков поздоровались, по-приятельски обнялись. Они от души были рады друг другу. Было видно, что молодая женщина очень уважительно относилась к своему знакомому, человеку простому, неизвестного рода-племени, но такому милому и бесхитростному.

– Ну, Иван Семёнович, рассказывай, что с тобой случилось, по какой причине ты оказался в больнице? – спросила она, присев на краешек кровати больного.

– Так с охоты шёл. Дорога не шибко лёгкая. Оступился я и попал ногой на крепкий сук валежника. Повредил ногу. Рану перевязал кое-как тем, что под руку попало. Стал добираться помаленьку домой, – немного волнуясь, сообщил старый остяк. – Болела шибко нога. Врач смотрела. Отправила в Томск.

Иван с тревогой и надеждой посмотрел на свою знакомую и со вздохом продолжил:

– Знаешь, если я лишусь ноги, то мне это – приговор! Где рыбалка? Какая охота? Без ноги, какой я охотник!

Выслушала профессорская дочь остяка и, поднимаясь, сказала:

– Ты, Иван Семёнович, успокойся. Я сейчас найду главного хирурга Титова и буду с ним разговаривать о состоянии твоего здоровья. Будем думать вместе, чем тебе помочь.

Перед уходом она вынула из авоськи гостинцы, которые принесла больному: копчёную колбасу, баночки рыбных консервов в масле и томате из язя, щуки, карася. Это была продукция прославленного Александровского рыбного завода. Положив на прикроватную тумбочку продукты, дочка профессора Савиных произнесла:

– Кушай, Иван Семёнович, поправляйся. Папа очень любил эти консервы.

Конечно, Иван Мандраков после ухода своей знакомой повеселел, у него появилась надежда на лучший исход его положения.

На другой день во время профессорского обхода у кровати больного Мандракова главный хирург задержался с остальными врачами надолго. Профессор внимательно изучал историю болезни, приложенные справки и результаты анализов, делал свои выводы: «Итак, больной, духом не падать! Будем Вас лечить, сделаем всё возможное. В память о нашем дорогом профессоре Савиных».

Потом все врачи подошли к моей кровати. Мне было несколько неудобно, что я, молодой парень, лежу, отдыхаю,

не думая о работе. Профессор осмотрел меня, подмигнул весело, погладил по голове и промолвил: «Лежи – поправляйся!».

С тех пор состояние ноги Ивана Семёновича заметно улучшилось. Два дня спустя заходила проведать больного дочь покойного хирурга Савиных и сообщила, что Ивана начали лечить другими лекарствами, которые она раздобыла по своим каналам. С тех пор Иван стал чувствовать себя лучше, повеселел и прогуливался по коридору дольше обычного. Теперь он охотно общался со всеми больными и незаметно для себя стал непринуждённо рассказывать о себе, своей жизни и о том, как познакомился с профессором Савиных.

Профессор Савиных был страстным рыбаком-любителем. Всякий раз, когда была возможность отдохнуть, он выбирался на рыбалку. Толк в этом занятии знаменитый врач имел. Через это увлечение и познакомился профессор с семьёй остяка Ивана Мандракова. Жили они в Кривошеинском районе, в местечке Былино, которое располагалось на одном из больших обских островов. Былино находилось вдали от других населённых пунктов, его отделяла от цивилизации река Обь и старая протока. Весной она была полноводной и быстрой, а летом и осенью плавной и смирной. А остров будто специально был создан как рыбное царство, столько там было озёр, истоков и ручьёв! Вот сюда, забывая важные дела и заботы, от городского шума и каждодневной суеты спешил одарённый талантами человек, светила медицины.

Приезжал профессор Савиных обычно с двумя попутчиками, но тут же забывал про них, стараясь остаться

наедине с природой. Семья Мандраковых делала всё, чтобы гостям было комфортно. Иван указывал профессору лучшие промысловые места, когда была необходимость, предоставлял свою лодку гостю. Иван Мандраков, конечно, не мог знать, каким был профессор на своей работе, а вот за поведением именитого гостя на рыбалке он наблюдал. Знал его привычки, особенности. Так, профессор Савиных не считал обязанным делиться с прибывшим с ним товарищем приманкой для рыбы или крючками, если тот не привёз их с собой, и советовал попутчику всегда самому заботиться о снаряжении на рыбалку, а не надеяться на кого-то. Строго, но справедливо. Основательным был человеком профессор, этого же требовал от других.

Полюбилось рыбаку-любителю это райское место, Былино, кусочек дорогой нам Сибири. Каждый год старался он приезжать сюда, в семью обских аборигенов, простых и трудолюбивых людей, хоть на несколько дней. Время, проведённое на рыбалке, не замечалось, пролетало, как миг, но давало маленькую передышку между напряжёнными буднями прославленного хирурга.

Здоровье Ивана Мандракова пошло на поправку. Всё чаще Иван Семёнович рассказывал мне про свою простую жизнь. Жил он в далёкой глухой Сибири, в самом затаённом её уголке с нетронутой природой. А если оглянуться на весь путь, длиною в жизнь, то увидишь холмы и впадины, взлёты, а чаще, падения. Все жизненные неурядицы происходили не по своей воле, а по причине влияния на него других людей.

Родился Иван Мандраков в урочище Былино. Когда-то давно там родились и жили его родители, родители его

родителей несколько столетий подряд. Жили привычным для многих поколений остяков укладом, занимались охотой и рыболовством. Много сил и здоровья отдал природе древний род Ивана Мандракова. Природу не жалели, а любили всем своим существом.

Но вскоре пришли люди, которые решили научить аборигенов, как надо правильно жить! Случилось это в двадцатых годах двадцатого века. Во всех населённых пунктах, во всей округе началась суетливая, поголовная, не понятная для народа коллективизация. Всё это новое и тревожное называлось «колхоз». В колхоз этот вели кто – корову, кто – лошадь. Со своего двора на общий двор, колхозный. Кто-то выводил из скромного хлева последнюю животину, а кто-то из крепкого хозяйства. Малая доля – малый риск, большая доля – больший. Ходили недобрые слухи от деревни к деревне. Шли разрушительные эксперименты над старым укладом жизни. Приезжали агитаторы, представители, уполномоченные новой власти. Сходы, собрания, разговоры до звона в ушах, а потом – короткие странные распоряжения.

Плохо, беспокойно проходили тревожные ночи, люди спали мало, урывками. В одну из таких ночей, уже под самое утро, в дом отца Ивана Мандракова ввалились представители новой власти и милиция. Без всякого объяснения начали представители власти описывать имущество. Хозяйство Мандраковых было далеко не из последних. Был у хозяина большой дом, добротные надворные постройки. Рабочих лошадей только девять голов.

Всё записывали в тетрадь проверяющие. Пересмотрели всю ловушку, перетрясли всю одежду. Дошли до пе-

реписи живности. Хозяин усадьбы Мандраков категорически отказался вступать в колхоз: «Хочу жить своим трудом в единоличном хозяйстве, а в общее хозяйство вступать не желаю. И не вижу в этом ничего преступного».

Прибывшие милиционеры начали открывать конюшню и выводить одну лошадь за другой.

– Ванюшка, – обратился отец к четырнадцатилетнему младшему сыну. – Когда будут выводить из двора Каурку, стреляй! Тебе по причине малолетства ничего не сделают.

Все члены семьи наблюдали за происходящим во дворе бесчинством из сеней. В старых стенах сеней между досками образовались щели. Все домочадцы прильнули к ним, а Иван в одну из таких щелей вставил ствол ружья и выстрелил! Упал тяжелораненый милиционер.

«Беги!» – крикнул отец мальчишке. Бросил ружьё парнишка и кинулся бежать через огороды, на зады усадьбы, в тайгу.

Тут же арестовали отца. Беглеца не догнали. Убежал он далеко от родного дома. Добрался до одной из деревень Кожевниковского района. В одной семье с крепким хозяйством нашёл Иван приют. Стал он у них жить, помогать по хозяйству. Всем интересующимся хозяева говорили, что на квартире у них проживает дальний родственник. Прошло два тревожных года. Жил с оглядкой Ваня. Да и милиция не дремала, вышла на след беглеца. Суд был суровым. За совершённое преступление молодому охотнику присудили десять лет. Отец его, осуждённый на большой срок, так и не вернулся из мест заключения, а Иван ничего не мог сообщить своим родственникам. Те надеялись и терпеливо ждали. Когда в стране наступило некоторое потепление,

вернулся Иван в свою вотчину уже взрослым мужиком. После многих лет лагерей потомственный охотник и рыбак опять взялся за знакомые с детства промысловые дела: охоту, рыбалку, собирательство. Много лет спустя судьба свела Ивана Семёновича с прославленным хирургом Савиных. Стал потомственный остяк его надёжным товарищем, помощником в его увлечениях. Хорошо знал Иван все привычки профессора, много узнал об этом прекрасном человеке. Вот ведь как переплетаются судьбы, казалось бы, совсем разных людей.

А моё здоровье улучшилось, приближался момент моей выписки из больницы. Стояли тёплые майские деньки. Больные часто выходили на больничный двор, сидели на скамейках в саду. Деревья в саду были покрыты ярко-зелёными новорождёнными листочками. Хорошо дышалось здесь, мы долго засиживались, беседуя на свежем воздухе. Рядом на скамейке оказалась как-то пожилая седая женщина. Здесь я познакомился с ней. Она, оказалось, работала санитаркой со времён войны, когда больница была госпиталем и принимала раненых бойцов с фронта. Всю войну молодая девушка ухаживала за больными, кормила с рук тяжелораненых, бинтовала раны, не поддающиеся описанию, стирала бельё искалеченных воинов.

— Их было несколько, таких больных. Вот только совсем недавно ушёл из жизни последний, без рук, без ног. Посажу его, миленького, на подоконник, а он полулежит, полусидит, глазами смотрит на мир за окном, слушает незатейливое пение птиц. Теперь закрыл он свои очи.

Таких воинов-героев, калек, в народе называли «савоарами». Очень тяжёлое это сравнение! Но такие люди

жили! Тяжело им было. Но ещё труднее было – ухаживать за такими людьми. Изо дня в день санитарки и медсёстры помогали им выживать, подставляли свои руки, проносили их боль через своё сердце. Сколько сделали эти совсем молодые девчонки для Родины-матери! Помнит ли она о них?

Вспоминала старая санитарка, незаметная труженица, душой и сердцем прикипевшая к неизвестным героям войны, посвятившая им всю жизнь. Временами она курила, глубоко вдыхая табачный дым. Нелегко думать о них и о своей судьбе...

Вскоре врачи сообщили мне о выписке. Здоровье моё пришло в норму. Перед уходом я тепло попрощался со всеми больными в палате, подошёл к Ивану Мандракову, обнял его:

– Ты подожди меня, Иван Семёнович, я скоро вернусь с оказией.

Отправился я в ближайший магазин, купил кое-каких продуктов и бутылку благословенного вина «Кагор». Подошёл я к больничному забору со стороны улицы Красноармейской и передал Ивану свой гостинец.

– Прощай, дорогой Иван Семёнович! Будь здоров!

И зашагал по шумной улице, дохнувшей на меня запахом смолы и горячего асфальта.

Дядя Ваня Кашеутов

Однажды дали мне очередной отпуск. Свободного времени оказалось у меня много и, не раздумывая, решил я провести его на Оби недалеко от города. Чем хотел заняться? Конечно же, охотой и рыбалкой. В конце сентября добрался я до села Победа и отыскал своего старого знакомого. Был это дядя Ваня Кашеутов. Познакомился я с ним ещё до моей службы в армии. Дом его стоял в самом центре села, недалеко от реки Обь. И дом, и все надворные постройки были крепкими, добротными, опрятными. По всей территории усадьбы, как и в самом доме ничего лишнего, всё продумано, всё к месту. В конце огорода был выход к реке.

Встреча наша с дядей Ваней была радостной. Мы приветливо разулыбались друг другу, долго жали руки. Прошли в дом. За хозяйским столом я рассказал своему старому знакомому о цели моего приезда. Узнав о моей просьбе пожить у него в доме около месяца, порывачить вдоволь и поохотиться, дядя Ваня очень обрадовался, засуетился, загорелся.

Старик был женат во второй раз. После смерти первой жены спустя несколько лет привёл в дом другую женщину. Она была намного младше своего мужа. Звали её тетей Зоей. Хозяйкой она была очень беспокойной и работающей. Тётя Зоя, это было заметно, очень заботливо, с любовью относилась к своему мужу. Всегда следила за тем, чтобы он был сыт, опрятно одет, работал в меру, не перегружался.

В хозяйстве у моих знакомых была корова и много всякой птицы. Вставали они очень рано. Каждый брался за своё дело, молча, не мешая друг другу. Тётя Зоя хлопотала по хозяйству: кормила кур, гусей, доила корову. Потом шла в дом готовить обед, занималась другими бесчисленными женскими заботами.

У дяди Вани свои дела. На задах огорода была привязана лодка. Лодка была небольшая, видно было, что сделана она была мастером, который знал в этом толк. Каждый год хозяин красил её нежно-голубой краской. Снасти для ловли рыбы были, но в последние годы дядя Ваня оставил рыбалку: ссылаясь на то, что временами стала кружиться голова. Частенько приходил к отцу сын Николай, отъезжал на лодке недалеко от дома, ставил ловушку. Ловилась стерлядь и другая обская рыба.

Поселился я в доме дяди Вани Кашеутова. Каждый день бывал на реке, ставил ловушку. Временами уходил в лес и на озёра поохотиться на дичь и мелкого промыслового зверька. Вечерами хозяева ждали меня с приготовленным вкусным ужином и хорошо протопленной банькой. Я помогал им, чем мог по хозяйству. Так ладно прожили мы вместе весь октябрь до самого конца моего отпуска. За это время мы привыкли друг к другу, стали ближе родственников.

Тётя Зоя всегда была в добром настроении. Она с удовольствием рассказывала мне о себе, о своём детстве и юности. Оказалось, что тётя Зоя родилась в Шегарском районе, в деревне Большие Кулманы, что стояла на берегу могучей реки Обь. И по фамилии она была Кулманакова. В пятидесяти километрах от села Победа издавна проживал

её род, многочисленные родственники. Местное русское население называло их карагазами. Известные в Сибири фамилии: Кульменёвы, Астраханцевы, Тогушаковы, Канавы, Рогожкины и многие-многие другие представляли единый древний род. Сотни лет назад, ещё до прихода в Сибирь русских жили они на этой земле. Представители этой народности были приятной наружности, высокими, выносливыми. С самого детства они были приучены к рыбалке, охоте.

Рядом с карагазами проживали и русские, и сибирские татары, и остяки. В дяде Ване Кашеутове явно просматривалась татарская кровь. Он был родом из старинного села Киреевск. Жители его вели обычную крестьянскую жизнь. Привычным делом для них была охота и рыбалка. Ведь село Киреевск располагалось на живописном правом берегу Оби. Богатые были эти места природными дарами. Некоторые хозяева, совсем не бедные, имели пахотные земли, на которых произрастал табак. Эта культура требовала внимательного ухода, хорошо удобренной земли. Собранный урожай грузили на повозки, снаряжали обозы и отправляли их в Томск. Там сдавали груз на табачную фабрику. Во многих семьях Киреевска это был основной доход.

В Киреевске прошло детство и юность Ивана Кашеутова. Очень любил старик свою малую родину и много мне о ней рассказывал. Много разных историй, связанных с этим селом, хранил он. Доставал их дядя Ваня из запасников своей памяти и тихо передавал мне. Передо мной разворачивались картины непростых минувших лет.

Поведал мне старый охотник о казаках, живущих рядом с другими народностями сибирского края. По своей

натуре были они людьми вольными, отчаянными, упрямыми. Жили по своему сложившемуся укладу. Вели хозяйства крепкие. Всё мирно, размеренно и чинно. Но не всё, как оказалось, было так благостно в жизни казачков. До местного населения доходили слухи, что выходили иногда они на большую дорогу и совершали свои тёмные скрытые дела.

Вот однажды двигался по трактовой дороге обоз, следовавший из Москвы. До Киреевска оставалось чуть меньше двадцати километров. Возчики, предвидя скорый отдых в большом селе, мирно подрёмывали под скрип полозьев. Вдруг из-за поворота вылетела резвая тройка вороных упитанных коней, в которой было два человека! На полном скаку бросили лихие седоки железные крюки на гужи первой обозной лошадки. Во всю мощь раздался такой свист, что замерло всё живое! По заснеженной дороге тройка мчалась быстрее ветра, увлекая за собой живую добычу. Влетели, как коршуны, в село. Попрытались, боясь попасться на глаза лихим людям, местные жители. Промелькнули кони с тяжёлым прицепом по пустой улице, влетели в распахнутые ворота крепкого казачьего дома. Во дворе уже кипела работа. Крепкие мужики подкатывали прочный трап, что тянулся до чердака. По этому трапу ввели под уздцы разгорячённых лошадей. Закрыли широкие ворота, убрали трап. Всё скрыто под железной крышей! Следы от саней и повозки замели метлой. Исчезли все следы! Морды лошадей стянули широкими ремнями так, что не могли они издать ни звука. Вскоре влетела во двор погоня, но ничего не смогли обнаружить горе-обозники. Было такое. Много разных хитроумных разбойничьих

трюков существовало у некоторых жителей этого, обычного с виду, благопристойного села.

Рассказал дядя Ваня и о том, как ещё совсем молодым парнем угодил он в армию Колчака, и, что впоследствии в связи с этим, пришлось ему много пережить. По словам дяди Вани выходило, что многие сибиряки не понимали смысла гражданской войны. Всячески, как только могли, старались избежать вступления в ряды армии Колчака. Иван Кашеутов прекрасно понимал, что когда-то и до него дойдёт очередь быть забритым в солдаты. Можно было угодить к белым, а можно – и к красным. Ни в ту, ни в другую армию ему не хотелось попадать. Парню пришла мысль в голову отправиться в город Новониколаевск к своей тёте, которая была замужем за богатым человеком, фабрикантом, членом законодательного собрания. Может быть, родственники что-нибудь посоветовали бы дельное. Дядюшка-фабрикант радостно встретил молодого человека, тепло обнял его, сказал много приятных слов. А потом стал убеждать Ивана, что сейчас очень важно парню быть в армии, нужно поддерживать белое движение, спасти Отечество. Был дядюшка ярым защитником самодержавия, патриотом. Надежды Ивана на мирную жизнь рушились. С таким ревностным отношением родственника к солдатскому долгу молодого человека миновать армии не представлялось возможным. Замолвить словечко в защиту Ивана было некому. Когда парень пытался в очередной раз призвать дядю к милосердию, тот отметал всякую его попытку и слушать не хотел об уклонении от службы. Иван вынужден был под напором своего патриотически настроенного родственника пойти на призывной пункт. Меди-

цинская комиссия признала молодого человека годным к строевой службе. Через несколько дней город торжественно провожал новобранцев белой армии. На вокзале звучали слова о славе русского оружия, о служении царю и Отечеству, бодро играл духовой оркестр. Тётя и дядя провожали своего племянника. Дядя напутствовал Ивана: «Ты, дорогой племянник, служи честно, не жалея себя, воюй достойно, чтобы грудь твою украшали георгиевские кресты. Ждём тебя назад живым и здоровым!» На прощание дядя крепко обнял солдата и сквозь слёзы произнёс: «Всю оставшуюся жизнь, Ваня, я буду гордиться тобой!».

Раздался протяжный гудок паровоза, и новобранцы зашпешили по перрону к своим вагонам. В Омске их переодели в новую военную форму, и дальше в путь — на передовую. Оружие пообещали выдать по прибытии. Смотрел Иван Кашеутов на лица своих попутчиков и не замечал в них ни радости, ни особой решимости воевать. Во всём поведении молодых солдат чувствовалось недовольство тем, что не по своей воле едут они навстречу боям. Протест против братоубийственной войны рос с каждым оставшимся позади километром. Во время коротких остановок на перронах малых и больших станций молодые солдаты видели встречные поезда с многочисленными ранеными. Настроение солдат угасало с каждой такой встречей.

Солдатская почта донесла, что до передовой остался один перегон. Тревожное безмолвие охватило будущих воинов. Говорить в этот момент совсем не хотелось. И тут на середину вагона вышел поручик-белогвардеец. Он приказал солдатам построиться. То, что произнёс поручик перед строем новобранцев, было как гром среди ясного не-

ба: «Солдаты! Мы приближаемся к передовой. Скоро вам предстоит встретиться лицом к лицу со своими врагами, солдатами Красной армии. Вы вступите в беспощадный бой. У вас и у них есть свои командиры, может быть, даже неплохие. Но зачем вы будете убивать своих братьев? Нет никакого смысла в этом братоубийстве! Не будет правды ни у вас, ни у них! Грех проник во все слои нашего общества, а ведь это – страшная болезнь! Вам нужна эта война? Наше спасение – сложить оружие. Тому, кто согласен отказаться в участии в этом братоубийстве, я предлагаю выйти из строя!»

Наступила страшная минута. Молодые солдаты стояли в оцепенении. Никто не знал, как поступить. В голове у Ивана роились беспорядочные мысли: «Выйду. А офицер меня, как предателя, расстреляет тут же на месте. В лучшем случае, даст приказ арестовать. Значит, ехать на фронт, убивать своих братьев по крови?» Три минуты, данные поручиком на размышление, истекли. «Была – не была!» – подумал Иван и шагнул из строя. Один за другим вышли ещё солдаты. Теперь рядом с офицером стояли пятеро смельчаков. Поручик прошёлся перед строем, достал из кобуры пистолет и, размахивая им в сторону оставшихся солдат, приказал: «Не вздумайте поднимать шум! Мы и вы сделали свой выбор. Вы остаётесь здесь!» На следующей короткой остановке офицер вывел солдат из вагона и повёл их от станции. В привокзальном сквере офицер приказал остановиться и вынул из-за пазухи бинты. Солдаты стали делать себе повязки, будто они были ранены. Преобразившись, также строем во главе с поручиком, двинулись солдаты к вокзалу. По решению дежурного, к кото-

рому обратился офицер, «раненых» посадили в поезд, направляющийся в тыл. Так они благополучно добрались до Новониколаевска.

На вокзале попутчики освободились от бинтов. Поручик всем пожал руки, тепло попрощался с каждым. Теперь у каждого была своя дорога...

Дядя Ваня тяжело вздохнул и промолвил: «Никогда я о поручике больше не слышал. Обязан я ему очень. Может, и живу так долго благодаря ему!».

Встретаться со своими родственниками Иван не намеревался. Ни к чему это. Думал, долго думал молодой парнишка Иван. Трудный выбор ему предстоял в сложной ситуации, в которой оказался не только он, молодой сибиряк, но и вся страна. Всё в жизни пошло не так, как ему думалось.

Это ведь часто бывает в жизни так: думаешь, что получится так, а выходит – обратный результат, не такой, как ты задумывал. Один строил дом – другой живёт в нём, один закладывал храм – другой служит в нём, отцы наши защищали Отечество – а мы живём сейчас на этой земле, которую они защищали. Господи! Вразуми нас, укрепи нас в жизненном пути!

С постоянной опаской, хоронясь от неосторожных встреч, добрался, наконец, парнишка до родного дома. Встретил Ивана отец, выслушал рассказ о его опасных приключениях и решил обратиться к местному леснику. У того сын тоже был в бегах, но никто открыто об этом, конечно, не говорил. Отец договорился с лесником о том, что Ивана спрячут в лесу до поры, до времени. Собрал в дорогу кое-какое пропитание, попрощавшись с родителями, вы-

шел Иван вслед за лесником за околицу. Шли они долго дорогой, известной только старому охотнику. Путь их лежал через глухую тайгу. Долго пробирались они сквозь чащу и оказались, наконец, на краю большого болота. Лесник поднял ружьё и выстрелил вверх. Эхо выстрела прогремело, прокатилось над болотом и замолкло. Спустя время раздался ответный выстрел. Лесник направил Ивана в сторону выстрела, а сам пошёл обратно. Не торопясь, осторожно прокладывая себе дорогу, перебрался наш беглец через топи. На твёрдом берегу встретил его ожидавший человек. Поздоровались, пошли дальше. Вскоре оказались попутчики возле еле заметной землянки. Здесь проживали ещё четверо парней, таких же, как Иван, потерявших в жизни, не имеющих ответа на вопрос, что же происходит в их, некогда прекрасной стране, что за неразбериха, что за путаница? В глухой тайге нашли временное убежище эти молодые, совсем ещё юные ребята, которым было не больше двадцати лет. Они надеялись, что смертельный ураган, который готов был поглотить их, скоро утихнет, и настанет прежняя спокойная жизнь.

Сын лесника время от времени уходил на встречу с отцом, приносил необходимые продукты. Промышляли беглецы в лесу, собирали грибы и ягоду, охотились. Так прошли нудные полгода. Однажды лесник пришёл к землянке сам и сообщил, что белое движение откатилось далеко на восток, опасность миновала, и им можно было возвращаться домой. Обрадованные таким известием молодые ребята попрощались со своей лесной жизнью. Армия, защищавшая старые устои, ушла далеко, растворилась,

как ночь в утреннем тумане. Всё! Теперь можно вздохнуть свободно, строить планы на будущую счастливую жизнь!

Но не тут-то было! Снова открылись призывные пункты, заработали медицинские комиссии. Теперь уже новой власти, которая называлась властью Советов, понадобились молодые защитники. Новая власть тоже жаждала иметь в своих рядах молодое пополнение. А им, растерянным, ничего не видевшим ещё в этой жизни, не оставалось выбора! Новая повестка нашла киреевского парня Ивана Кашеутова. В очередной раз медицинская комиссия признала его годным к службе. Снова попрощался Иван со своими родными и отправился служить новой власти. Опять поезда, перроны, станции. В Омске была длительная остановка. На перроне к Ивану подошёл военный патруль с красными повязками на рукавах. Майор, старший по званию красноармеец, обратился к Ивану с вопросом:

– Ты из Сибири?

– Да.

– Следуй за нами!

Ивану ничего не оставалось, как подчиниться. Патруль направился в центр Омска. Там они подвели Ивана к красивому старинному зданию. Проводили в один из кабинетов. На двери кабинета была надпись «Начальник Омского НКВД». За большим массивным столом кабинета сидел человек в штатском. На стене, позади него, висел большой портрет Дзержинского.

Хозяин кабинета долго смотрел на Ивана своим пронизывающим строгим взглядом, а потом начал беседу:

– Как тетя зовут?

Иван ответил.

– Разговор наш будет очень важным. Советую тебе, солдат, рассказать мне сейчас без утайки всё о себе, с самого рождения, всё, что ты помнишь. Я буду тебя очень внимательно слушать.

Молодой солдатик был, казалось, под гипнозом. Сам и выложил всё о себе. Начальник НКВД иногда задавал ему вопросы, позже оказалось, что он долго служил в военной разведке. Разговор их продолжался до позднего вечера. Последующие десять дней Ивана заставили изучать различные специальные инструкции. Так молодого, растерявшегося, ошавевшего от происходящих событий парня, обязали стать стражем новых порядков, вынудили принять присягу чекиста. И началась служба.

Лишь одно приятное воспоминание было у дяди Вани о своей службе. Но связано оно с уже послевоенными годами. Хранилось у него благодарственное письмо за подписью Михаила Ивановича Калинина, которое очень часто помогало старику в жизни. А дело вышло так. Однажды в карауле постовой Кашеутов не признал в проходящем через пост человеке «всероссийского старосту» и не пропустил его без пропуска на охраняемый объект. Когда всё же разобрались со сложившейся ситуацией, Михаил Иванович отметил Ивана грамотой за проявленную бдительность.

Как-то в самом начале службы столкнулся молодой чекист Кашеутов со странным, очень странным делом. Отправил его начальник ГубЧКа как-то на улицах города наводить порядок. При этом сказал: «Весь город завешен ещё со времён колчаковщины рисунками и листовками. Надо очистить стены домов и столбы от этого мусора». И правда, Иван часто встречал на улицах листки бумаги, на

которых были изображены в хорошей художественной технике рисунки-карикатуры, высмеивающие режим Колчака. К рисункам прилагались едкие подписи, отражающие отрицательное отношение автора рисунков к деятельности белой армии и его предводителю – Колчаку.

Совсем недавно на таких же листочках, развешенных по всему городу, появились карикатуры, опасные для новой власти. Видно было, что и Советскую власть не жалует автор рисунков. Это встревожило начальников города. Автора этих карикатур и нелестных подписей долго искать не пришлось, так как все плакаты имели подпись – Антон Сорокин.

Он был известным в городе человеком. Происходил Антон из семьи местного богача. До революции отец художника был очень известным в округе скупщиком скота, его деятельность охватывала не только сибирские губернии, но Казахстан и Среднюю Азию. Сорокин владел крупной мясоперерабатывающей фабрикой, бесчисленными магазинами, различной недвижимостью, которые приносили его семье немалые доходы. Было у фабриканта три сына. Два старших сына вели свои торговые дела. Дела у них шли отлично. Но вот младший сын вызывал у родителя сильное беспокойство. Торговля и предпринимательство в любом виде не вызывали отклика ни в голове, ни в душе Антона Сорокина. Больше его увлекала живопись и литература. Он сам занимался сочинением разных увлекательных историй, издавался в местной типографии. Только этому посвящал Антон всё своё время.

Незадолго до своей кончины глава семейства Сорокиных оставил завещание, по которому всем братьям по-

лагалось хорошее состояние. Довольными остались старшие братья, а младший повёл себя очень странно: Антон объяснил уже тяжело больному отцу, что считает богатство сильнейшим злом и просил папашу освободить его от полагающейся ему довольно внушительной части наследства. Старик не смог убедить чудаковатого сына в обратном. Уже после смерти отца старшие братья приложили много усилий, призывая младшего прекратить чудить, смешить народ и поступить так, как это делают все нормальные люди. Уговоры не помогли. Вся семья смирилась с этим, затихла.

Антон продолжал писать картины: портреты и пейзажи, сочинял рассказы, но окружающие его люди не спешили приобретать его художества. Его творчество не нашло особого отклика. Антона стали сторониться. Потом его вдруг осенило, и он стал писать проникновенные письма Императору России, главам европейских государств, вождам всевозможных племён. В этих письмах Антон искренне призывал первых лиц государств отказаться от денег, особенно от золота, считая, что они приносят зло в жизнь людей, приводят к войнам и многим бедам. После отказа от денег, считал автор писем, в мире наступит равновесие и благодать.

Свои письма Антон отправил по почте в разные концы мира. Долго ждал он ответов. Никто из глав государств не прореагировал на призыв идеалиста из России. Пришло письмо от сиамского короля, в котором значилось, что за неимением переводчика они вынуждены вернуть письмо адресату.

Позже Антон начал «чудить» над сменой властей уже в революционной России. Но Колчаку, видимо, не хватило

времени разобраться с творчеством художника, а новая Советская власть поступила по отношению к местному чудаку, надо сказать, очень гуманно, приказав сорвать плакаты с компрометирующими рисунками. Антон Сорокин был публично признан умалишённым. Это сохранило ему жизнь.

А для начинающего чекиста Ивана Кашеутова задание, связанное с Антоном Сорокиным оказалось самым безобидным, даже забавным. С остальными несогласными новая власть разбиралась совсем по-другому.

Добрых слов о своей работе старый служака не имел. Вспоминал о годах службы дядя Ваня с тяжёлым вздохом, было видно, что это давалось ему с большой сердечной болью. Ведь, что ни говори, несамостоятелен он был в выборе своей судьбы, делал то, что приказывали под страхом смерти. Молодого необстрелянного человека – да сразу в горнило смертельной борьбы!

По долгу службы обязан был Иван Кашеутов конвоировать арестованных приверженцев старого режима, поступавших в Омскую ГубЧКа с фронта или задержанных в городе. Часто приходилось сопровождать их на допросы к следователям и начальнику. Выполняя такие обязанности, многого насмотрелся Иван Кашеутов. Вспоминал дядя Ваня, как приводил на допрос очередного нарушителя, а сам по излишнему своему любопытству иногда и подсматривал в замочную скважину, чтобы узнать, что происходило в кабинете начальника. Бывало такое, если допрашиваемый был в высоких чинах, начальник мирно беседовал с арестантом, попивая чай, как с приятелем. Потом Иван сопровождал арестованного в камеру, а сам достав-

лял в кабинет начальника ГубЧКа нового арестованного, рангом пониже. И так весь день.

Видел Иван собственными глазами, как накладывались резолюции о расстреле «врагов». После долгих допросов арестованный сопровождался в специальную камеру. Тяжело было молодому конвоиру смотреть на людей, попавших в безвыходную жизненную ситуацию. Для человека, ещё только начинающего жить, не сформировавшегося, жуткое это было дело!

Без молитвы не мог вспоминать те события бывший конвоир! Дядя Ваня надолго умолкал и глубоко погружался в свои воспоминания. Куда от них денешься? Но это была его молодость, его жизнь. Жизнь, из которой ничего не вычеркнуть! Жил, как умел: много трудился, растил и учил детей. Молился, как мог. Не перед человеческим судом теперь держать ответ, а перед Главным Судьёй. Всё в Его справедливых руках...

Наш земляк

Родился, вырос и почти двадцать лет прожил Николай Кобелев в самом центре России, в Липецкой области. Там, в селе Подгорное проживала большая крестьянская семья. Окружённый оравой братьев и сестёр, начал он свою бесхитростную жизнь. С самых малых лет приучен был к физической работе, а иначе и быть не могло. Рано познал парень все стороны деревенской жизни. Во время войны и после неё в деревне жилось особенно трудно. Была тяжёлой работа в колхозе, надо было и в школе не отставать. Мальчишке приходилось взваливать на себя всю ответственность за младших братьев и сестёр, много работать по хозяйству, помогать матери. В те годы взрослеть приходилось быстро.

Успешно окончив школу, решил Николай поступить в сельскохозяйственный техникум. Быстро промелькнули студенческие годы, стал он теперь молодым специалистом, ветеринаром. После окончания техникума получил он направление на работу в далёкий сибирский край. Прибыл молодой специалист на сибирское предприятие в городе Томске, которое называлось «Томлес». Из Томска его распределили в далёкий таёжный посёлок Вертикос, что находился в Каргасокском районе Томской области. На место своей будущей работы из областного центра Николай отправился на катере водным путём. От Томска до Каргаска по реке надо было проехать шестьсот километров.

Сибирская природа потрясла воображение молодого человека. Особенно удивила река Обь, эта главная артерия

Западно-Сибирской низменности. Мощь могучей сибирской реки потрясла Николая. Река несла свои могучие воды, справа и слева всё было покрыто водой: и деревни, и заливные луга. По воде нескончаемым караваном шли и шли гружёные лесом баржи. Река трудилась на благо страны.

В рабочий посёлок Вертикос молодой ветеринар пришел через несколько дней путешествия. Явился в контору леспромхоза, предъявил направление и оформил все положенные документы. Теперь у него было место работы. Сразу же устроился постояльцем на квартиру, в сельском совете оформили его прописку, и стал Николай постоянным жителем сибирского края.

Принял он порученное ему хозяйство. В обязанности молодого ветеринара входило лечение животных, имеющих на содержании в леспромхозе. В основном это были лошади. Ведь они в то время были основной тягловой силой на лесозаготовительных работах. Николай видел, какими невыносимо тяжёлыми были условия труда людей при заготовке леса. Суровый сибирский климат и бездорожье делали работу трудновыполнимой. Тяжело было людям, тяжело и лошадям. Иногда молодому специалисту приходилось прибегать к воспитательным мерам:

– Ты посмотри, мил человек, как ты загрузил животное! Лошадь ведь тоже – живая душа! Совесть-то у тебя есть? Ты нагрузи поменьше, что ж ты кладёшь воз больше нормы!

– Выполнишь больше нормы – денег больше получишь! Это же понимать надо!

– А животное тебе не жаль? К нему тоже надо с лаской и пониманием подходить. Долго ли она протянет после такой работы? Сохранишь лошадь, и сам выгадаешь.

Участков в леспромхозе было много. Часто приходилось выезжать в разные места, чтобы своевременно оказать помощь. Трудности на всех участках были одни и те же. Лекарств для животных не хватало, иногда просто нечем было лечить. За помощью очень часто обращался молодой ветеринар к районному начальству. Был Николай прямолинеен, требователен, но в то же время справедлив. Старался помочь лошадкам, а ненароком помогал и людям добрым словом, дельным советом.

Трудной, полной нехваток и лишений была жизнь простых людей в первое десятилетие после войны. Жители лесозаготовительных посёлков часто обращались к молодому парню, ответственному и справедливому, за помощью. Зачастую к нему было проще обратиться, ведь представители власти были далеко. Николай же со своим умением выполнять работу быстро и качественно, оперативно перебираться с места на место, хорошим отношением к руководству, завоевал уважение у местного населения. Так незаметно для самого себя оказался он в центре всего, что происходило в леспромхозе. В связи со спецификой его работы вскоре он познакомился со всеми, кто работал и проживал рядом.

Часто Николаю приходилось выезжать в дальние урочища, где по берегам рек и речушек проживали местные аборигены. По направлению сельского совета ему приходилось лечить домашний скот хантов и селькупов из самых отдалённых труднодоступных населённых пунктов. Молодой ветеринар познакомился поближе с бытом и укладом жизни коренного населения Нарымского края. Николай помогал им, чем мог. Открытые в общении с добрым че-

ловеком остяки часто приглашали молодого человека на охоту и рыбалку. Особенно полюбил ветеринар рыбачить. Опытные рыбаки делились с ним своими секретами в этом интересном занятии.

Так незаметно пролетели четыре года, которые он должен был отработать после техникума. Они были наполнены работой, постоянными переездами от одной деревни к другой, путешествиями то на лошадях, то на лодке, каждодневными заботами, новыми знакомствами.

В начале 1962 года из Смоленской области в деревню Вертикос приехала по распределению молодая учительница. Она, как и Николай, после окончания педагогического училища должна была отработать несколько лет на селе. Звали девушку Валентина. Познакомились они, приглянулись друг другу. Молодые парень и девушка стали встречаться. Прошло некоторое время, когда они поняли, что их встреча не случайна. По взаимному согласию и Божьему благословению создали они семью. Вот уже более полувека эти люди вместе. Прожили счастливую жизнь. В радости и любви родились их дети.

В трудовой деятельности Николая тоже произошли изменения в том памятном 1962 году. Заметив трудолюбивого и целеустремлённого молодого человека, районное руководство приняло решение принять Николая Кобелева на должность второго секретаря Каргасокского райисполкома. Четыре года проработал он на руководящей должности этого района, познав жизнь северян во всех её сферах. После этого перевели Николая Васильевича в соседний, Парабельский район. Здесь он проработал много лет, возглавлял район. Это были годы непрерывной работы. Вы-

шестоящее начальство не просило, а требовало выполнения и перевыполнения поставленных перед этим промышленным районом планов. Это были годы освоения нефтяных и газовых месторождений. Высокими темпами шло подключение населённых пунктов к современной высоковольтной линии электропередач. Нелёгкими были эти задачи. Вся ответственность за их решение лежала на Николае Васильевиче. Своевременность и точность выполнения всех работ в срок требовали проявления высоких организаторских способностей. Добыча природных богатств шла интенсивно. Это привело к расцвету и развитию района, которым руководил Кобелев Николай Васильевич. Много забот и сердечных переживаний ему доставляло ухудшение состояния окружающей среды. Теперь для руководителя района это стало первоочередной задачей. Имея колоссальный опыт и непреклонный авторитет, Николай Васильевич сумел повлиять на привлечение лучших достижений науки в дело охраны природы на территориях деятельности нефте- и газодобывающих предприятий.

Оглядываясь назад, прекрасно осознаёт наш земляк, сколько прожито и пройдено за эти годы. Молодым парнем приехал он из развитой Центральной России в суровую дремучую Сибирь и остался навсегда. С первых дней включился в работу, не жалея себя. Полюбил липецкий паренёк бесхитростный простой сибирский народ, принял их уклад и быт, навсегда остался очарованным необыкновенной природой Нарымского края. Узнал доверчивую душу сибиряков, на которую достаточно посмотреть внимательно и можно читать её, как раскрытую книгу.

Чем выше поднимался Николай Васильевич по служебной лестнице, тем чаще и глубже приходилось переживать нелёгкие моменты взлётов и падений. Каждый новый служебный поворот открывался ещё большей ответственностью и заботой. Вышестоящее руководство находило этому причины. Несколько раз снимали его с назначенной должности. Но поддерживали простые люди. Доходило до того, что землякам приходилось выходить организовано с требованием восстановления в должности их руководителя. Всё возвращалось на круги своя. Жизнь продолжалась. Чем стабильнее развивался район, тем надёжнее и прочнее становилось положение населения, простых людей.

За плечами годы, наполненные заботой и радостью. Крепко и надёжно пущены корни в сибирском суровом краю. Сердечная теплота Николая Васильевича и понимание им людей возвращаются сторицей. Благодарностью платят ему люди. Жизнь наполнена годами, событиями, людьми. Сожалеть не о чем.

Встреча на улице Октябрьской

Было это ранним летним утром далёкого 1964 года. Я был молод, полон сил. Лёгким и быстрым шагом поднимался я в гору по улице Октябрьской со стороны улицы Обруб. По обочине улицы зелёная не запылённая трава, крепкие раскидистые деревья, кусты сирени с красивыми листьями. Я иду и люблюсь уличными пейзажами. Но особое моё внимание приковано к деревянным двухэтажным домам с изумительной деревянной резьбой. Крыши домов были покрыты мягким кровельным железом, протянутом на одном дореволюционном заводе в Центральной России. Во многих местах крыши не крашены и не помнят, когда их касалась кисточка с краской. Деревянная резьба со временем почернела, потрескалась, сморщилась, местами выкрошилась. Но какое великолепие задумки и исполнения!

Никогда я не был в других странах, не сиживал на берегу моря, не ходил по улицам других городов, но, не умаляя их значения, с лёгкостью в душе скажу, что я очень люблю Томск, единственный мой город! Город древней крепости моих предков, город ямщиков – незаменимых помощников купечества...

Вот и сегодня, по прошествии многих лет жизни, люблюсь я своим городом, столицей Нарымского края, и чувствую нескрываемую радость во всём сердце. С самых молодых лет слышал я лозунги-обещания:

– Освободим подвальные помещения, приспособленные под жильё!

– Сохраним памятники деревянного зодчества!

Деревянные дома со своей завораживающей резьбой исчезают с картин старинного города. Новые кирпичные дома строятся всё больше и больше. Но почему-то стены их, возведённые по современным технологиям, больше похожи на тюремные. Хочется отойти скорее от таких зданий, настолько мрачные мысли они вызывают.

Но вернусь в прошлые дни... Вот иду я по улице Октябрьской, любуюсь окрестностями, размышляю. Спешил я на работу, которую мы с моим товарищем выполняли в школе, которая располагалась на этой улице. Меняли мы электропроводку в старинном здании, которое занимала школа. За спиной у меня был вещмешок, наполненный инструментом. В руке нёс я бухту провода.

Проходил я мимо крепкого деревянного дома. Калитка и забор, обносивший усадьбу по периметру, был окрашен зелёной краской. Щеколда на калитке прекрасной кузнечной работы. И тут передо мной возник хозяин усадьбы. Был он крепкий, коренастый, на первый взгляд лет шестидесяти, с густой тёмной бородой и лицом ярко-розового цвета. Он будто поджидал меня специально. Оглядев меня сверху донизу, мужчина заговорил со мной просто-запросто, как со своим старым знакомым:

– Ну вот, на ловца и зверь бежит!

Меня поразило его умение найти нужные простые слова для первого встречного, понравиться с первой минуты разговора. Но всё же я не готов был так быстро переключиться с моих утренних впечатлений на дела:

– Всё! Закончилось приятное путешествие, – промелькнула в моей голове мысль. – А что Вы хотите?

Мой новый собеседник объяснил мне, что в его доме срочно нужно заменить электропроводку.

– Ну, пойдёмте, посмотрим.

– Меня зовут Николаем Ивановичем. А тебя как же звать-величать?

– Иваном.

Хозяин усадьбы широко распахнул калитку, пустил меня в ограду и зашагал к дому. Я – за ним. Мы шли через ухоженный сад. В доме я внимательно осмотрел предстоящую работу.

– Ну, как, Ваня, справишься?

– Работа привычная. Сделаем, как положено. Но я работаю не один, с бригадиром. Он поджидает меня в школе, мы с ним там меняем проводку. Я оставлю вещи и схожу за Михаилом Ивановичем.

Добравшись до школы и встретив там моего старшего товарища, я рассказал ему про свою утреннюю встречу. Мы обсудили план предстоящей работы. Надо было успеть закончить дела на объекте, но и заказ упускать не хотелось. Разобравшись с ситуацией, поспешили на улицу Октябрьскую, где поджидал нас хозяин дома. Николай Иванович обрадовался нашему скорому возвращению. Он так же легко, как и со мной, вступил в разговор с моим бригадиром. Без лишних слов договорились они об оплате. Она оказалась совсем не маленькой – сорок рублей за всю работу. Но не эта сумма поразила меня тогда, а то, что бригадир обращался к Николаю Ивановичу почтительно – «батюшка».

Шёл 1964 год. В разгаре время развитого социализма, а тут вдруг повеяло чем-то давно ушедшим, неповторимым...

И убранство комнаты, куда мы прошли, было непривычным для моего поколения. В красном углу – небольшой иконостас с тщательно подобранными старинными иконами. Перед образами – не менее древняя зелёная лампада, наполненная маслом. Перед иконостасом лежало открытое Евангелие старинного письма.

Небольшие окна аккуратного дома прикрывались простенькими занавесками. Благочестивая скромная обстановка этого дома, смиренные благонамеренные движения хозяина, его мягкая манера говорить с людьми, внимательно глядя в глаза собеседнику, – всё это вызывало в моей душе какой-то сладкий трепет.

Но надо было начинать работу, и мы взялись за привычное дело с особым старанием. Работа спорилась. Наш новый знакомый суетился тут же, помогал, чем мог, подметал мусор, выносил из дому обрезки старой проводки.

Батюшка и Михаил Иванович, не прекращая работы, предались воспоминаниям: оба, как выяснилось, были участниками войны с фашистами, объединяла их прошлая жизнь. Трудное сиротское детство. Николай Иванович застал ещё и гражданскую войну. Потом – Отечественная война с её ужасами, когда жизнь висела на волоске, измерялась не годами и днями, а часами. Трудно было поверить, что в таких условиях, в громе и огне, можно было уцелеть. Оказалось, что собеседники воевали на соседних фронтах. Так в воспоминаниях бежало время и наша работа.

Николай Иванович ненадолго оставил нас, отправился готовить обед. Тут бригадир заинтересовался:

– А не употребляешь ли ты, Николай Иванович, того... водки?

– Да грешу помаленьку. Ты, Ванюша, вот что... Возьми деньги, сбегай в магазин. Хочешь, на Пески, хочешь – на Обруб. Но на Обруб ближе.

Я взял авоську и зашагал в сторону магазина. Надо сказать, что во времена правления Никиты Сергеевича Хрущёва страна не знала нехватки в употреблении алкоголя. Водка в большом количестве выставлялась на прилавках магазинов и призывно поблёскивала с полок ядовито-зелёным цветом бутылок. Выпить-закусить можно было за каждым углом, за каждым кустом. Не знали мы даже слова такого – «кафе». Чаще слышно было: «Шумел камыш, деревья гнулись...» Милиция следила за порядком, но не мешала такому отдыху. Люди постепенно спивались, распоясывались, не замечали, как природный предохранитель переставал срабатывать.

На Обрубе я зашёл в магазин. Две стены магазина были заставлены алкоголем в стеклянной таре. Это была не водка, это был спирт в пол-литровых бутылках. Бери, сколько хочешь, цена умеренная – пять рублей, восемьдесят семь копеек. Чуть выше стояли трёхлитровые банки, на которых синим цветом было написано «Питьевой спирт». С бутылкой спирта вернулся я к хозяину на улицу Октябрьскую.

Через два часа мы полностью закончили работу. Николай Иванович пригласил нас к столу. На нём не было свободного места. Всё было заставлено снедью: жареная

картошка, копчёная колбаса по одному рублю и сорок копеек, солёные огурцы, грибы, варёные яйца, тихоокеанская селёдка отличного качества. Увидев такое изобилие, мы оживились, засуетились и сели возбуждённые за этот прекрасный стол.

– Ну, батюшка, с продуктами ты не бедствуешь, – откровенно заметил Михаил Иванович.

– Да, слава Богу, прихожане помогают, – ответил тот, открывая бутылку спирта.

Наливая в небольшие рюмки спирт, они чокались, выпивали, хорошо закусывали. Беседа старых фронтовиков потекла нескончаемой рекой. Николай Иванович рассказал нам: «С самого детства я в церкви. Считаю, вся жизнь моя прошла в служении Господу Богу. Был я беспризорником, сиротой. Когда мне исполнилось двенадцать лет, посчастливилось мне – подобрали меня добрые люди из села Спасское (теперь оно называется Коларово). Пригрели меня, помогли оставить и забыть бродячую жизнь жигана. Понемногу стал я прислуживать в церкви: стал пономарём, разжигал кадило, убирал и мыл в алтаре, чистил церковную утварь, приводил в порядок одеяние батюшки и дьякона. Постепенно научился я церковным молитвам, стал понимать значение церковных треб. Вскоре стал прислуживать при таинствах крещения и венчания. Память у меня была славная, грамотой не овладел, а запоминал всё отлично. Так стал я жить при церкви. Благодарен я своим благодетелям за то, что помогли мне. Шли годы...»

Вот так, тихо-мирно сидели мы и слушали слова старого священника. Уютная маленькая кухонька была сейчас, как ветхозаветный Ноев ковчег. Скрывала она нас от

бушевавшей за окном суматохи и спасала души наши от дремучести бездуховной жизни. Воспоминания Николая Ивановича наполнены были и опытом прожитых лет, и устойчивостью убеждений, и душевным теплом, и пониманием чего-то такого, чего не мог вместить разум, затуманенный советской пропагандой.

«Потом началась война. Пришёл я в военкомат добровольцем, – продолжал свой рассказ батюшка. – Во время боёв на Украине попал я в плен. И тут началось! Допросы! Нечеловеческие унижения!»

– Ты коммунист! – кричал молодой белобрысый фашист и пинал из всех сил, норовя попасть в лицо.

– Нет, я не коммунист! Я люблю Бога, люблю свою православную крещённую Россию! Русь, которую спасёт народ в единой молитве к Богу, – стал я креститься, показывая белобрысому, что я – верующий, что я с Богом, во Христе. Наконец, понял меня палач.

– Шнель! Шнель! – и отпустил меня на все четыре стороны.

Вздохнул Николай Иванович и продолжил: «И ты не поверишь, Миша, ведь разрешил Гитлер открыть храмы на территории Украины и Центральной России! Власти вражеской Германии заигрывали с местным населением, старались расположить их к себе, открыли церкви, разрешили вести службы. Делали они это не по доброте душевной. Это была продуманная изуверская политика. А людям было так трудно, что они хватались даже за такую возможность обратиться к Богу, помолиться, просить его помощи. С этого момента моя жизнь изменилась. Священников не было, ведь многие к тому времени прекратили своё слу-

жение под нажимом безбожной власти Советов. В священниках была большая нужда. А кругом горе, смерть, похороны. Стал я и отпевать, и крестить, и другие требы выполнять. А немцы вели себя, как благодетели. Но до поры, до времени...»

Задумался тут старый фронтовик и продолжил с тяжёлым вздохом: «Когда наша армия освободила Украину, подался я в Сибирь. Чуть-чуть подуло холодным ветром Колымы, да пронесло, обошлось, по Божией воле. Вернулся я в Томск. В родной церкви тогда власти устроили колхозный склад для зерна. Сейчас я живу недалеко от Троицкой церкви, служу по старости, в хоре пою».

Головы сидевших за столом собеседников-фронтовиков, украшенные сединой и шрамами, склонялись друг к другу всё ближе. Я чувствовал, что им в это момент совсем не просто, сердца их разрывались, они сдерживали слёзы. Беззвучно плакали они о своей тяжкой жизни, о погибших товарищах.

Вспоминая много раз этот памятный кусочек моей жизни, думалось мне, что хоть и пили мы тогда чистый спирт, но не очищал он души наши, нашу совесть. Много в характере русских людей остаётся непонятным для других народов. Если гуляем – то широко, открыто, нараспашку, до самой глубины обнажая свои чувства; если работаем – то с радостью, до седьмого пота, во всю ширь своего скрытого таланта; если любим – то беззаветно, до самого донышка сердца; если спорим – то рубим правду-матушку сплеча, честно, не сворачивая. Где же понять нас другим, если мы сами себя иногда понять не можем?

Так сидел я рядом со своими бывалыми старшими товарищами, не мешая их разговору. Я – молодой, полный сил. Сердце крепкое – трудно его пронять чужими воспоминаниями! А завтрашние дела торопят: скорее бы закончить эту работу и – к любимой семье (не прошёл ещё и год, как я женился). Моя жена Таня не раз высказывала своё одобрение моей работе с Михаилом Ивановичем. Ведь мой бригадир со своим прямым решительным характером строго следил за состоянием наших доходов и не спускал просчётов со стороны мастеров и бухгалтеров. Решительно боролся он со всякой несправедливостью.

Михаилу Ивановичу тоже не терпелось рассказать о себе, шли из глубины души откровенные слова:

«Войну я встретил восемнадцатилетним парнем. Во время тяжёлых боёв, сидя в танке «Т-34», вспомнил и я о Боге. Не вспомнить Его нельзя было, ведь попал я на Курскую Дугу. Бои шли страшные! Небо сравнивалось с землёй! «Господи, помилуй!» – только и проносилось в голове. Был ранен. Сильно пострадало лицо, уродливые шрамы до сих пор. После госпиталя брал Полтаву. Много красивых орденов получил за ту свинцовую переправу. Но ещё больше похоронил в жирном чернозёме своих боевых товарищей.

Перед нами стояла задача: взять реку Днепр. Кругом пехота, танки, артиллерия, самолёты! Все силы были брошены на этот рубеж. Знали, что многие из нас погибнут, но Днепр всё равно возьмём! Мокрые, наглотавшиеся воды до отрыжки, хоть сотня, хоть десяток, но будем на противоположной стороне! Страшные, перемазанные в липкой чёрной земле, раненые, стояли насмерть, держали пере-

праву! Погибали, а знали, что дойдём когда-то до Берлина, до нашкодившего Адольфа!

– Дядя Миша, а страшно было десятком удерживать переправу?

– Конечно, страшно. Держались до последнего. Спасали себя, спасали Россию!

В Полтаве собрали молодых ребят, восемнадцатилетних, двадцатилетних, около тысячи для обеспечения наступления. Почти все украинские парубки погибли. Голосят в безутешном горе красавицы-украинки:

– Как так? Вы, сибиряки, живы-здоровы, и не первый бой! В такой мясорубке, а живые? Почему?

– Мы воюем, набираемся опыта, а ваши –лоботрясы, и прятались под юбками невест и матерей. Вот вам и результат – почти всех немец перестрелял!

«Так вот было, батюшка! А теперь расскажу я тебе кое-что про себя», – начал Михаил Иванович, а я уже понял, что он будет рассказывать историю, которую слышал я уже много раз.

Было это уже в 1944 году. Дело было в Чехословакии. На фронте наступило некоторое затишье, идёт война, а никто не стреляет. К тому времени я прошагал по фронтам много, за бои имел орден Славы, а на днях командир танковой части, в которой я служил, оформлял документы на второй орден Славы. В это время собрались мы с командиром поохотиться на зайцев. Прекрасно. Отличная погода. С утра высыпал ровный пушистый снег. Виден след любого зверька. Идём с автоматами. Патронов такое количество, что смешно говорить, не меряно. Идём по следам, выслеживаем, сужаем круг. К высоким кустам заходим с

двух сторон. Я стреляю первым. Потом раздаётся очередь командира. Бежим к цели. Командир кричит:

– Я застрелил!

– Как же ты, когда я первым стрелял?

Адъютант благоразумно молчит. Михаил, отстаивая свою правоту, аж покраснел, весь вспотел. Между нами лежал поверженный заяц, такой обезображенный, что мало напоминает этого зверя.

– Ну, ладно, – сдаётся командир. – Закончим этот разговор. Только надолго запомнишь ты этот спор!

«А потом вышло так, – сообщил дядя Миша, – что документы на орден, вроде бы и были, вроде бы и нет!»

Воспоминания могли бы продолжаться. Но было уже совсем темно за окном. Мы засобирались домой. Крепко обнялись бывшие фронтовики, пожали друг другу руки, пожелали всего хорошего.

Через два года я узнал, что Николай Иванович уехал с женой в Казахстан к сыну, который тоже был священником. Так вот однажды свела меня судьба с простым русским человеком необыкновенной судьбы. Иногда память перебирает давно ушедшее, что называется прошлым. Благие мысли уходят в то прошлое, а это означает – молюсь. Дай же, Господи, встретиться нам в блаженной светлой вечности...

Василий Назарыч

В 1966 году я собрал свою семью, упаковал вещи и переехал на новое место жительства – в село Колпашево. Там доживала свои годы моя мама. Вот и решил я перебраться поближе к своему самому дорогому человеку, оставив шумный город Томск. Колпашево – для мамы родное село, здесь проживали её многочисленные родственники.

Жила мама на улице Кольцевой, находившейся в живописном месте. Почва здесь была песчаная, ровная. Широкая и прямая улица просматривалась от начала и до самого аэропорта, в который она упиралась. Особенно красива улица была в солнечную погоду. Бывало, стоишь в начале Кольцевой, украшенной зеленью кустарников и деревьев, а в конце её, с аэропорта взлетают самолёты один за другим. Залюбуешься такими пейзажами! Очень нравилось мне это место.

Мамина избушка – небогатое жильё, «насыпушка». Называлась она так, потому что построена была по чьему-то самодеятельному проекту, очень быстро и дешево: сколочена из досок в два ряда, между которыми насыпаны и плотно утрамбованы древесные опилки. Поставлена избушка была на два ряда брёвен, уложенных прямо на землю. Потолок был утеплён сухой землёй. Крыша устлана толем. С трёх сторон этого скромного домика смотрели на улицу небольшие окошечки. Строение не ахти какое, но вполне устроило и продавца, и покупателя.

Внутри жилья, на полу, лежали продолговатые дорожки, а на табуреточках – тканевые кружочки, связанные

натруженными руками моей мамы из разноцветных лоскутков. Пол и подоконники были покрыты краской. Обстановка в доме очень скромная, но кругом чисто и аккуратно. Вот таким простым было мамино жильё, но согрето оно было домашним уютом, напоминающим детство.

По приезде в Колпашево я сразу же устроился по специальности на тепловую станцию. Могу сказать только самые лучшие слова о моём новом месте работы. Я быстро освоился, всё на работе ладилось. Мы с супругой и двое наших детей временно поселились у мамы. Было тесновато, но жили мы дружно и весело.

Вскоре на тепловой станции мне предложили денежную ссуду на приобретение своего жилья. Так и жилищный вопрос был улажен быстро: мы купили небольшой домик недалеко от маминой избушки.

На противоположной стороне улицы от маминого домика был расположен сельский парк. Вековые кедры росли в этом парке. В центре его находилась крытая площадка, выполненная из строевого пиломатериала. Летними вечерами здесь звучала музыка, проходили концерты самодеятельности, устраивались танцы под пластинки. Многочисленные молодые пары и люди постарше танцевали милые сердцу, очень скромные танцы. В разных местах, на свободных зелёных лужайках располагались пришедшие односельчане с детьми. На траве расстилали скатерти, расставляли снесь. Так проводили свободное время колпашевцы в сельском парке. Тёплые летние вечера, чистый воздух и хорошая музыка делали парк любимым местом их отдыха.

В это время в Колпашеве совсем не строили кирпичных зданий. Улицы села были умощены деревянными просмолёнными чурками. Колпашево, конечно же, отличалось от города Томска. Но, как и в городе, я узнал много разных людей, которые всегда вызывали у меня живой интерес.

Середина шестидесятых – это время, когда доживали ещё свой век люди уходящей эпохи. Иногда, но всё реже встречались в Колпашеве элементы чалдонского уклада жизни. Но всё чаще встречались люди с несерьёзным, беспечным отношением ко всему: к работе, быту, людям.

Знавал я человека, излишне употреблявшего горячительные напитки, но очень опытного рыбака и охотника. Тяга к выпивке была у него сильная, неуправляемая. Приспособился он выпрашивать деньги в счёт будущей добычи. Обращался выпивоха чаще всего к своим постоянным покупателям рыбы. Стоит он перед пожилой женщиной, Серафимой Андреевной, с трясущимися руками, в помятой шапке и замызганной, неопрятной телогрейке и клянчит:

– Извини меня, Андреевна, я тебя когда-нибудь подводил? Ты уважь, не дай пропасть! Вот похмелюсь, поправлю здоровье – и всё.

Не давая женщине открыть рта, лепечет, не останавливаясь:

– Ведь я никогда не бросался словами. Я же помню, Андреевна, что ты просила поймать осетра к Новому году, килограммов на двадцать.

– Жду от тебя осетра, смотри, не забудь! Ладно, дам тебе снова в долг на пол-литра, учитываю и старый долг.

– Дорогая ты моя, Серафима Андреевна, золотая ты женщина! Поправлюсь, и через несколько дней будет тебе осётр, за мной не заржавеет!

– Да уж, не забудь, Семён Аверьяныч!

Судьба, как всегда, подарила мне немало встреч с интересными людьми. Вспоминается мне апрельское солнечное утро. Под моими ногами похрустывал чистейший снег. Я шёл к дому мамы, хотел навестить её, справиться о здоровье. Во дворе я увидел только что привезённые берёзовые дрова. Они, совсем недавно нарезанные на чурки, издавали приятный неповторимый запах свежеспиленных деревьев.

– Вот хорошо, – подумал я. – Принесу воды и примусь за работу.

Возвращаясь от ближайшей водонапорной башни с полными вёдрами воды, висящими на коромысле, я увидел в мамином дворе мужчину. Он ловко орудовал топором, раскалывая берёзовые чурки на мелкие поленья. Топор, занесённый над головой, весело звенел в воздухе и опускался на чурку в точно намеченное место. Я тоже взял топор и поспешил на помощь работнику. Поздоровавшись с ним, я принялся за работу. Дрова с треском отлетали от топора и падали в кучу.

Не мной замечено, что, когда в человеке с детства заложено трудолюбие, всякая работа у него спорится радостно, сноровисто, с любовью. Через некоторое время я уже сбросил с себя телогрейку и повесил её на частокол. Лицо моё покраснело, покрылось потом от работы, от одежды на морозе валил густой пар. Апрельское солнце, мягкое, белое стояло высоко над горизонтом, ласково раз-

брасывая тепло по округе. Оно грело лицо и руки. А под ногами образовалась мокроть от подтаявшего снега.

Сначала мы работали молча, присматривались друг к другу. Потом, во время краткой, передышки я решил познакомиться с работавшим рядом мужчиной. Он назвался Василием Назарычем. Два топора застучали дружнее. Куча из чурок уменьшалась быстро. Во второй половине дня мы справились с нашей работой. На крыльцо вышла мама и пригласила нас отобедать.

Мама хлопотала у стола, а Василий Назарыч сел у натопленной печки и закурил. Вся комната была залита естественным солнечным светом. Я присел на краешек кровати и стал рассматривать висевшую на стене картину. Заметив мой интерес к картине, мама рассказала:

– Появилась она у меня недавно. Как-то утром ко мне в дверь постучали. На пороге стоял незнакомый мужчина. Вид его был неприглядный. По лицу его было заметно, что прикладывался незнакомец часто к рюмке. Продал он мне за бутылку эту картину.

На этой картине, на простой фанерке, масляными красками был изображён тихий прибрежный уголок на спокойном повороте реки. Вдали виднелась удаляющаяся деревянная лодка. На берегу речки стоял небольшой дом с двухскатной крышей. Слева крыша покрыта железом, справа – толем. Одна половина дома обшита тёсом и выкрашена краской, другая – просто побелена. Часть виднеющейся на картине дороги огорожена металлическими трубами, соединёнными электросваркой. Простенький пейзаж, а сколько сразу мыслей! В общем-то, неизвестный художник отразил в своём наивном пейзаже то, что соответ-

ствовало нашему сегодняшнему дню. Работа выполнена, а как – не важно...

Пока я рассматривал картину, мама накрыла на стол. Она поставила перед нами сковороду с жареной картошкой. Рядом – солёные огурчики. На большой тарелке аппетитно смотрелась нарезанная большими кусками тихоокеанская селёдка. В чашке были наложены горкой солёные грузди, пахнущие пряностями. Посредине стола стояла бутылка «Столичной» с прозрачной жидкостью. Мы уселись вокруг стола и приступили к трапезе. За удачно выполненную работу, не спеша, подняли наполненные стопки, без лишних слов выпили. Закусили хрустящими огурцами. Пища заметно убывала. Хорошо потрудившись, мы, работники, ели с большим аппетитом. Мама, хоть всегда и говорила мало, на правах хозяйки начала разговор первой:

– Да! Вот она – жизнь: как будто совсем недавно началась, а уж проходит. Болезни совсем одолевают, и ноги не хотят спешить. Взгляд не ввысь устремлён, а всё больше вниз. Мысли бегут одна за другой. Не о сегодняшнем думаешь, а о прошлом, о вчерашнем. Сокрушаешься лишь об одном, что слишком быстро промчались годы! Как один миг! Часы времени не остановишь! Как будто сходил за околицу в добрый час, а весь этот путь уложился в целую жизнь! Вот так летит время.

Потом мама обратилась к гостю:

– Василий Назарович, давненько я с тобой знакома, сколько времени прошло. Ты ведь вдовый?

Назарыч кивнул головой.

– А больше о тебе ничего и не знаю. Ты выпей-ка за здоровье ещё стопочку, да Расскажи нам о себе. Вижу, что

ты не из наших, не из чалдонских. Говори, не опасаясь, здесь непроверенных нет.

После этих слов дед Василий выпил, закусил солёным груздем, обтёр красиво подстриженные усы, придающие ему солидность. В усах мелькнула скрытая улыбка.

– Да и я тебя знаю, Мария Матвеевна, не первый день. Ценю за то, что умеешь молчать. Кое-что расскажу вам, может, не так складно. Покинул я свою родину совсем молодым, не успел ещё тогда создать семью, да и поцеловался к тому времени всего раз. Часто мне приходило на ум – в чём такая наша вина, что должны мы расплачиваться за неё, не много не мало, а ценой всей жизни? Я понимаю так: нарушил законы Божии – ответишь перед Господом Богом, нравственно упал – ответ перед совестью, перед внутренним колоколом, провинился перед государством – отвечай перед его законом.

А род наш был из казаков. Крепкая отметина осталась в роду от Емели Пугачёва. Вы по книгам знаете, какое было при нём грозное восстание, бушевала вся Россия. Крови было пролито, как от надавленных комаров! И чем восстание закончилось, вы тоже знаете. Великая смута была безжалостно подавлена Императрицей Российской, Екатериной. Много разбойничьих дел натворил Емельян Пугачёв, досыта наглотался крови, перешёл черту, пренебрёг всяческими казачьими правилами и устоями. После подавления восстания тысячи и тысячи корабельных сосен пошло на виселицы для соратников Емельяна.

Лишь небольшая группа участников разгула казацкой вольницы избежала кровавого наказания. Невыносимыми условиями жизни и труда облагались помилованные Госу-

дарыней Российской. Было особенно трудно нести каторжную повинность на заводах Демидова, в карьерах по добыче серебряных, железных и свинцовых руд.

Огромное количество помилованных казаков было определено на поселение в местечко Колывань, что в предгорьях Алтая. Казакам предписано было жить вольно и гонять ямщину – гужевым транспортом возить почту, переваливать различные грузы от Урала до Тихого океана. Эта государственная повинность должна была выполняться неукоснительно. Тогда железной дороги на восток не было. На всём длинном пути появлялись «ямы», почтовые станции с добротными постоялыми дворами. Со временем здесь выросли большие и малые казацкие станицы, большие административные центры. Через многочисленные реки и речки построены были их руками мосты и переправы. Почтовая связь была налажена так, что работала без перебоя. Казаки, выполняя указ Государыни-императрицы, со всем прилежанием и честью несли охранную службу в Сибири. Неотступно и бережно охраняли они и свои казацкие традиции, очень много и честно трудились.

Неуёмная казацкая удаль бушевала через край, выходила на просторы Сибири. Заниматься ямщиной оказалось недостаточно, казаки отвоёвывали у тайги новые территории, осваивали новые хозяйственные дела. Так в предгорьях Алтая возникли карьеры по добыче строительного камня.

Сюда по прошествии некоторого времени стали приезжать из столицы разведывательные экспедиции, прекрасно оснащённые и возглавляемые учёными специалистами каменных дел. А колыванские самоучки, одарённые

талантами, научились мастерить изделия из камня удивительной красоты. Они поражали воображение самых взыскательных ценителей красоты своей изящной резьбой и неповторимым сочетанием цветов. О мастерстве колыванских умельцев вскоре узнали и в Москве, и в Петербурге. Самые богатые люди Российского государства желали приобрести изделия мастеров в собственность. На всевозможных выставках, устраиваемых в столицах Франции, Германии, Италии, отмечены были работы мастеров Колывани высокими наградами.

Разработка горных карьеров, ремёсла мирового уровня, добыча редких металлов давали казакам большие доходы. Быстро богатели их роды. Местечко Колывань, несмотря на удалённость, становилось известным далеко за пределами Сибири. Словом, казачество удалялось от прошедшей разбойничьей смуты, уверенно и бесповоротно шло в гору.

Со временем казаки тесно переплелись с коренным сибирским народом, и в новых поколениях стал проявляться необычный сплав лучших человеческих качеств. Отсюда, из этих обжитых казаками мест, выходили свои учёные, мастера горного дела, строители городов и мостов. Но потом случилось то, что случилось. Необъяснимая волна чьего-то гнева охватила поселения этих свободлюбивых людей, вовлекла в водоворот очередной смуты. Волнения прокатились по станицам. Казаки не приняли новую «красную» власть, стали выражать своё недовольство и перешли в открытое противостояние. С переменным успехом казаки и красные стреляли друг в друга, занимали и теряли боевые позиции. Вскоре колыванское восстание

было яростно подавлено. Значительная часть казаков была расстреляна, оставшиеся в живых пошли по этапу.

Поднял Василий Назарович свою голову и сквозь слёзы произнёс:

– В 1919 году я попал в третью по счёту высылку из нашей станицы. После проведённых допросов построили нас, повязанных по рукам, вдоль длинного забора. Напротив пулемёты. Много их смотрело нам в глаза! Некоторые арестованные лишились чувств. Восемьдесят два человека остались лежать у этого забора на красном парном снегу! Я тоже упал. Через минуту пришёл в себя, понял, что жив и даже не ранен. Конвойные не стали меня добивать, пронесли. Шел мне девятнадцатый год.

Отправили меня в ссылку в Чаинский район. Спустя год, перевели на новое место, что на реке Кеть. От смены места высылки жизнь моя лучше не стала. Нечеловеческие условия проживания. Тяжёлая работа. Зимой и летом шла заготовка хвойного строевого леса. Зимой лес возили, стаскивали к берегам рек, складировали штабелями. Весной и летом по большой воде при полчищах таёжного гнуса сталкивали лес в реки, и плыли брёвна в Обь. Произведённая продукция шла на пользу государства. Не всегда лес успевали сплавлять, и он оставался лежать на берегу в штабелях, сгнивал, смешивался с землёй, образуя однородную массу. Проходило время, место это зарастало шубой мха, вырастал новый лес. Только знающие люди могли сказать, что здесь было много лет назад.

А сколько могил вырастало на каждом участке! Высокие речные яры под действием воды обрушивались, вскрывая места захоронений. Время и недогляд сделали

своё дело – не найдёшь ни креста, ни бугорка! Да-а-а! Сколько поумирало их у меня на руках, – говорил дед Василий, растягивая каждое слово. – Из последних сил дотянется горемыка до нательного крестика перед последним вздохом, коснётся губами, и поймёшь по движению губ едва заметное: «Прости меня, Господи!».

Разорили красные власти зажиточные казацкие станицы, поубивали всех крепких хозяев. На Урале казнили последнего царя России. И закрутило, завертело миллионы российских мужиков в горниле гражданской войны, вцепились они мёртвой хваткой и начали рвать друг друга! Нет у меня ответа на один только вопрос: ну, пусть мужик с сохой не мог предотвратить этого бедствия, а что же аристократия? Она должна была понимать, что ни саблями, ни пулями вопросы не решаются. Гражданская война забрала, уничтожила лучших наших братьев, немеряно разбросала по всему свету. Большой грех был допущен нашими предками!

Всякими правдами-неправдами старался я, Мария Матвеевна, избежать горькой своей участи каторжанина. Наконец, при содействии добрых людей был постепенно переведён в Колпашево. Здесь устроился на работу конюхом. Лошадей я люблю с детства. Работаю. Получаю небольшую пенсию. Теперь надеюсь, что с прозвищем «враг народа» доживаю последнее время, скоро судимость с меня должны снять, реабилитировать.

Затянулся наш разговор до позднего вечера. Старик Василий Назарыч попрощался с нами, как с родными, и ушёл восвояси. А я всю жизнь помнил рассказ о его горькой жизни.

Климовы

Жизнь не бывает без передрыг и огорчений. В ней не всё так ровно, как на асфальтированной дороге. Начинается она, зачастую, гладко, с тихого хода. Но потом, по мере разбега, встречаются всё чаще непредвиденные спуски, подъёмы, повороты, а иногда, и падения. В жизни от этого не спрятаться – нужно готовить себя к любым обстоятельствам. Не надо пасовать перед трудностями, нужно научиться упорно и последовательно пережить всё, что встречается на твоём пути. При этом не нужно забывать о том нравственном начале, которое в твоё сердце вложили твои родители. И каждый уголок души нужно подчищать, облагораживать. Случится вдруг опасность с твоим ближним – бросайся на выручку, рискуй, ни о чём не раздумывая. Спасёшь жизнь другого – спасёшь честь свою, с которой ты вышел в юности из дверей отцовского дома. Не опасайся много трудиться, неси своё трудолюбие через всю свою жизнь, умножай свои таланты, данные Богом...

Было это давно, в семидесятых годах двадцатого столетия. К тому времени закончил я полный курс обучения в Томском электромеханическом техникуме и получил специальность техника-электрика. Обучение в сочетании с работой давалось мне нелегко. К тому же у нас с женой были маленькие дети. Получив диплом, я испытал чувство удовлетворения. Ведь я выполнил завет, который я получил от стариков, рождённых в XIX веке.

Когда мне вручали диплом, вспомнилась мне такая картина из моего детства. Сидят глубокие деды в светлой

горнице и ведут непустую беседу. Окутанный морозом деревенский дом был хорошо освещён весенним светом, который заливал просторную горницу. Издревле в российской глубинке самую светлую, опрятно обставленную комнату с начищенными образами в красном углу, называли горницей, имея ввиду Горнее место в Обители Царствия. Всякие важные совещательные беседы обязательно вели в ней. Послушать бы ещё эту журчащую речь, узнать ещё хоть одно мудрое словечко дай, Господи! Теперь уж – не судьба...

А мы, ребяташки, которым по пять-семь лет, затеяли интересную игру с самодельными игрушками. Здоровье наше хорошее, стало быть, и слух в порядке, всё слышим:

– Человек со специальностью – это очень большое дело!

– И хороший понимающий рыбак с опытом, и умный кровельщик, да, любой человек, обладающий ремеслом, много значит для общества.

– Большая ему цена! Много он значит и для своей семьи. Одним словом, большой специалист – это настоящий человек!

И вот теперь, получив нужную мне специальность, я бы мог сказать тем старикам, что я теперь – стоящий человек, специалист в своём деле.

Работа моя мне нравилась. Она давала мне возможность узнавать новые места, знакомиться с новыми людьми. Однажды, проживая ещё в Томске, повстречался я с одним очень интересным человеком. Был он красив, высок, строен, имел замечательную выправку. Голову мужчина всегда держал высоко. Лицо его выдавало внутрен-

ную интеллигентность. Знакомств он не заводил, ненужных малозначительных разговоров не вёл. Но между нами отношения завязались приятельские. Разговоры наши были доверительными. С каждой новой встречей я узнавал о моём новом знакомом всё больше. Звали его Николай Климов. Было ему около сорока лет. Родом Николай был из Москвы, а предки его происходили из Архангельской губернии.

Населяли эту губернию задубевшие на солёных ветрах поморы, настоящие промысловики: рыбаки и охотники. Потомки мужиков, вышедших много веков назад из самых недр Руси, жители этих морских берегов Заполярья освоили самые опасные и мужественные промыслы. Они отлично овладели мастерством кораблевождения, особыми приёмами плотницкого искусства. Упорно, с российским размахом, со знанием дела, трудились поморы над строительством городов и сёл. В деле заготовки пушнины, рыбы, мяса на просторах Ледовитого океана им не было равных. Часто совершали они рискованные путешествия на острова, находящиеся в водах холодных морей. Отлично знали поморские рыбаки и на деле применяли знания о небесных светилах. Тянуло их и к наукам, и к искусству, и к ремеслу.

В далёком прошлом прадед Николая, Семён Климов, решил отправиться в Санкт-Петербург санным путём и взял с собой своего сына Даниила. Замечательным, стоящим ремеслом владел раб Божий Семён. Из мелкого металла серебра и золота мастерил он искусные изделия. В столице при помощи своих земляков был сведён Семён с важными придворными персонами. Земляки Семёна замолвили перед вельможами словечко о нём, как о прекрасном мастере. В

Зимнем дворце была создана специальная комиссия, которая устроила испытание поморскому ремесленнику Климову. Семён показал, на что он способен, и было принято решение включить талантливого архангельского самоучку и его сына в состав группы мастеров по отделке царского дворца золотом. Работа при Зимнем дворце продолжалась несколько лет. Для мастеров были созданы прекрасные условия, они получали твёрдое жалование.

При исполнении работ Климовы показали себя талантливыми, умелыми, трудолюбивыми. По окончании работ, выполненных с отменным качеством, отец и сын Климовы были удостоены немалым денежным вознаграждением в золоте. К тому ещё получил Семён Климов в подарок большой земельный надел с поместьем в одной из Российских губерний, что на Волге. Было это в середине 1917 года. Деньги Климовы перевели в банк. Землю оформили в собственность и стали осваивать новое место проживания. Успели немного осмотреться, как всё вокруг закружило в огненном вихре революции!

Глава семейства, Семён Климов, упорно держался за землю, нежданно-негаданно свалившуюся на его голову. Всё думал, как бы хоть краешком уцепиться, развернуться в большом деле. Стать Семёну настоящим хозяином не дала новая непонятная жизнь. Мчалась она на него на полудиких конях с развевающимися гривами, с тачанками и пулемётами, с красными флагами. Лились из открытых глоток ораторов сладкие речи. И чем слаще были речи, тем яростнее надвигалась на Климова новая неугомонная власть, не дала, не позволила она встать крепко на ноги новому законному хозяину куска земли. Прокатилась она всей

своей безжалостно-кровавой колесницей по дарёной земле и скрылась за околицей.

Недолго думая, не измываясь над собственной душой размышлениями, решил Семён отдать новой власти весь свой земельный надел. А сам на общем собрании села согласился стать председателем колхоза имени Якова Свердлова. Со всей серьёзностью и присущим от природы трудолюбием взялся он за строительство новой жизни, за «строительство коммунизма в отдельно взятой стране». А по ночам, глотая скупые слёзы, пытался расшифровать лозунг «Всем – поровну!».

Своего сына, Даниила, Семён Климов не стал увязывать колхозной жизнью, а выделил из припрятанных сбережений немного и отправил в Москву. В столице Даниил, проявив упорство, устроился на один из крупных заводов. Вскоре он женился. Жена его оказалась хозяйкой стоящей, разумной, с дворянскими корнями. Жили они дружно. Вскоре родился смугловатый Коля.

Деду Семёну, председателю колхоза имени Свердлова стало трудно управляться с колхозным хозяйством, часто пошаливали нервы, нередко приступами подступала такая головная боль, будто гвозди в виски забивали. Душа выговаривала: «Ну, зачем тебе эта забота, мнимое имущество, коллективное, ничейное хозяйство? Сдай колхоз! Уезжай к просоленным в морской воде поморам. Люди свои и погост свой! Утешишься телом, и душа отдохнёт».

Так старик и делал. Уйдёт с председательства, три-четыре месяца отдохнёт – вызывают из райкома: «Принимай, Семён, свой колхоз!» На его возражения ему исподволь намекали о работе на царя и о его щедрых подарках.

Всё понимал и принимал старик Климов: «Ладно уж, если этапом на Колыму, так ведь не дойти уже до неё!». И снова брался за своё коллективное хозяйство.

Но вскоре началась война. Ушёл воевать Семён Климов добровольцем. Не щадил себя, в атаку поднимался одним из первых: «Пусть я погибну, кто-нибудь другой дойдёт до Берлина!» Так и вышло. Не дошёл солдат Семён Климов до фашистского логова. К концу войны была у него вся грудь в орденах и медалях, а немецкий пулемёт по этой груди – десятью пулями навывлет! Пролетавший соловей и свистнуть не успел бы, а только бы подумал.

Вечная тебе память, герой! Как ты работал, так и воевал, Семён Климов!

Сын его, Даниил, ушёл на фронт, чтобы внести свою долю в дело Великой Победы. Засыпанный землёй от разрыва снаряда, он, контуженный, в беспамятстве шептал: «Господи, помилуй, сохрани! Только Ты это можешь!» Открыл глаза, а над ним усталое морщинистое лицо профессора-хирурга. Вернулся Даниил домой, в Москву не на двух, а на трёх ногах. Тихо, роняя невидимые слёзы, плакала душа. Низко, до самой земли, покрытой старинной брусчаткой, поклонился старой, седой, уставшей от времени кремлёвской стене. «Простите нас все, оставшиеся на поле битвы! Вы полегли в смертельной схватке с врагом, чтобы дети наши жили на своей земле».

По всей стране от края до края зашумели мирные производственные стройки. Дети войны, однорукие, одноногие, отважные её герои, поднимали из руин огромную покалеченную страну. Строились новые мощные электростанции, заводы и железные дороги. Крепло сель-

ское хозяйство. Из лагерей возвращались политические заключённые. Некем стало пополнять эти застенки, страшная фраза «враг народа» постепенно стало исчезать из обихода мирных людей. Росло новое поколение российского народа.

Это поколение россиян было таким же трудолюбивым, как и предыдущие поколения. Оно хотело жить благополучно, безбедно, на правах принадлежности к самой богатой стране планеты. Народ России никогда не ставил перед собой цель накопительства, обогащения. Благодаря только своему исключительному старанию и долготерпению, хотел он жить в достатке.

Мои соотечественники, перенесшие столько горя и страданий, надеялись на улучшение своей жизни. Какая-то часть населения современной России и сейчас живёт с надеждой на лучшие времена, другая же его часть накинула маску равнодушия и живёт в своей стране, как на съёмной квартире...

Сын Даниила Климова, Николай, с которым мне повезло познакомиться, получил хорошее образование в столице, стал художником. Потомок талантливых и трудолюбивых людей, он не хотел оставаться в стороне от новой кипучей жизни. Вся его судьба была связана с новыми комсомольскими стройками, неосвоенными пока месторождениями полезных ископаемых, так нужных возрождающейся стране. За его плечами сотни дорог по разным её уголкам: Средней Азии, Сибири, Дальнему Востоку.

Николай Климов, как художник, разъезжал по стране и разыскивал героев своих картин. Портреты и пейзажи его отражали кипучую жизнь, были правдивы и независимы.

Он был счастлив, богат друзьями и свободой в выражении своих взглядов на окружающую его действительность, на мир. Внук и сын талантливых мастеров-самоучек получил, наконец, то, чего не дождались его дед и отец – свободы. Свободы жить и творить...

Илларион

Шёл последний год пребывания на посту главы государства Никиты Сергеевича Хрущёва. Нелёгким для народа было это время. Многочисленные указы и нелепые законы создавали для населения страны значительные трудности, неудобства для работы и жизни. В то же время это были годы больших рывков в промышленности и строительстве. Руководство старалось раскатать страну от дремучести, придать ей динамику развития, показать всему миру преимущества развитого социализма, заткнуть за пояс капиталистическую Америку.

В Красноярском крае, на Ангаре, шло активное строительство самой мощной в стране Братской гидроэлектростанции. Для строителей станции были созданы отличные бытовые условия. Они жили в благоустроенном общежитии. В комнатах для проживания строителей всегда было тепло, здесь и в душевых была горячая вода, так как рядом имелаась своя котельная. После смены, зимними вечерами, молодые рабочие отдыхали, собирались небольшими компаниями, вели интересные разговоры, пели песни под гитару, читали стихи современных поэтов.

В один из таких вечеров кто-то из компании предложил спуститься в котельную. Все охотно согласились, видно было, что такие посещения были привычными. Захватив с собой немного водки и угощения, ребята спустились в расположенное во дворе помещение котельной, которое оказалось непривычно чистым и аккуратно убраным.

Здесь их, как старых приятелей, встретил пожилой кочегар по имени Илларион. Он в это время ловко орудовал большой металлической клюкой в пылающей жарким огнём печи. Вокруг царили чистота и порядок. В помещении, приспособленном Илларионом для проживания, было душевое отделение. В углу вдоль стены был устроен топчан для отдыха. Небольшой столик для приёма пищи был застелен клеёнкой.

Гости вошли. Хозяин пригласил всех присесть на табуретки. Ребята-строители расставили на столе небольшие стопки, разлили водку, разложили закуску. Видно было, что встречались они в компании с Илларионом не однажды.

Кочегар, не забывая про работу, подбросил угля в котлы, потом присел за стол, выпил предложенную рюмку и внимательно слушал беседу, не вступая в разговор молодёжи. Закусив копчёной рыбой прекрасного качества, парни разлили по второй стопке и предложили кочегару выпить ещё. Тут дядя Илларион и произнёс:

– Сегодня можно. Исполнилось мне шестьдесят семь лет.

Ребята от души поздравили именинника и упростили его рассказать хоть немного о себе.

– Думаю, – ответил кочегар, – что сегодня не грех развязать язык.

Потянулся он вперёд всем телом и снял со стены висевшую над топчаном выдавшую виды гитару. Провёл дядя Илларион ладонью по струнам, потом с силой ударил по ним и потряс гитарой на весу. Зазвенели струны жалобно, задребезжали, хватая за душу, заплакали. Резко прикрыл гитарист струны ладонью, останавливая жалобный стон инструмента.

– Ну, что, ребята, послушайте мелодию моей далёкой молодости!

И он, умело перебирая струны гитары, запел давно ушедший со сцен старинный романс. Гости старого кочегара онемели от удивления! Таким красивым, чистым оказался его голос! Не замечая старую заплатанную в нескольких местах телогрейку старика, слушали молодые строители своего давнего знакомого, дядю Иллариона, как оперного певца – так прекрасно звучали слова старинного романса и так мастерски владел он гитарой!

Песня отзвучала, музыка умолкла. Дядя Илларион не спеша встал со своего места, привычно подбросил порцию угля в каждую топку, посмотрел на прибор, показывающий давление пара и вернулся к столу. «Зрители» не сводили с него удивлённых глаз, за это время никто не смог произнести ни слова. Илларион снова взял гитару в руки и запел другой романс на чистейшем французском языке. Красивое лицо старика с белыми усами и бородой стало бледнее, чем обычно.

Молодые ребята, поражённые увиденным, забыв, где они находятся, сидели не двигаясь. Наконец, один промолвил:

– Как же так, дядя Илларион? Не первый день с тобой знакомы, а такое впервые! Для нас это – полная неожиданность! Ведь ты не совсем обычный кочегар, как оказалось!

Старик заговорил не сразу, призадумался и начал с трудом свой рассказ:

– Это было так давно, в другой жизни. Родом я из дворянской семьи. Воспитанием моим занимались гувер-

нёры, обучали хорошим манерам. С детских лет я говорил на нескольких иностранных языках. Учили меня и музыке, и танцам, и владению оружием, и верховой езде. Получил я хорошее образование. Прекрасно знал историю своей страны. Готовность защищать своё Отечество во мне было всегда. Стал военным, достаточно времени провёл в военных кампаниях на Кавказе. Потом был переведён в столичный гарнизон для несения постоянной службы. Был определён в охрану царской казны. В гарнизоне большинство офицеров были участниками военных действий, имели боевые заслуги.

Но тут подкатил 1917 год. А уже к 1918 году стало ясно, что нужно срочно спасать золотой запас Российского государства. Тонны слитков золота и чеканных монет планировалось перевезти через всю страну, Сибирь, на Дальний Восток, а оттуда – в Японию. Отлично оснащённый бронированный поезд отправился на восток. Полыхала гражданская война – схватка противоборствующих армий: белой и красной, с ничего не соображающими иногда командирами. А если сказать проще – драка без правил и права пощады между кровными братьями, называющими себя одни белыми, другие – красными. Продвижение поезда по железной дороге на каждую последующую сотню километров воспринималось, как успешная боевая операция. Каждый день приближал нас к линии фронта. Там, впереди, армия Колчака сдерживала с огромными трудностями опоённые дурманом большевизма отряды красных. Эшелону не раз приходилось прорываться с боями через их преграды. С героическими усилиями перевалили Ураль-

ские горы, продвигаясь к столице белого движения – городу Омску.

Командиры красной армии следили за продвижением бронепоезда, ведь завладеть бесценным грузом было просто необходимо для новой власти. Лихорадочно соображали они, как остановить эшелон с золотом. Наконец, недалеко от Омска, в степи им это удалось сделать. С этой целью спешно были разобраны железнодорожные пути на восток. Двигаться задним ходом тоже не было возможности по той же причине. Поезд был остановлен. На подмогу красные отряды мобилизовали местное население, крестьян из близлежащих деревень. Умышленно был пущен слух, что в поезде много золота, и всем участникам захвата полагается определённая мера.

Морозным декабрьским утром начался штурм бронепоезда. На огрызающийся пулемётный огонь из бойниц эшелона одна за другой накатывали крестьянские атаки. Никто из атакующих не замечал сорокаградусного мороза, все были захвачены одной мыслью: «Золото! Золото!» Потеряв страх, словно озверев, люди стреляли, не переставая. На снег давно сброшены зипуны, шубы, в горячке боя потеряны шапки. Разогрелись крестьяне от дармового выпитого спирта, который красные командиры распорядились заблаговременно доставить к месту боя. Расстёгнуты вороты рубаш, пар валит клубами от разгорячённых тел, горячий пот заливает лица желающих обогатиться. Атаки разгорячённых спиртом и жаждой наживы мужиков всё яростнее!

Собранно, хладнокровно ведут пулемётную стрельбу защитники царской казны. Бой длится уже несколько ча-

сов. Стволы пулемётов от непрерывной стрельбы накалились, стали красными. Снег и вода, доставленные для охлаждения, уже не помогали. А крестьянский натиск всё сильнее. Среди офицеров большие потери. Силы не равны. Господи, какой ещё народ так безжалостно уничтожал своих братьев?

Ответная стрельба из бронепоезда все реже. Ещё минута, другая – и разъярённая крестьянская толпа в десятке метров от эшелона. Уже тянутся жадные руки! Как бы не опоздать, ухватить! Зачем тогда лез под пули, рисковал? Вот уже до цели семь шагов.

И в это время – прицельный, шквальный, беспощадный огонь на поражение! Огонь в спину! Это красный отряд взял в свои руки исход боя, поставил кровавую точку! На полном ходу отчаянная атака на поезд задохнулась. Не успевшие ничего понять повалились в снег нападавшие на эшелон деревенские мужики, расстрелянные в упор своими же единомышленниками. Замолкли пулемёты и защитников бронепоезда. Они тоже пришли в замешательство от увиденного.

И тут раздался голос из рупора и разнёсся над толпой атакующих:

– Товарищи крестьяне! С вами говорит представитель красной армии. Призываю вас к сдержанности и порядку. Наша команда подготовит для вас мешочки с чеканными золотыми монетами. Каждый из вас получит золото, которого хватит на всю оставшуюся жизнь! Вам необходимо отойти от эшелона, построиться в шеренгу и ждать своей очереди!

Дефицита в ораторах, говорунах, мастеров большого пустословия новая власть не испытывала.

Крестьяне, мигом позабыв, что только что видели расстрел своих односельчан, сообразили, что лучше получить свой пай золота в живой очереди, и быстро выстроились шеренгой вдоль эшелона. Все мысли были о том, чтобы не обманули, не обьегорили. А в это время красноармейцы быстро восстановили железнодорожный путь в направлении Москвы. Работа шла ходко, слаженно, очень спешили красные командиры, подгоняли солдат. Одновременно с работой оратор в рупор продолжал вещать:

– Слышите, герои мировой революции! Весь мир содрогнётся, узнав о гибели наших братьев в неравной борьбе с империализмом!

Содрогнётся мир – и забудет, а потом, по прошествии многих лет обнаружит истинную суть, настоящие факты.

– Спите вечным сном, славные сыновья России!

А нужна ли им такая слава?

Оставшиеся в живых крестьяне, стоящие в шеренге и слушающие говоруна, уже стали подмерзать. Получить бы своё – и по домам. А в это время бронепоезд разогревал пары, из трубы паровоза повалил мощный чёрный столб дыма, дрогнули колёса. Толпа крестьян оцепенела, а потом взревела диким рёвом! Что-то здесь не так! Совсем не так! В зверином рывке, ни о чём не раздумывая, бросилась толпа к эшелону, который уже набирал скорость. Красный отряд из всех видов оружия ударил по бегущим к поезду крестьянам! Колёса закрутились быстрее, и стрельба будто повеселела. Сотни окоченевших человеческих трупов остались лежать в степи под Омском!

А офицеры, охранявшие царское золото, сопротивлявшиеся до последних сил, всё же были повязаны. Уставшие, с поникшими головами, совсем ещё молодые, думали они, где взять духовные силы, чтобы встретить смерть достойно. В их числе был и офицер Илларион. Эшелон с золотом и пленными офицерами двигался в сторону Москвы. В предгорьях Урала, где проживали зажиточные казаки, преданные царю-батюшке, напали на бронепоезд, находящийся в руках красных. Бой этот был страшным! У тех и других была одна цель – победить. Красным удалось устоять в этом сражении.

А Иллариону во время боя, когда тот уже шёл к развязке, удалось бежать. Долго и упорно продвигался он от одного населённого пункта до другого на восток. Молодому офицеру было горько, обидно за такое страшное поражение, за невыполнение воинского поручения. Но ничего не поделать теперь. И он шёл и шёл вперёд, к намеченной цели. В дороге попадал в разные ситуации, случилось даже угодить в настоящую банду. Позже он оказался в хорошо организованном казачьем отряде, который оказался частью военного соединения атамана Семёнова. Много было боёв. Но потом неудачи стали преследовать отряд одна за другой. Пришлось уйти в Маньчжурию, а оттуда – в Китай. Многочисленные эмигранты из России заполонили приграничье Китая, образовав в городе Харбине русские кварталы. Здесь Илларион нашёл работу. Воевать ни под каким предлогом он больше не хотел, в шпионские организации не вступал, о богатстве не мечтал. Жизнь понемногу налаживалась. А душа болела, тосковала. Часто ловил молодой человек себя на том, что подолгу задумчиво смотрит он

на север, как будто через расстояния хочет рассмотреть милые сердцу золотые купола. А если бы знал, что сохранят ему на Родине жизнь, то опустился бы на колени и полз бы до милой Москвы!

И вот настали такие времена. К началу шестидесятых годов, чтобы хоть как-то загладить вину перед своими соотечественниками, оказавшимися не по своей воле за пределами России, Никита Сергеевич Хрущёв стал искать пути возвращения их в Советский Союз. Было распоряжение, позволяющее беспрепятственно это сделать и поселиться где-нибудь на периферии. Решил тогда Илларион: «Будь, что будет!». Много повидавший на своём веку, большую часть жизни проживший на чужбине, возвратился он, наконец, на Родину. Прописался в Сибири. Ожидал теперь полной своей амнистии.

Вот такую историю поведал молодым строителям гидроэлектростанции пожилой Илларион, бывший дворянин, бывший офицер, бывший эмигрант. Нынешний кочегар. Но счастливый человек!

Что же ищет всегда эта странная русская душа? Русское небо над русской землёй...

Милая моя Таня

Давно это было. В ранней юности я никогда не задумывался, как мне должно устроить свою семейную жизнь. Не с кем мне было поговорить об этом. Деды наши ушли по лагерям и не вернулись, отцы отправились защищать Родину – и остались на полях сражений. Наши мамы, оставшиеся с малолетними детьми на руках, изнурённые непосильной работой, нуждой и горем, тоже рано ушли в мир иной. Когда подросли мы, и настало время создавать семьи, не у кого нам было спросить благословения на счастливую семейную жизнь. Церкви были закрыты, а большинство их – разрушено. Так выходило, что мудрого совета получить было неоткуда.

Иногда в мыслях рисовал я себе будущую встречу с милой, обаятельной девчонкой. Думал о том, что если согласится она стать моей женой, то обязательно будет наш союз на всю жизнь. Хозяйкой она будет хорошей и, конечно же, будет любить меня, единственного, будет прислушиваться к моим словам, исполнять их незамедлительно.

Шло время, и опять я возвращался к этим мыслям. Теперь уже в моих мечтаниях моя жена восхищалась моими планами на будущую совместную жизнь. В планы эти входило строительство хорошего большого дома со светлыми комнатами. А жена, мечталось мне, всегда рядом, во всём согласна со мной. Отношения наши будут наполнены счастьем и душевной теплотой. Такие картины моей будущей семейной жизни рисовал я себе в мечтах.

На примете у меня никого не было. Перебирал я годы свой молодой ещё жизни и делал вывод, что за всё время я ни одной девчонке ничего не обещал, никого не обнадёжил, не проявил особых знаков внимания. Никогда ни одной барышне не говорил я неправду, будто нравится она мне, ни у одной не просил её руки. Как любой другой молодой человек, я, конечно, проявлял интерес к симпатичным девушкам, но ни одна из них не слышала от меня слов любви.

По разным причинам не спешил я создать семью. После службы в армии сразу же поступил на работу и стал учиться заочно. Времени на свидания не было. Не имел я тогда и собственного угла, скитался по командировкам. Нужно было заработать хоть немного на мало-мальски нормальное существование. Полученного заработка хватало только на текущую жизнь. А вот на приличную одежду и обувь, в которых можно было выйти в добрые люди, средств пока не удавалось подкопить. Приходилось думать, искать дополнительную сверхурочную работу. Работа быстро нашлась. Стал я трудиться в бригаде, которая брала подряды на работу в вечернее время и в выходные дни. Так длилось почти два года. Очень хотелось мне заработать достаточно на благополучную семейную жизнь, а потом уж и жениться, чтобы не испытывать особых бедствий. Сколько бы ещё было потрачено времени на мою подготовительную работу к семейной жизни, не знаю, но вмешался случай...

Как-то работали мы с бригадиром Михаилом Ивановичем на одном объекте. На пересечении улицы Большой Подгорной с переулком Красным стоял двухэтажный деревянный дом. В полуподвале этого дома мы меняли при-

шедшую в негодность старую электропроводку на новую. Помещение было чистеньким, аккуратным, снаружи оно было побелено и покрашено. В этой опрятной и уютной квартире жила семья: мать, Мария Ивановна, женщина преклонных лет и дочь – юная Таня. Эта девушка была симпатичной и очень миловидной. Она никогда не унывала, была полна жизненной радости и оптимизма. Таня была всегда в хорошем настроении и очень смешливая. Она сразу очень понравилась мне. Мой старший товарищ, Михаил Иванович, заметив мой пристальный взгляд в сторону девушки, со свойственным ему умением подшутить, заметил:

– Ваня, Ваня, ты посмотри, какая прекрасная девушка! Вот бы тебе в жёны такую!

Подогрел Иваныч уже разговаршуюся искорку незнакомого мне ранее чувства. Стал я присматриваться к Танюше пристальнее. Всё мне нравилось в ней: и нежность её милого лица, и весёлый нрав, и ловкость движений при выполнении домашней работы, и искренность в общении.

Спустя несколько дней, женщины привыкли к нашему присутствию и стали приглашать нас отобедать вместе с ними. Очень я стеснялся за такими трапезами, чувствовал себя неловко. Ситуацию спасал Михаил Иванович, человек бывалый. А милая Танюша, пока Мария Ивановна и мой бригадир беседовали, сидя за обеденным столом, говорила мало, а сама нет-нет да и фыркнет от смеха, глядя на меня.

Я никак не мог набраться смелости поговорить с девушкой один на один. Из рассказов её мамы я знал, что Таня – моя ровесница, работает на швейной фабрике.

Прошло дней пять знакомства. Наша работа подходила к завершению, а для меня наступило время реши-

тельных действий. Однажды в обеденный перерыв я, полный отваги, будто бросаясь под танк, выпалил:

– Таня! Скажи, у тебя парень есть?

Она посмотрела на меня и вся зашлась смехом.

– Таня, я бы хотел на тебе жениться!

– ...

– Таня, ты соглашайся!

Ничего не ответила мне девушка и, не закончив обедать, вышла из-за стола, вытирая мокрые глаза от выступивших от смеха слёз, и ушла на свою фабрику голодной. Я, потеряв аппетит, тоже бросился выполнять прерванную перерывом работу. Уж потом, успокоившись на рабочем месте, я осознал комичность этой ситуации. Вот стою я перед девушкой в грязной телогрейке, в кирзовых сапогах, весь обвешанный инструментами, и ни с того ни сего, вдруг, делаю предложение руки и сердца! Смех да и только!

По прошествии многих лет, когда мы были уже женаты, Таня рассказала мне, какое впечатление произвел на неё случай за обеденным столом. Вернулась она на фабрику и сообщила своим подругам:

– Мне сейчас один чудака предложил выйти замуж! Представляете?

Те, конечно, давай интересоваться подробностями. Оказалось, что с «женихом» она знакома всего неделю! И не перемолвилась с ним ни одним словечком! Веселью подружек не было предела. Ох, и нахохотались они от души в тот день!

Да и на самом деле, как можно серьёзно отнестись к такому предложению, когда после мало-мальского знаком-

ства, не оглядываясь, зовёт молодой парень девушку в дорогу, длинную в жизнь? Но что произошло, то произошло.

Жил я в то время на съёмной квартире. Хозяин мой, Николай, человек бывалый и общительный, видя мои переживания, согласился стать моим сватом и помочь мне в важном деле. На следующий день, в субботу, долго не раздумывая, двинулись мы с ним в сторону улицы Большой Подгорной. Вскоре добрались мы до заветного дома.

Надо сказать, что мой попутчик, Николай, был выше меня в полтора раза, фигура колоритная, представительная. Он легко вступал в беседу со всяким, был словоохотлив, за словом в карман не полезет. За плечами у него висел баян чёрного окраса. А у меня сердце бьётся, как птица в силках. Но чувствую себя бодрым при такой «внушительной» поддержке.

Хозяева встретили нас мирно, с искренним дружелюбием. Вскоре на столе, накрытой белоснежной скатертью, появились приготовленные хозяйкой блюда, закуски, бутылка «Московской». Всё было скромно, но пристойно. За столом понемногу завязался разговор. Николай, который занимал пространство и внимание собеседников, был во всеоружии. Я, думаю, он заранее выстроил свою речь. После начальной вступительной беседы знакомства он придал своему голосу особую торжественность и возвышенность:

– Расскажу я вам, уважаемые хозяйки, о моём молодом друге. Знаю я его по совместному проживанию его в моём доме в качестве квартиранта. За это время узнал я его, присмотрелся. Человек он честный, трудолюбивый. Только водятся за ним кое-какие недостатки!

При этих словах Николай сделал многозначительную паузу, а женщины насторожились.

– Хочу вам об этом сказать обязательно, поскольку речь идёт об очень серьёзном деле. Первый недостаток Ивана: никогда он не сходит ни в театр, ни на концерт приезжих артистов. Думаю, всё это от экономии денег, где надо и где не надо. Вижу в этом некоторый перебор!

За столом оживление. Хозяйки улыбаются. А Николай продолжает:

– Второй недостаток: в городском саду бывает редко. Всё больше старается где-то прихватить лишнюю работу. Я бы ему пожелал избавиться от некоторых своих привычек!

Николай замолчал, поглядел на всех присутствующих и проговорил, по-приятельски похлопывая меня по плечу:

– Ну, а если сказать по-нашему, по-рабочему: Иван – отличный парень! Хорошо работает, учится в техникуме, любит людей. Мой совет: сходитесь и живите. Долгой вам и счастливой жизни!

Поступило предложение выпить за будущую семью. Так и сделали. Никто не отказался. Сидел я за этим праздничным столом в окружении приятных мне, почти родных людей, и был счастлив, как никогда!

Николай развернул меха баяна и заиграл известные мелодии тех лет: «Спят курганы тёмные», «Огонёк». Таня, склонив свою красивую голову, в лад запела эти песни. Голос у неё был очень приятный. Тогда, во время сватовства, когда я впервые услышал её пение, и потом, уже выйдя замуж, она часто пела и за домашними делами, и за праздничным столом. А мне это очень было по душе!

Судьба распорядилась так, что в жизнь мою вошла девушка не с моей родины. Но оказалось, что много у нас с моей Таней было общего. Верную и любящую жену подарил мне Господь. Симпатичная и милая Таня родилась на берегу реки Обь, и я родился и вырос на берегу этой реки, только севернее на шестьсот километров. Издревле славный род моей жены проживал в деревне Саргат Шегарского района. Мама Тани, в девичестве – Кулманакова Мария Ивановна, была родом из деревни Канаева. В своё время посватал Марию Кулманакову Яков Тогушаков из Саргата. Оба их рода берут начало в древней далёкой седой старине. Жили они в красивейших местах на берегу могучей реки Обь. Полноводная река изобиловала красными сортами рыбы. Заливные луга одаривали людей разнообразием вкуснейших ягод. На берегу Оби православные выстроили храм в честь Пресвятой Богородицы. Кирпичный благочинный храм отражался в водах реки, радовал глаз и душу.

Наступили другие времена. Безжалостно меняя образ жизни русских людей, власти распорядились снести святой храм. Потом началась война.

В 1941 году Яков Тогушаков ушёл защищать свою Родину. Любила и уважала деревня Саргат смуглого Якова за смелый и честный характер, за его человеческую красоту. Был он очень высокого роста, обладал необыкновенной силой. Только один вид его, присутствие рядом с начинщиками деревенской драки приводил в смятение и заставлял их разбежаться в разные стороны. В 1943 году после тяжёлого ранения вернулся Яков Тогушаков в свою родную обитель. Вернулся, чтобы в родном краю или умереть, или выжить. Едва ходил по земле, которая взрастила его, с трудом передвигал ноги. Несколько месяцев прожил под

крышей своего дома в окружении молодой жены и милых деток. Немного оправился от тяжёлого ранения. Страна снова без промедления призвала Якова на боевую позицию: «Вперёд, солдат! У тебя большой опыт идти в атаку!» В бою опять был ранен сибиряк. Ранение и на этот раз было нешуточное. Везли его санитары на конной повозке. В это время налетевший фашистский самолёт пулемётной очередью прошил грудь сибирского богатыря. Получила Мария Ивановна, вдова-красноармейка, похоронное извещение, собрала вещи, заколотила досками окна и двери дома и, подхватив ребятишек, отправилась в город Томск. Детей было пятеро: три старших мальчика, Таня и Галя, родившаяся после ухода их отца на фронт. В городе Мария Ивановна много работала, бралась за любое дело, чтобы прокормить детей. Намыкалась,хватила горя по самые ноздри. Вскоре девятимесячная дочка умерла. Остальные дети росли крепкими, здоровыми, красивыми, способными к учёбе. Но всем им рано пришлось начать работать, чтобы помочь маме хоть как-то свести концы с концами.

Так вышло, что судьбы у нас с моей милой женой были похожими: росли без отцов,хватили с детства лиха, маму видели редко, рано начали работать, знали цену заработанной краюхи хлеба.

Тихо и скромно родилась наша семья. Началась совместная жизнь. Много чего было за долгие годы. В любви родились наши дети: мальчик и две девочки. Мы много работали, чтобы обеспечить семью, всё доставалось только большим трудом. После работы, в выходные дни строили себе дом.

Мне приходилось обучать Таню работе, которую она не привыкла выполнять, так как была городским жителем.

Жена Татьяна Яковлевна

Так однажды, благодатным июльским вечерком решили мы во дворе своего дома попилить дрова, заготовить их к предстоящей зиме. Обнаружилось, что жена моя не умеет работать пилой. А у меня в голове не укладывалось, как это можно не выполнить такую простую работу! Долго, настойчиво и упорно объяснял я моей Тане, что да как, терял терпение. Но у неё ничего не получалось! Я не на шутку нервничал, суетился возле кучи дров. Но дело вперёд не продвигалось. А время шло, было уже за полночь. Таня спокойно смотрела на меня, виновато улыбаясь. Вдруг она охнула, обхватила свой живот:

– Ваня! Ваня! Скорую!

Я бросился к соседям звонить по телефону. Скорая приехала быстро, подхватила мою жену и увезла в роддом на улице Крылова.

Была уже ночь, а мы с тёщей не могли уснуть, сидели у телефона и периодически звонили:

– Роддом! Как там Голещихина? Всё ли ладно?

– У вас девочка.

– Слава Богу!

Рождение детей – славное дело! Так шли годы. Семья наша росла. Жилище своё мы обживали совместными силами, не жалея себя трудились, расстраивали его, прихорашивали. Много сил и времени уделяли приусадебному участку, улучшению состояния почвы на нём, разводили скот. И, конечно же, занимались воспитанием наших детей. Все они выросли хорошими людьми. Кто желал учиться, получил высшее образование. Сын окончил Томский государственный университет, стал радиофизиком.

Всю жизнь мы работали на благо страны и своей семьи. У государства никогда ничего не просили. Но оно,

иногда, так бесцеремонно вмешивается в нашу жизнь, что оправиться от трудностей, которые оно создаёт народу, бывает очень трудно. Перестройка с её бесконечными реформами поковеркала много судеб, перетасовала людей, как колоду карт, привела к разорению многих.

Представители моего поколения, люди, отличающиеся трудолюбием и терпением, ждали справедливого человеческого отношения, улучшения условий жизни. Вот уж жизнь подвигла к старости, а улучшения не видно. Выйду, бывало, на картофельное поле своей усадьбы и одолевают грустные думы: сколько прекрасных родственников моих и Таниных полегло в страшной мясорубке прошлых горячих лет! Хватило бы места для их могил на этих шести сотках? Прости меня, Господи! Всю жизнь мы говорим: «Твои мы, Господи, мы с Тобой! Дай нам, Боже наш, разуметь премудрость Твою!».

Всю жизнь супруга моя, Богом данная, много и трудно работала. Между домашними делами следила она за тем, чтобы дети росли умными, крепкими, здоровыми. Не считаясь со временем и не зная усталости, заботилась она о том, чтобы они вкусно были накормлены, опрятно одеты, вовремя выучили уроки. Забот у женщины всегда хватает. Чистота в доме, порядок в душах наших.

Очень я любил наблюдать за тем, с какой любовью моя Таня готовила вкусные блюда, красиво накрывала праздничный стол. Всё это с нежностью и душевной теплотой. А потом со стороны, в своём скромном фартуке любовалась семьёй, а как сияло, светилось в это время её милое лицо!

Бывали, конечно, в нашей жизни и недомолвки, и неприятности. Обоюдным молчанием старались мы укре-

пить себя терпением. Нехватка денег и несбыточность наших планов не огорчали нас и не выводили из равновесия.

Ни разу за время нашей совместной жизни у меня не возникало мысли расстаться с моей милой женой. Развод я всегда считал самым последним и преступным явлением. Всякое соединение двух людей в семейный союз считается святым, а разрушение брака есть отступление от страха Господня.

Прошло много лет, пока я понял, что бывают иногда ситуации, когда совместное прожизивание мужа и жены, сочетавшихся законным браком по Божьему благословению, становится невозможным. А есть и другие примеры, когда мужчина и женщина проживают вместе не один десяток лет в любви и согласии, растят здоровых и красивых детей, но без обращения к Богу. Такие семьи, думаю, не остаются без Божьего попечения и благословляются Создателем на долгую жизнь.

Много лет позади у нас с моей любимой женой. Когда по какому-то недоразумению находили на меня жизненные помрачения, изо всех сил я отгонял их от себя прочь. Зачем нам эти помехи? Ради любви друг к другу, к своей семье пусть проснётся с новой силой ласка и придёт тихая радость. Сердца наши наполнятся милым всеобъемлющим умиротворением.

В добром союзе перед людьми и Господом прожили мы более полувека. Не все годы были одинаково удачны и счастливы. Но даже птицы одной породы имеют между собой различия. Не зря многовековая мудрость гласит: жизнь прожить – не поле перейти...

Конная площадь

Много площадей есть в городе Томске, а ещё больше улиц и переулков. Все они имеют свои особые названия. Было время, когда общество людей жило по естеству законов природы. Люди давали друг другу имена, животным – клички, местностям – названия, которые соответствовали реальной действительности. Такое положение дела не вызывало никогда недоумённых вопросов.

Сейчас же имена своим детям, названия улицам и площадям даются зачастую необдуманно, спонтанно. Назовёт новоиспечённый бизнесмен, недавно вступивший в законные права, свою фирму или магазин изысканно-замысловато, чаще на иностранном языке, обвешает стены помещения вывесками, мелькающими люминесцентными огнями, и восхищается собственной гениальностью. А постоянные посетители, вынужденные за неимением выбора, пользоваться услугами этого объекта, дают ему своё название, точно отражающее его содержание и истинную суть.

Есть в Томске площадь, которая с давних времён и долго-долго сохраняла своё историческое значение. Называлась она «Конная площадь». Умели наши предки, не образованные, но сметливые от природы, давать точные названия. Точные, словно выстрел снайпера.

Сейчас уже, конечно, площадь не соответствует своему названию. Давно уже не встречаются на улицах города конные повозки, даже отдельных лошадей не встретишь. С годами, в угоду современным условиям жизни, изменились

и границы площади. Но надолго в памяти и обиходе томи-
чей ещё будет храниться старое название.

Располагалась эта площадь в удобном для проходив-
ших через старинный Томск многочисленных обозов месте.
Издrevле местное население занималось конным извозом.
Город служил местом доставки различных грузов в Сибирь,
на Дальний Восток, В Китай. Через Томск проходил кон-
ный путь, по которому во все уголки огромного государст-
ва и мира доставлялись сибирские богатства: пушнина,
рыба, мясные продукты, таёжные дары и многое другое,
переправлялись заморские товары в центральные губернии
России.

Нескончаемым потоком шли по Московскому тракту
конные обозы, которые совершали необходимую людям и
лошадям передышку в городе Томске. Здесь, на Конной
площади, которая простиралась от левого берега реки
Ушайки до того места, где сейчас располагается Театр
юного зрителя, были построены постоянные дворы для про-
езжающего торгового люда. Остановка на площади Конной
несла радость отдыха всем участникам долгих путешест-
вий по морозным сибирским дорогам. Рядом с постоянными
дворами были устроены добротные конюшни для пере-
дышки трудягам-коням. Здесь их распрягали, освобождали
от упряжи, давали хорошую порцию овса и сена, поили
вкуснейшей речной водой.

Очень трудная была работа у обозника. Нужно уметь
погрузить товар так, чтобы на крутых подъёмах лошадь шла
обычным шагом, без натуги. При каждой остановке опыт-
ным взглядом окидывал возница санный поезд, оценивал
состояние своей походной колонны. Где это было необхо-

димо, старался поплотнее утрясти возы, подтянуть покрепче верёвки, стягивающие груз. Не оставлял без внимания рачительный хозяин и своих лошадок. Особо заботился о состоянии ног, подков, проверял, не трут ли гужи тело лошадей. Без заботливого отношения хозяина к животным-помощникам невозможно было благополучное завершение дела, которое они выполняли. Человек и лошадь вместе переносили трудности долгих переходов по морозным сибирским дорогам, поэтому сцепка между человеком и животным была очень надёжна.

Взаимовыручка ямщиков между собой тоже была важна в дороге. Бывали часто аварии: лопнула ли оглобля, поистерлась ли завёртка, с помощью которой оглобля крепилась к саням, – всё могло случиться. Обоз останавливался. Возницы быстро приходили на помощь друг другу. На морозе да на ветру долго на месте стоять опасно – замёрзнут лошади, насквозь проберёт мороз человека. В этих условиях одно спасение – двигаться. При устранении аварии всегда помогали сноровка и взаимовыручка. Совместными усилиями ямщиков ремонт завершался быстро, и санный поезд продолжал своё движение вперёд.

Иногда в дороге выручала мужицкая смекалка. Слышал я одну историю об этом ещё в раннем детстве. Однажды в лютый мороз гнал обоз в восемь лошадей молодой ямщик. И надо случиться в дороге аварии – лопнула завёртка! А другой в запасе не оказалось. На сильном морозе старая, порвавшаяся завёртка промёрзла так, что развязать её не представлялось никакой возможности! Мороз, как на грех, крепчал. Что делать? Придумал тогда молодой возница выход: справил малую нужду на аварийную завёртку,

верёвка размякла. Ямщику осталось только перевязать её – и неполадка была устранена, и обоз тронулся в путь.

Скрип полозьев саней, фыркание лошадей далеко раздавалось в морозном воздухе. Лошади покрылись плотным слоем инея, все стали белёсыми от густой изморози. Время от времени трясли они своими гривастыми головами, стараясь сбить с морд ледяные сосульки. Лошади, как старые солдаты, много испытывавшие на своём веку, соблюдали особую «обозную» дисциплину. Чётко чувствовали они расстояние от одного воя до другого, шли чётким, сдержанным, тяжеловатым, но уверенным шагом. Ни одна не отстанет, ни одна не поспешит.

И вот, наконец, постоялый двор на Конной площади. Здесь ждал их уютный конный двор, заготовленный для них фураж. А ямщиков на постоялых дворах встречали молодые розовощёкие хозяйские дочки и любезно предлагали промёрзшим путникам горячий чай. На столах пытели пузатые самовары, в фарфоровых чайниках были заварены травы зверобоя, белоголовника – иван-чая. Если пожелаешь, тебе предложат свежую стерляжью уху или холодца. После сытного угощения нальют настоя из чаги или шиповника. Лошади накормлены, напоены, протёрты сухой травой. Отдыхай и ты, неутомимый труженик сибирских дорог! Пойдёт мужик, благословясь, отдохнуть, укроется овчинным тулупом или дохой из собачины и мигом захрапит, уснув сном совестливого человека. Проснувшись ночью, возьмёт керосиновую лампу, сходит в конюшню проведать своих лошадок. Нежно погладит их по мягким губам, похлопает по гривам, вдохнёт блаженно запах конского пота и проговорит:

– Ну, спите, мои милые! Завтра снова в дорогу. А дома нас уже заждались, молятся за нас, родимые.

Такова была давняя размеренная жизнь. Но всё течёт, всё изменяется. Вырвался вперёд двадцатый век со своими катастрофами, революциями, войнами, высокими скоростями и ритмами! Стремительно стали строиться новые города. В городах, как грибы после дождя, скоростными темпами росли заводы и фабрики. Этим предприятиям требовалась электроэнергия, без которой невозможно представить меняющуюся жизнь. Вместе с этими преобразованиями изменился и облик города Томска. Старую Конную площадь потеснили, снесли и постоянные дворы, и конюшни. На их месте появились другие строения. В центре славной Конной площади появилось предприятие, которое называлось «Городские электрические сети», немного позже – «Энергосбыт», почтовый адрес которых звучал так: «Конная площадь».

Город рос, появлялись новые микрорайоны, предприятия, которые потребляли электроэнергию, для обслуживания их требовались новые подстанции, больше специалистов, оборудования, специальных инструментов и запасных частей. К небольшому по площади зданию, где располагались эти организации, со временем, по мере развития в городе сети электроснабжения, стали пристраивать новые несуразные производственные помещения, мастерские. В этих мастерских были установлены станки, на которых мужики-электрики многие детали, нужные для наладочных и ремонтных работ, вытачивали сами. Со временем появилась и своя кузница.

Много лет я проработал в организации «Горэлектросети». Каждое утро я проходил Конную площадь, на своё предприятие. Над входом в здание висел длинный плакат, с написанным на нём красной краской лозунгом. Это была фраза, которую я никак не мог понять, звучала она так: «Мы на пути к Ленину!».

Трудился я в бригаде дежурных электриков. Наше рабочее место находилось в диспетчерской, где мы дежурили по два-три человека. В диспетчерской стоял телефон, и мы, совмещая работу диспетчера и электрика, принимали звонки от населения и предприятий об отключении электричества в том или другом конце города. Получив по телефону информацию об аварии, дежурный электрик брал монтерские лазы для подъёма на опору, пристёгивающийся пояс, сумку с инструментами и отправлялся по адресу. На место аварии мы добирались пешком, иногда, на трамвае.

По мере увеличения количества новых микрорайонов и их электрификации росла нагрузка на работников электросетей. Для более оперативного выполнения производственных дел руководство предприятия приняло решение завести в хозяйстве лошадей и построить здесь же, на территории предприятия, конюшню. Так на Конной площади снова появились кони.

Надо сказать, что работники отнеслись к этой идее очень серьёзно. Своими силами построили аккуратную конюшню. Установили в её бытовке телефон-вертушку. Управляться с лошадиным хозяйством поставили двух работников. Оба конюха были участниками войны, инвалидами: один без руки, другой – одноногий. Такие отметины оставила война. Работу свою они выполняли с полной от-

ветственностью. Вверенное хозяйство содержали в идеальном порядке. Видать, и воевали нынешние конюхи в таком же духе. В большие праздники надевали они свои ордена – вся грудь была украшена наградами. И теперь они были на боевом посту. Бывало, раздастся звонок по вертушке:

– Это контора. Маркелыч, ты? А извини, Савельич, не узнал. Запрягай Сивку, едем на Большую Подгорную. Нужно перевезти столбы.

Потом другой звонок:

– Маркелыч, запряги Каурку в бричку на рессорах. Поедем сегодня на встречу с плательщиками за электроэнергию.

Все распоряжения исполнялись безукоризненно и в срок. Много замечательных людей работало тогда в «Гор-электросетях».

Рассказывали мне, что в тридцатые годы в рабочем коллективе появился парнишка лет двенадцати от роду. Был он немыт, нечёсан, вместо одежды – одни сплошные лохмотья. На ногах подобие обуви, через которое торчали грязные пальцы с давно не стриженными ногтями. Звали парнишку Коля Федулов. Родителей своих он не помнил. Мальчишка оказался сообразительным, любознательным, разговорчивым.

– Давно ли ты, Коля, беспризорничаешь?

– С самого детства.

Из того, что он рассказал, поняли рабочие, что Колька имел прямое отношение к небезызвестной банде малолеток, возглавляемой «атаманом Пузырём». Пожалели электрики мальчишку, приютили его и поселили в одном из закутков несуразного производственного здания. Остался Коля Фе-

дулов здесь навсегда, вырос, стал одним из лучших рабочих: трудолюбивым, смекалистым. Всё схватывал на лету. Многого добился в получении специальности, стал незаменимым человеком на своём родном предприятии. Всё наладилось в его жизни. Но помешала война с фашистами.

На долю нашего народа выпало столько испытаний, что жизнь их сравнима с лодкой, терпящей крушение посреди бушующего безжалостного океана. Перевернуло эту лодку раз, оказалось мало, и её, набитую до отказа людьми, опрокинуло ещё раз! Сколько же впереди испытаний?

А Коля Федулов, не размышляя долго, отправился на фронт, защищать свою страну от фашиста. Прислал он с фронта два письма. В них он писал: «Пока бьётся моё сердце, пока бежит по моим жилам кровь, буду помнить вас, отцы-земляки. Ваш Николай Федулов». Вернулся боец с войны. Всю жизнь, правда, хромал. Орденов и медалей на его праздничном пиджаке было не меряно. Много лет работал я с ним рядом на одном предприятии.

Со временем конюшни на Конной площади были заменены на автогараж. Были приобретены несколько автомобилей. Рабочие электросетей теперь могли добираться до нужного места в кузове бортовой машины летом и зимой. Механизация значительно облегчила нам работу и привела к повышению производительности нашего труда.

Уже в наши дни, в восьмидесятые годы, на месте старых гаражей, в устье реки Ушайки, в сторону Томи было выстроено высотное здание – «Дом нефти», символизирующее современное богатство Нарымского края: нефть и газ. Старая Конная площадь продолжала служить своему народу, только теперь не гужевой тягой, а «чёрным золо-

том» и «голубым топливом». До начала строительства мне довелось побывать на расчищенной от старых зданий площадке. Толстый слой жирного чернозёма лежал на том месте...

А годы бежали вперёд, и новая жизнь вспахивала прежние слои один за другим.

На нашем предприятии «Горэлектросети» сложился дружный коллектив со своими традициями. Давно уже появились здесь славные рабочие династии. Выходцы из близлежащих деревень стали трудиться на нашем предприятии. Такие фамилии, как братья Шутовы, братья Бухаткины, Аксёновы и многие другие были известны на предприятии и в городе. Многие из них были ветеранами войны, со временем стали ветеранами труда. Нашим прославленным коллективом руководил уравновешенный умный человек – Владлен Михайлович Кречмер. Вместе с рядовыми работниками делил все тяготы и радости.

На нашем предприятии особым составом работали люди, называемые контролёрами. Они вели расчёты с населением за электроэнергию. Это были люди небольшой грамотности. Достоинством этих работников были честность и трудолюбие. Начальство постоянно отмечало их вежливость, искреннее уважение к людям и тактичность. Для составления расчётов ходили эти люди по городу пешком. В руках у них была тетрадь, авторучка и счёты. Это был такой инструмент, при помощи которого производились все подсчёты. Все финансовые операции велись на основе таких подсчётов. Многие числа из отчётов знали контролёры на память, которая была отменной от постоянных тренировок. Сейчас же человек надеется больше не на

свою память, а на компьютер, что ведёт к умственному ограничению. Человеческий ум становится зависимым и помрачённым.

Другим отличием контролёров было вежливое внимательное отношение к посетителям. Все проблемы, с которыми обращались они к специалистам «Горэлектросети», должны были быть разрешены обязательно. Если какие-то вопросы ещё оставались, то к делу подключался руководитель предприятия. Не было случаев, чтобы посетитель уходил обиженным. Контролёры были малограмотными, но как они относились к работе и к людям!

Сейчас же, в период рыночных отношений, когда предприятие разбогатело, специалисты, принимающие посетителей, смотрят на них свысока, с раздражением отмахиваясь от их просьб. Все специалисты снабжены компьютерами, оргтехникой. Люди приходят к ним со своими вопросами, а те ведут с ними переговоры через стеклянную перегородку. Часто работники ведут беседу, не глядя на посетителя, а всматриваясь в компьютер. При этом длинные очереди люди выстаивают на ногах, независимо от возраста и состояния здоровья. Спорные вопросы часто заканчиваются ничем. Редко прав остаётся посетитель. Мало кто уходит отсюда без слёз на глазах.

Как быстро мы стали другими! Своим поведением перестали походить на своих славных предков. Не имеем мы уже той порядочности, желания честно трудиться, приносить радость своим трудом другим людям, гордиться общим результатом. Между нами уже не стеклянная, а тёмная, непроницаемая перегородка, которую ни убрать, ни разрушить.

Предприятия, выжившие в смуту перестройки за счёт народа, должны быть благодарны народу и служить ему. Никаких перегородок между нами быть не должно. Нам надо общаться на одном языке. Чем ближе мы друг к другу, тем больше понимаем друг друга... И любовь с нами...

Немцы с Поволжья

Знакомство моё с немцами произошло в начале Великой Отечественной войны. На память приходит очень холодный пасмурный зимний день. У крыльца сельского колхозного амбара толпилась очередь. Выдавали самые необходимые продукты, выбор их был скудным – на всех делили скромные запасы, поэтому люди брали то, что предлагали. Впереди волнующейся очереди стояли деревенские женщины-красноармейки. У многих мужья навсегда остались лежать в сырой земле у границ нашей страны, где началась война. Заканчивалась очередь молчаливой толпой людей, одетых в какое-то тряпье. Это были немцы, сосланные в Сибирь из Центральной России, с Поволжья.

В замёрзшей очереди раздаются голоса резкие, обрывистые, злые:

– Мы здесь изо всех сил жилы тянем! Мужики наши гибнут, пропадают безвозвратно! И эти тут же! Хотят, чтобы мы их кормили, оберегали!

Страшный, скрежещущий злобой рык! Долго не унимались бабёнки, выливая накопившуюся боль в толпу, и уже не на чужаков, а на всю-то свою распроклятую жизнь!

Очередь постепенно продвигалась к дверям амбара. Из него вышел старик и прикрикнул на разбушевавшихся женщин:

– Бабы! Кончай галдеть! От вашего шума ничего не изменится!

И гнев, разожжённый кем-то, постепенно сошёл на нет. Женщины ещё немного пошумели и успокоились.

Больше я никогда не слышал, чтобы в адрес приезжих кто-то озлобленно набрасывался с ругательствами.

Нынче у амбара шла раздача не совсем хорошего мяса. Приболела животина в общественном стаде, пришлось её прирезать. В конторе составили документ, поставили на него печать. А тушу на большой чурке разрубили на небольшие куски, чтобы всем хватило. Голод заставил отвлекаться от всех других забот, напомнил женщинам, что дома их ожидают дети, мал-мала меньше, с пустыми животами.

А высланные немцы вели себя очень тихо, незаметно, не вмешиваясь в нашу жизнь. Речь их отличалась узнаваемым акцентом и забавным коверканием наших слов. Но никогда в присутствии нашего брата, чалдона, они не говорили на своём родном языке. Уже давно привыкнув к их существованию рядом, мы интересовались, говорят ли они по-немецки, но вразумительного ответа на свой вопрос не получали.

Депортированные в 1941 году с берегов Волги российские немцы проживали во многих сибирских деревнях. Их жизнь была под пристальным наблюдением со стороны комендатуры. Немцы – мужчины и женщины – работали в колхозе наравне со всеми, а дети их ходили в школу. Учились немецкие ребята прилежно, получали хорошие отметки. В то время в школе из иностранных языков изучался, в основном, немецкий. На этом уроке они особенно успевали. Никогда они этим не кичились, не выставляли себя.

Ребята-переселенцы с Поволжья не особо внешне отличались от нас, местных ребятешек. На общественных работах в колхозе они не отставали от нас, выполняли всякую

работу. В военное лихолетье было стёрто понятие «лёгкая работа». Всё было трудно. Взрослые и подростки тянули лямку каторжного труда. Работали сообща, не перекладывая трудности друг на друга. Было и так, что лошади не выдерживали, падали в изнеможении. И люди были, как загнанные лошади. Они хоть могли что-то сказать, а животные падали от голода и бессилия замертво.

Надо сказать, что коренные жители Нарымской земли, всегда помогали приезжим, попавшим в тяжёлую беду. Делились они с российскими немцами, оказавшимися по неволе в таёжном краю, своими хитростями выживания в суровых сибирских условиях: как управлять обласком, поймать рыбу, плести рыболовные сети, ставить ловушку на зверя. Всё это потребовалось новым жителям Сибири. От природы трудолюбивые, немцы быстро освоились на новом месте. Ведь у них выхода другого не было! Со свойственной им обстоятельностью стали налаживать они свою жизнь.

После войны молодые сибиряки, отслужившие в армии, редко возвращались в свои родные деревни. С большим желанием они оставались в городах или подавались на великие комсомольские стройки. В сибирских деревнях женихов катастрофически не хватало. А тут рядом, только руку протяни, подросли и возмужали немецкие парни. Происходили тайные свидания. Никакие запреты комендантов не могли служить препятствием для двух горячих молодых людей. Природа творила своё дело. От этих встреч, скрытых от посторонних глаз, рождались дети. Малыши росли в любви и заботе со стороны ближних, односельчан. Но имя отца скрывалось упорно. Со временем

деревенские детективы утвердительно указывали на сходство мальчика не с каким-нибудь Костей Ивановым, а с Сашей Ортманом. Почесав языками несколько дней, деревня успокаивалась. Давно уже эти дети стали людьми преклонных лет, но аккуратность в работе и спокойная рассудительность всегда просматривалась в их характерах.

Я совсем не берусь рассуждать о том, была ли необходимость переселять приволжских немцев. Не знаю. Другое не оставляло меня в покое, приводило к горестным размышлениям: не просто так выпали на наше общество тяжелейшие испытания, массовые репрессии, и ведь не спроста обычные парни – Фрицы и Иваны – затеяли всё уничтожающую войну. Откуда в наших народах появилось столько зла, противоестественного самому человеку и самой его природе? Вот этот вопрос – самый трудный для меня.

На протяжении всей моей жизни много раз мне доводилось работать и жить рядом с представителями немецкой национальности. Были среди них простые рабочие, встречались и руководители предприятий. Мы, русские, многому могли поучиться у них. Много лет бок о бок я проработал с немцами, говорю, что знаю, в чём убеждён. Исполнительность, аккуратность, огромное трудолюбие, пунктуальность, умение доводить дело до конца – всё это часть немецкой нации. При разговоре они очень внимательно выслушивали тебя, не спешили сразу отвечать, а делали выводы только после глубоких раздумий.

Часто наблюдал я, как планирует немецкий рабочий свою работу. Не начнёт её, не обдумав, а если попадается монотонная работа, он соображает, как её ускорить, сделать не такой трудоёмкой. Все свои задумки сначала тща-

тельно рассчитает, проверит, а только потом выполняет. Глядишь, с введением его предложения и работа выполняется качественней. Молодцы – немцы! Нам бы такому научиться!

Вспоминается случай. В начале шестидесятых годов работал я электромонтёром в строительной организации. В нашей бригаде был пожилой немец, до пенсии ему оставалось совсем немного. Звали его Вальдемаром. Был он очень спокойным, не суетливым. Старик постоянно носил очки, так как зрение у него было очень слабое.

Так однажды устанавливал он выключатель в комнате нового дома. Я работал тут же, крепил провод, сверлил стены. Было мне немногим более двадцати лет. Кинул я свой взгляд на моего напарника, а он встал на колени и ползает по полу, что-то усердно разыскивает. Вижу, сильно он озабочен.

– Ты чего это, дядя Вальдемар, в такой позе? Что ищешь?

Повернулся он ко мне очень расстроенный.

– Та, понимаешь, Ваня, я нечаянно уронил шайбу от выключателя. Очень уж она маленькая, не найду её никак!

Согласно технологии, у выключателя под винтик подкладывается две шайбы. И вот одна из этих шайбочек, миллиметра три в диаметре, выпала из рук пожилого электрика, упала и затерялась. Я знал характер старого немца, что не допустит нарушения, не стал долго рассуждать, взял совершенно новый выключатель, вынул из него шайбу и отдал своему напарнику. У него появилась возможность выполнить работу по инструкции, и он успокоился. Не существовало для него мелочей. Этот пример по-

учителен нам, русским. Сколько небрежностей мы допускаем в работе, а это, в конце концов, отражается на нашей жизни!

Были у них, как и у всех людей, свои недостатки. Но чаще всего оставляли немцы о себе только хорошее впечатление. Меня поражала чистота и простота их душ, сравнимых с детскими. Простодушие это часто ставило их в комичные ситуации.

Вспоминается ещё один случай. Был у меня вызов на улицу Источную. Отправился я на задание, как всегда, пешком. По указанному адресу в татарской слободе оказался одноэтажный аккуратный деревянный дом. По углам дома, по карнизу и на калитке – замысловатая резьба по дереву. От времени она немного потемнела.

Открыл я калитку, а в это время навстречу мне вышел пожилой мужчина. По первым фразам приветствия я понял, что хозяин дома – представитель немецкой национальности. В доме было светло и уютно. В центре комнаты – круглый стол, покрытый белоснежной скатертью. На полу домотканые дорожки. На окнах горшочки с геранью. Кругом чистота и порядок.

Мы познакомились. Вскользь я поведал ему, что являюсь коренным жителем Сибири. Мой новый знакомый оказался по фамилии Окс. Был он родом с Волги. Сначала войны был сослан в Казахстан, где прожил много лет. В Томск перебрался, чтобы быть поближе к своим родственникам.

Говорил он очень приветливо, нескучно, даже забавно, с большой долей юмора. Хозяин предложил мне крепкого чая со сладостями. Обговорили мы предстоящую в

доме работу по моей части, назначили сроки работы. Пожилой немец был очень рад моему приходу и сразу не отпустил меня, хотел подольше пообщаться, видя во мне благодарного собеседника.

– Ты знаешь, Ваня, произошёл со мной в Казахстане казус. Дело было так. Стал я замечать, что перестала ко мне поступать почта. Два-три месяца нет никакой корреспонденции. Стал я разбираться. Оказалось, что рядом с моим домом находилась строительная организация. В этой конторе есть отдел капитального строительства, а сокращённо – ОКС. Я – Окс, и в организации – ОКС! Почтальонка, наверное, молоденькая, не разобралась в деталях и стала приносить поступающие мне письма в этот ОКС. Там тоже никто ничего понять не может, а письма лежат несколько месяцев у них, пылятся. Ну, разобрались, наконец!

Но этого мало, дорогой Иван Константинович! Вот приехал я в Томск. Доволен, что обосновался в этом областном центре. А с почтой опять стали происходить чудеса! Ты не поверишь, Ваня, но рядом со мной опять строительная организация, и в ней есть ОКС!

Рассказал старый немец мне забавную историю. Меня насмешил. Сам посмеялся. Беззлобно, добро. Уже спустя время я узнал случайно, что «окс» в переводе с немецкого означает – «бык». Много за свою жизнь я знал таких Оксов, Шульцев, Вольфов, Шрайнеров, Лефлеров и сохранил о них только добрые воспоминания.

Уже в годы перестройки позволили российским немцам, которые были депортированы в Казахстан, на Алтай и в Сибирь, возвращаться на их историческую родину. Жила тогда на Черемошниках в Томске немецкая семья,

которую я знал хорошо. Главой семьи был старый Христиан, человек ломаной-переломаной судьбы. Прошёл он дороги переселения, побывал в «трудовом лагере» со своими жёсткими правилами и распорядком, где часто правили бал уголовные элементы. Все испытания достойно перенёс этот терпеливый человек. Жизнь его наладилась. Было у Христиана три сына. Разумные парни, были уже женаты, имели детей. По меркам тех лет жили они в материальном плане хорошо. У всех сыновей и отца были свои дома. Парни имели хорошие специальности, их уважали на работе. Отец о них очень заботился, помогал, чем мог.

Перед самым его отъездом встретились мы с пожилым немцем. Поведал мне Христиан, что очень не хочет он покидать Россию и жить в Германии. Но должен был поступить так, как это делали большинство немцев. Старший его сын, Эдуард, тоже с сожалением покидал Сибирь, где вырос, получил высшее образование, где родились его дети. Он поделился со мной тревожными опасениями в отношении поведения его отца. Ведь Христиан в последнее время, после смерти жены, пристрастился к выпивке, и у него стали проявляться забытые надолго криминальные наклонности. В хмельном состоянии он иногда приворовывал, нёс домой всё, что плохо лежало. Думал, что таким образом он помогал своим детям. Эдуарда это очень беспокоило, он боялся, что из Германии отца за такие делишки отправят назад, в Россию. Как они устроились в новой для них стране, я теперь уж не узнаю.

В конце девяностых годов российские немцы получили право на отъезд на постоянное место жительства в благополучную Германию. Покидали страну не только эт-

нические немцы, но и смешанные семьи. Этому массовому переселению предшествовали обращения немецкого народа в Правительство и Верховный Совет с просьбами восстановить Автономию немцев Поволжья, упразднённую в начале Великой Отечественной войны. Просили российские немцы дать им возможность жить в любимой стране, приносить ей огромную пользу своим трудом, благоустраивать землю, превращать её в цветущий сад. Немцев Поволжья реабилитировали, как репрессированный народ, но создать Автономию не успели. Советский Союз распался, в стране начался хаос. Это вынудило даже тех, у кого не было особого желания уезжать, поспешить за кордон.

Бывало в истории нашей страны, когда царствующие особы платили золотом немецким мастерам за их согласие жить и творить в России на благо её развития. Много талантливых представителей немецкой нации прославили Россию своими изобретениями, честным трудом. Наши два родственных народа привыкли жить в дружбе, добрососедстве на протяжении многих веков. Вместе крепили мощь нашей общей державы. Но нашлись силы, которые разрушили эту многовековую связь, лишили близкий по духу народ возможности жить там, где ему хотелось. Какие это силы? Кто эти люди, которым позволено было вершить судьбы народов? Кто теперь ответит?

Ермак

Слава о полководце Ермаке и его дружине живёт и будет жить в веках. Пока есть русский народ, дух этого славного покорителя Сибири не исчезнет в памяти его потомков. Велика и могуча Сибирь, но величаво и имя Ермака. Пронеслась стремительная конная армада монголо-татарских кочевников по просторам Руси, нанося страшное разорение и бедствия русичам. Много пережила Русь от постоянных их набегов, от грабежей, непомерной дани. Рикошетом выпадали бесконечные лишения и другим народам русской земли, проживающим рядом.

Тысячу лет назад Русь стала православной христианской страной, приняла крещение. Не оглядываясь на угрозы со стороны татарских ханов, русские стремились освоить всё новые и новые территории во всех направлениях. Появлялись новые города, поднимались крепости, росли монастырские стены. А Сибирская сторона была тайной за семью печатями.

Сибирская земля, как огромный сосуд, наполненный несметными богатствами, стояла нетронутой в своём первозданном виде много веков. Несметные таёжные богатства хранились в её кладовых. Леса были переполнены промысловым пушным зверем, боровой дичью. Реки и озёра богаты вкуснейшей рыбой гигантских размеров.

Жизнь коренных жителей проходила в укромных местах, в глубокой тайге, в уголках, скрытых от посторонних глаз. Могучая девственная природа Сибири со своими естественными преградами помогала в защите и спасении народов от внешних врагов. Но набег татарских полчищ и

сибирским народам доставляли бедствия. Обратились они тогда к русскому царю, ища защиты и покровительства, с просьбой о присоединении Сибирских земель к территории России.

К концу XVI века новгородские служилые люди добирались до этих далёких мест, позже непраздные поморы по кромке студёных морей заходили в устья великих сибирских рек. Поражались путешественники сказочному богатству этих земель. Увиденное переполняло их воображение, чувства захлёстывали души.

Поход, возглавляемый казачьим атаманом Ермаком Тимофеевичем, был организован с целью разведки. Перевалив за Каменный Пояс, как называли тогда Уральские горы, казаки двинулись на Сибирь. Переправлялись они по могучим рекам на стругах. Отряд Ермака, небольшой по численности, преодолевал не только природные преграды: реки с перекатами, непроходимую тайгу с лавиной гнуса, но и отбивал нападки кочевых разбойников хана Кучума. Предстала перед казачьим атаманом вся сложность задуманного дела по освоению Сибирских земель.

Зимовать пришлось во владении уральских купцов Строгановых. Хозяева этих земель питали особую надежду на военную экспедицию Ермака. Давно манили несметные богатства Строгановых. Но не видать им осуществления их планов, пока хан Кучум рядом угрожает грабежами. Вот и ждали Строгановы защиты со стороны казаков, посланных царём-батюшкой на освоение и охрану Сибирского края.

Как вовремя появился атаман Ермак Тимофеевич со своим грозным отрядом! Как был он смел, отважен, решителен! Внутренняя природная мудрость и прямолиней-

ность помогала Ермаку распознать задуманные намерения и истинную сущность купцов Строгановых, этих фактических хозяев огромных просторов за Уралом. Атаман поставил перед ними трудную для них задачу: снабдить казачий отряд для очередного похода отряда в Сибирь. Дружину Ермака купцы снабдили хорошим оружием, продуктами, новыми стругами. Все это делалось со скрипом, под сильнейшим нажимом атамана. Огромное желание завладеть новыми землями сильно влекло купцов Строгановых. Они не спали ночами, строили новые планы, мерещились им новые заводы и золотые прииски. Несметные богатства достались бы им в случае поддержки со стороны русского царя и его подданных. И тогда их богатство приросло бы новым богатством.

Присоединение Сибирского края к России шло с Божиим промыслом, с христианской молитвой. Народы, населяющие эти места, шли на такое единение с великим русским соседом добровольно, с пониманием и доброжелательностью. Свою жизнь, как бесценный дар, готовы они были положить к ногам Российского Государя. Событие это, а также человек-легенда, казачий атаман Ермак Тимофеевич, остались на века в народной незабвенной памяти. Решительные и справедливые поступки атамана пришлись по сердцу многим коренным жителям Сибирских земель. Особо уважали и готовы были на смерть за своего любимого атамана сподвижники Ермака, его боевая дружина. Помнили каждое его слово, каждый его шаг.

Очень мало знает наука «История» об атамане Ермаке. Неизвестно, откуда он пришёл, как были прожиты им последние дни его жизни, где похоронен славный казачий

атаман. Жизнь и смерть его обросли легендами, сказаниями. Никто не скажет точно, где правда, а где – вымысел. Но всё, что связано с Ермаком Тимофеевичем, было по промыслу Божьему, всё сокрыто седыми веками.

А любовь человеческая к этой незаурядной личности воплотилась в песнях, легендах, былинах. Казак Ермак Тимофеевич духом живёт в искренних, чистых сердцах сибиряков. Стоит только заговорить о нём, как любой встряхнётся, взбодрится даже при упоминании имени этого славного первооткрывателя Сибири. Каким-то чудом всплывает в памяти людей его образ, его могучая фигура, его внимательный зоркий взгляд.

В умах государственных деятелей присоединение Сибири к России осталось исторической ценностью. На задний план уходят славные, смешанные с кровью и потом многотрудные усилия простого народа-труженика: казаков, воинов, крестьян, мастеров-строителей, охотников. Освоение Сибири не чудо, свалившееся с неба, это ни с чем не соизмеримый труд многих-многих наших предков-соотечественников.

Казачьи отряды совместно с коренными жителями Сибирской земли ставили на своём пути заставы, остроги. На многие годы вперёд смотрели они и видели будущее. Вокруг охранных сооружений разрастались станицы, поселения и города, процветающие уже в наши дни.

Менялась на глазах карта Российского государства. С Божьего благословения такой жизненной победы, писаной и неписаной, не знало человечество! За предельно короткие сроки, без завоевательных кровопролитий, без ущемления чьих-то интересов, Российское государство приросло такой

огромной территорией с многонациональным её населением! Такого примера не знает ни одна страна мира!

Атаман Ермак Тимофеевич стоял у истоков этого важного события. Прибывшие в Сибирь казаки убедились в существовании на Сибирской земле охотничьего промыслового рая. А красота природы этого края недаром сравнивается со сказочным Лукоморьем! Многообразен и сложен был уклад жизни трудового сибирского населения. Казаки на новом месте жили станицами. Они несли законную охранную службу. Бывало, продолжительное время не получали денежного довольствия. Несмотря на трудности, несли службу аккуратно, с честью.

Сибирь со своими необъятными просторами укрепляла их отличительные черты характера. В этом суровом краю нельзя было быть слабым, лживым, хитрым. Казаков узнавали по честности, свободолюбию, смелости, отваге, трудолюбию. Они были чрезмерно настырными и жизнелюбивыми. В условиях длительного совместного проживания двух народов: казачьего и чалдонского – выковывался особый сибирский характер. Получился необычайно прочный человеческий сплав. Когда горячим способом соединяются два металла, получают новый чудо-металл, с особыми свойствами. То же произошло и в человеческой природе.

До поры – до времени Сибирь была неизвестна, не познана просвещённой Европой. Ждала эта могучая земля своего времени. Прошло много лет. Сейчас всему миру известно, что Сибирь – самая богатая часть планеты Земля. По промыслу Божию, богатство это передано было в дар и на процветание славному народу, населяющему этот заповедный край.

День Победы

День Победы над фашисткой Германией – это день большой славы российского народа и день большой его скорби. Сколько будет длиться память об этом событии, столько будут литься слёзы в этот день. Слёзы радости и потерь. На последнем издыхании, на исходе моральных и физических сил выковали советские люди эту победу.

С начала века на территории России шла упорная борьба государства с собственным народом. Потом началась кровавая битва с фашистами. На войну уходили оставшиеся на свободе, последние резервы. Солдатами становились семнадцатилетние мальчишки.

После войны нужно было заново отстроить разрушенную страну, восстановить державу. Каким-то чудом удалось моему народу это, откуда-то взял он силы. Трудился он, русский народ, и надеялся на мудрость своих правителей. Уверен был в том, что жизнь наладится, станет лучше.

Вот прошли и мои молодые годы. Уже дети мои выучились, стали работать. Оставил я шумный беспокойный Томск и переехал на постоянное место жительства в пригород, в село Зоркальцево. По Божьему промыслу, с Его помощью оказался я в этом красивом селе. Здесь построил небольшой кирпичный дом. Огляделся, познакомился с местными жителями.

Вскоре настало время, когда власти разрешили восстанавливать некогда закрытую, а потом разрушенную церковь. В давние времена выстроена она была вершининскими казаками. Было это сто пятьдесят лет назад. Сруб церк-

ви старые мастера выполнили из дерева лиственницы. Работа эта отличалась высоким качеством. Выдержал сруб страшное лихолетье. И молитвенный дух наших славных предков до сих пор сохранился, жив, поддерживает он нас, православных.

Но прежде, чем храм в селе Зоркальцево стал местом службы прихожан, нужно было провести огромную трудную работу по его ремонту и реставрации. После приезда в село священника, ремонтные работы стали проводиться очень активно. Молящиеся спешили к развалинам храма в помощь немногочисленным строителям и своему батюшке. На протяжении многих лет я тоже ходил в церковь, по возможности и своим силам принимал участие в ремонте храма.

Восстановленный умелыми благочестивыми людьми сельский храм, живущий с Божьей правдой, снова стал служить православному люду. По Божьей милости и стараниям добрых людей, величественная церковь поднялась над селом во всей своей красе, засияла золотыми куполами, зазвенела она призывным радостным звоном своих колоколов над окрестностями. Вот уже много лет служит в нашем храме священник, протоиерей отец Максим (Миронов). Заполнили церковь верующие люди. Приход наш хоть и небольшой числом, но богат благочестием.

Настало такое время, когда русский народ стал разворачиваться к образам, припадать к святым иконам, благоговейно переступать порог церкви. Значит, этому предшествовало Божие устремление. Сначала прихожане словами творят молитвы, а потом, со временем – в Духе и Исти-

не. Радуйся, человек, Сам Господь Бог причастил и посвятил тебя в звание православного христианина!

А меня батюшка со временем благословил нести сильную службу в церкви, назначил дежурным в храме, ответственным за свечным столом.

Как-то несколько лет назад администрация и активисты села обратили своё внимание на состояние памятника воинам-землякам, погибшим на полях Великой Отечественной войны. Памятник располагался рядом с церковью и к тому времени находился в плачевном виде. Ему требовался срочный ремонт, была острая необходимость и в благоустройстве близлежащей территории. Руководство и активисты стали искать в селе место для возведения нового памятника.

Отец Максим предложил оставить его на территории церкви, только обновить само сооружение. Так и сделали. В скором времени с почестями и любовью был установлен новый памятник погибшим воинам с их увековеченными именами на гранитной плите. По инициативе нашего батюшки перед памятником был закреплён фонарь с зажжённой свечой. Горение пламени поддерживал пономарь церкви, а если он по каким-то причинам отсутствовал, то батюшка сам зажигал свечу. Это происходит каждый день, вне зависимости от погоды и жизненных ситуаций. Так, благодаря усилиям священника, его доброй душе, горит неугасаемый огонь возле памятника славным воинам-односельчанам.

На всей территории при храме всегда поддерживался идеальный порядок. Каждый день, благословясь, брал я в руки метлу и с любовью и прилежанием наводил вокруг

нашей церкви чистоту. В летнее время, когда так и лезла из земли трава, брал я в руки остро отточенную косу-литовку и в добром расположении духа выкашивал поросль вокруг храма. Раннее солнце, играя своими лучами, касалось всего земного. В капельках утренней росы переливались разноцветными бликами маленькие радуги. Без шума, чуть-чуть шурша, ложилась на землю ровными рядами скошенная трава, отяжелевшая от обильной утренней росы.

Любил такие минуты и наш батюшка. Часто в это время он находился рядом. «Как славно! Какая благодать!» – шептали его губы.

«Как это хорошо, что нет механизированного рокота, скрипа, шума, – говаривал тогда отец Максим. – Здесь Божий дух! Здесь ангелы живут! Здесь птицы не летают, а порхают на расстоянии вытянутой руки!».

Очень по душе мне были часы, проведённые в нашем храме. Бывало, подметаю улочку недалеко от главного входа, останавливается рядом, в нескольких шагах от меня, блестящая дорогая машина. Открывается окно боковой дверцы. Выглядывает чистое молодое пахучее лицо.

– Дедушка, будь добр, скажи, пожалуйста, в церкви есть кто-нибудь?

– Да, конечно, есть! И вас там ждут.

Быстро ставлю метлу за угол, не мешкая, захожу в храм, оказываюсь за свечным столом. Заходят, кладут крестное знамение. Раскланиваются.

– Здравствуйте! Проходите! Сколько вам свечей?

– Четыре свечки. Мне бы ещё крестик нательный, я его недавно потерял.

– Пожалуйста.

– А сколько мы вам должны?

Денег в руки не беру, указываю в ближайший угол. Там стоит ящик с надписью «Для пожертвования на нужды храма».

– Будьте добры, опустите вовнутрь.

– А сколько нужно?

– Ради Христа! Это же святое дело! Как можно называть точную цену доброго дела?

В другой раз зайдёт человек в церковь, значит, делается это при помощи Божией. А как вести себя в храме не знает, как достойно наложить крестное знамение на себя – не умеет. Мягко, ласково, со всей теплотой своего сердца подскажешь человеку. Радуетя в это время твоя душа вместе с душой прихожанина. Подойдёт такой человек к иконе, приложиться к ней не пытается, так как не умеет этого делать. Не может и сказать слова молитвы, далёк он от этого. Подойдёшь, встанешь рядом, по-доброму обратишься к нему:

– Давай помолимся вместе.

Уходит человек со слезами на глазах, ведь смог он обратиться к Пресвятой Богородице со своей молитвой! Хорошо, что он, человек православный, зашёл в Дом Божий! Так угодно Ему, Господу!

Много лет прослужил я при нашем храме. Историй накопилось за эти годы немало. Как-то заметил я недалеко от боковой двери церкви птичку, именуемую в народе «плиской», или трясогузкой. Одной ножки у птички не было. Так и прыгала она по травке на одной лапке. Вид у неё был совсем не грустный, а живой, весёлый. Часто она приближалась к памятнику воинам, усаживалась на плиту,

рядом с выбитым на ней списком погибших солдат, долго сидела, опустив свою милую опрятную головку. Спросил я как-то отца Максима:

– Батюшка, Вы видели птичку около памятника?

– Я её уже давно заметил, чуть ли ни со Дня Победы.

Какая-то недосказанная грусть объединила нас.

Ближе к осени пришло время отлёта Божиих тварей в тёплые края, в места зимнего проживания. На моих глазах поднялась птичка высоко в голубое небо и исчезла из виду. Чья-то покалеченная душа поднялась на неподъёмную высоту и скрылась в блаженной вечности.

Храм наш в честь иконы Божией Матери Смоленской (Одигитрии) стоит в самом центре села. Ни одна машина не проедет мимо церкви, ни один пешеход не может пройти мимо неё. Люди, остановитесь, смягчите ваши сердца, поклонитесь низко Святому образу Пресвятой Богородицы! Попросите её благословения! Остановите свой взор на памятнике, на именах павших на войне солдат. Они – герои, они – святые души, взошедшие на небеса! Пожелайте им покоя и вечной жизни в блаженстве. Сегодня день, который приблизили они. Сегодня вся Россия с портретами своих дедов идёт в нескончаемой колонне крестного хода. В День Победы молодые красивые ребята дают оружейный салют в честь погибших воинов. Плачет и радуется Земля и вся природа её, уповая на Господа Бога.

Татьяна Яковлевна, Иван Константинович и их дочь Галина

Дом Голещихина Ивана Константиновича,
построенный с участием семьи

Послесловие, или О чём болит душа...

Вот уже прошло столетие с того момента, как в России произошло событие, которое в корне изменило весь уклад огромного государства. Повлияло оно на многочисленное население, коснулось каждого человека в отдельности. Одни называли это событие Великой Октябрьской социалистической революцией, другие – октябрьским переворотом. Революция или переворот? Пусть в определениях разбираются историки. Мне же хотелось рассказать о том, как 1917 год отразился на судьбах простых людей, которые жили со мной рядом, которых я хорошо знал или встречал случайно.

Налаженная хозяйственная и нравственная жизнь старой России была разрушена. При социализме работа кипела и днём, и ночью. Привести страну к разрухе и неразберихе было очень просто. Восстановить, добиться спокойного равновесия – невероятно трудно, сложно. Народ заново отстраивал разрушенные войной города и сёла, восстанавливал заводы и фабрики, много и трудно работал на колхозных полях и фермах. Годы репрессий и войны, следовавшие одна за другой, привели к появлению огромного количества детей-сирот, которых тоже нельзя было оставить без внимания.

Вспоминая то, что мы потеряли, начинаем себя успокаивать: «Всё построим! Добьёмся лучшего! Даже превзойдём бывшие успехи!» А кто нам мешает, опираясь на

лучшие силы народа, делать свою жизнь достойной и радостной, а свою страну – богатой и процветающей? В нашем огромном государстве не должно быть такого явления, как безработица. Для этого надо много думать, упорно и разумно трудиться всем: и руководителям нашей страны, и её населению. Соседние народы, глядя на нас, уверенных в завтрашнем дне, будут тогда относиться к России с уважением. Это будет справедливо и честно.

А что же сам, русский народ? Он, воспитанный в христианской вере, принимал со смирением все беды и испытания, выпавшие на его долю. Народу ничего не оставалось, как принять новые условия жизни, продолжать честно трудиться, растить детей. Во всех уголках огромной страны развернулись нескончаемые стройки. Везде ощущалась нехватка специалистов, их мастеровых рук. Работал славный трудолюбивый русский народ. Это были люди «николаевской эпохи», корнями своими укрепившиеся ещё в старой России. В них нерушимо было стремление честно трудиться, на совесть выполнять свою работу. Они поддерживали во всём порядок, дисциплину, пресекали воровство и лень среди работавших рядом молодых ребят. Совсем ничего не получая за свой труд, работая за «палочки», с прилежанием и радостью трудились они на благо страны. Поколение, выросшее при старой власти, уходило постепенно. Но его духовность, приверженность законам совести скрепляла народ. Это они, старики, удерживали новые поколения от стремительного духовного разложения.

Но чем больше становилась мощь социализма, чем больше было красивых лозунгов, призывных речей, тем меньше оставалось в народе энтузиазма. Не стало страха

Божьего, не осталось нравственного мерила. Качественно стал меняться человек. Изменилось его отношение к труду. Теперь уже не зазорно стало работать «с прохладцей», вразвалочку. Важным стало не то, как выполнена работа, а сколько сделано. В работе главным было не получить нужный результат, а послушно отбыть положенное время. Страна получила то, к чему привели отсутствие духовно-нравственных начал: безответственность, беспечность, лень, праздность и равнодушие. Умение быстро и много «срубить бабок» становится чуть ли не заслугой, вызывает уважение у молодёжи, одурманенной хрустом долларов. Честность, умение грамотно трудиться, надёжность, ответственность за свои действия уходят в прошлое. Законы нравственности поставлены с ног на голову. Вот что произошло с русским человеком за эти годы.

Нельзя не вспомнить о наших соотечественниках, оказавшихся в вынужденной эмиграции. Это одна из трагических страниц в жизни нашего народа. Братоубийственная гражданская война разделила население на две враждующие силы: красных и белых. Участникам белого движения, молодым офицерам, присягавшим в своё время Царю и Отечеству, очень трудно было смириться с крахом своей страны под натиском революции. Сопротивление было жестоким, беспощадным. Но силы оказались не равны. Те, кто не погиб в кровопролитных боях, вынуждены были спасать свою жизнь за пределами России. Так православные русские оказались за границей. Навсегда, без права возвращения. Тяжела доля эмигрантов. Они нашли себе место под солнцем, но потеряли Родину. Но они никогда не предавали её!

Не все участники белого движения покинули Россию. Им, бывшим офицерам, казакам, дворянам, пришлось жить по законам новой власти, вступать в колхозы. Всю их жизнь им не давали забыть о лояльности к повергнутой власти: были вызовы, допросы и длинные этапы в места заключения. Пришлось пережить унижения и преследования. Всё терпели люди из-за любви к своему прежнему образу жизни, к своей Родине. Будь что будет, но за кордон не ушли, полностью разделили судьбу своей страны. Ценой своей жизни строили новую жизнь. Не остались они в стороне, когда на страну напали фашисты. С зашитыми в одежде ладанками и молитвами уходили бывшие «белые» защищать Россию.

Что это за народ такой – русские? Кто поймёт их сокровенный дух? Забывали они обо всех обидах, когда наступал опасный для Родины час. На смену отцам, ушедшим на фронт, вставали двенадцатилетние ребятишки! Позже народ назвал их «детьми войны». За годы Великой Отечественной мы потеряли десятки миллионов жизней, и снова воскресили свою великую страну! Только такой крепкий, толковый, сильный духом народ мог пережить самые жуткие времена достойно. Много было всего! Назад не отмотаешь, не перестроишь.

А что же происходит с теми народами и народностями, которые истари жили рядом с нами, русскими? Как на них отразились изменения жизни после октября 1917 года?

Неисчислимы бедствия принесли селькупам коллективизация, а потом – «великие стройки». Сначала их вытеснили с традиционных мест охоты и рыбалки в коллективные хозяйства, постепенно отучая заниматься tradi-

ционными для этого народа промыслами. Детей, которых сызмальства ставили на лыжи и обучали хитростям таёжной жизни, стали собирать в интернаты, удаляя их от привычных занятий. Позже в Сибири началось активное освоение залежей нефти и газа. В связи с активным освоением природных богатств, бурением скважин на её территории были уничтожены охотничьи угодья, места для рыболовства. Сложившийся веками уклад жизни аборигенов стал уходить в небытие.

Появилась проблема вымирания малых народов. За последнюю сотню лет на территории Сибири значительно сократилась их численность. Теперь уж называют их малочисленными народами. Так, селькупов (остяков) Нарымского края осталось столько, что будет ли их десятки?

Но на такой резкий уход с жизненной арены целых народов повлияла не только цивилизация. Селькупский народ много веков жил рядом с русским народом. Так вот, в самом русском человеке за последние сто лет произошли сильные изменения, которые настораживают представителей малых народностей. Поистратились, изменились, ушли из души русского человека доброта, искренность, честность, любовь к ближнему, эти первородные черты русского характера. Коренные народности стали сторониться нашего брата, избегать тесных контактов с русским населением.

Малые народы стали селиться, проживать в местах менее пригодных для жизни. Изменились их стоянки, места постоянного сбора даров природы, далеко в недоступных местах приходилось им скрывать свои культовые святыни. Когда-то глубокая внутренняя жизнь аборигенов Сибири

стала для новых поколений селькупов малопонятной, исковерканной, нравственно неустойчивой. Так за короткий срок цивилизация оставила след чёрной пустыни в жизни коренных народов Сибири.

Конечно, в последнее время происходит активное возрождение традиционной культуры малых народностей. Но это только единичные мероприятия, которые на короткое время обращают внимание общества на проблемы аборигенов. Нельзя, чтобы мы обходились в этом случае только песнями и танцами, необходимо создать условия для возрождения традиционных национальных промыслов, передачи оставшихся крупниц опыта, накопленного стариками-селькупами, новым поколениям коренных таёжных народов.

А как живётся в сибирской тайге животным и птицам – братьям нашим меньшим? Что происходит с природой Сибири в настоящее время?

Столетия назад передовые деятели России были заинтересованы будущим этого края. Известны пророческие слова основоположника русской науки, М.В. Ломоносова: «Богатство России будет прирастать Сибирью!» Да, велики и богаты кладовые Сибири! Умели наши предки жить с природой в гармонии. Было время, когда охота на зверей и рыболовство велись разумно, бережно. От природы брали только то, что помогало человеку выжить, прокормить семью. Никогда не позволял себе охотник прежних веков излишков, желания обогатиться. Не делал он того, что бы могло нанести урон природе-матушке. Тихо-мирно сосуществовали в живой природе человек, животные и птицы, не нанося друг другу ощутимого вреда, не порождая заметных опустошений.

Я часто слышу от людей: «Жизнь налаживается!». Не разделяя их оптимизма, вижу, как сейчас трудно приходится нашей природе! Современный человек относится к животному миру потребительски. Рыбаки и охотники берут от природы без ограничений. При охоте на зверей применяют совершенное огнестрельное оружие, технику. Теперь они могут добраться в самые потаённые таёжные уголки, ведь в их распоряжении снегоходы и даже вертолёты. Норм и правил для таких охотников нет. Чем же могут препятствовать животные и птицы такому варварскому обращению с ними? Ничем.

Горько и грустно становится мне от этой картины. Переживая кризис духовный, человек сделал всё, чтобы природа тоже пережила кризис, только экологический. Равнодушное отношение к матушке-природе приводит к страшным последствиям, страшнее, чем любая война.

Наши деды называли природу домом, храмом. Сейчас же природа воспринимается, как среда обитания. Деградация духовности человека, а точнее, его бездуховность, привела к изменению жизни вокруг, к её необратимым последствиям. Человек стал безразличным к смыслу жизни. Он ослеплён грехом. Ему не помогают большие технические возможности. Все технические новинки без понимания тайны, чуда жизни не приносят человеку настоящей пользы, а причиняют вред. Современный человек теряет осознание жизни, как дара Божия. Природа, созданная Им, учит нас всматриваться не только в её красоты, но и прислушаться, заглянуть в собственную душу. Людям нужно, не теряя напрасно времени, остановиться в разрушительных действиях по отношению к природе. На основе науч-

ных знаний, с чистой совестью и искренним желанием подходить к восстановлению равновесия в ней. Нужно срочно начинать оздоравливать природу. Завтра будет поздно.

Много-много у меня накопилось за мою жизнь душевной боли за свою многострадальную Родину, за Сибирский край. Но на всей планете не найдётся человека, одарённого превосходнейшей мудростью, который научил бы, как правильно организовать человеческое общество. Люди пытаются построить жизнь на основе своих справедливых законов. С большими грубыми искажениями и ошибками получается человеческий путь. В святой книге записали пророки Завет Господа нашего: «Исполняйте постановления Мои, и храните законы Мои, и исполняйте их, и будете спокойно жить на земле. И будет земля давать плод свой, и будете есть досыта, будете жить спокойно на ней» (25.Лев.18.19).

Воистину, соблюдать бы нам справедливые человеческие законы и хранить Божии заповеди...

Содержание

Прощание с деревней Пристань	3
Село Победа	12
В армии	23
Сержант Петренко	38
Матьянга	49
Охота в Причулымье	61
Мулла Ахмед из Чёрной Речки	82
Житель села Былино	90
Дядя Ваня Кашеутов	101
Наш земляк	116
Встреча на улице Октябрьской	122
Василий Назарыч	133
Климовы	144
Илларион	152
Милая моя Таня	161
Конная площадь	172
Немцы с Поволжья	183
Ермак	192
День Победы	197
Послесловие, или О чём болит душа... ..	203

И.К. Голещихин

Это было недавно...

Издание второе, исправленное

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета

Подписано в печать: 20.09.2017

Формат 60х84 $\frac{1}{16}$. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Гарнитура «Таймс».

Печ. л.: 13,5; усл. печ. л. 12,56; уч. изд. л. 8,17.

Тираж 120 экз. Заказ 17160.

Отпечатано в типографии «Иван Федоров»
634026, г. Томск, ул. Розы Люксембург, 115/1
Тел. (3822) 78-80-80, тел./факс (3822) 78-30-80
E-mail: mail@if.tomsk.ru